

Пенни Винченци
Наперекор судьбе
Серия «Искушение временем», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700295
Пенни Винченци. Испытание временем. Книга 2. Наперекор судьбе: Азбука, Азбука-Амтикус;
Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-07978-6
Оригинал: PennyVincenzi, "Something Dangerous"
Перевод:
Игорь Иванов

Аннотация

Вторая книга трилогии «Испытание временем» – «Наперекор судьбе» – охватывает почти два десятилетия. Беззаботные двадцатые годы... и тридцатые, когда над Европой сгущаются тучи...

Повествование начинается с празднования восемнадцатилетия дочерей Селии – восхитительно красивых сестер-близнецов Адели и Венеции Литтон. Им кажется, что мир вращается вокруг них, а свое привилегированное положение в обществе они принимают как должное. Совершенно по-иному складывается жизнь Барти Миллер – воспитанницы Селии, выросшей в ее доме. В дальнейшем Барти не раз наткнется на невидимый барьер, отделяющий ее от «настоящих» Литтонов... Поколение Барти и сестер-близнецов постепенно входит во взрослую жизнь.

И прежде чем герои пойдут наперекор судьбе, каждому из них придется принять вызов, брошенный им судьбой. Всем им придется научиться жить и выживать, сохраняя в себе человека, способного помогать, сострадать и любить...

Впервые на русском языке!

Содержание

Благодарности	5
Предисловие	7
Главные герои	8
Лондон	8
Поместье	9
Нью-Йорк	10
Париж	11
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	89
Глава 8	102
Глава 9	114
Глава 10	117
Глава 11	124
Глава 12	138
Глава 13	154
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Пенни Винченци

Искушение временем.

Книга 2. Наперекор судьбе

Посвящаю Полу, который всегда готов выслушать и подставить плечо, на котором можно выплакаться. С громадной любовью

*Но нечто есть опасное во мне.
Гамлет, принц датский¹*

Каждый роман Пенни Винченци – гарантированный бестселлер.
Grazia

Написанные с безупречным вкусом... числом проданных экземпляров превзошедшие книги Даниэлы Стил и Барбары Тейлор Брэдфорд... эти семейные саги о женщинах с бурным темпераментом, успешных и сексапильных мужчинах; произведения, где сюжетные линии богаты страстями... Читателям будет не оторваться от каждой страницы».
Washington Post

Пенни Винченци пишет с таким талантом и вкусом, что всякого читателя, отведавшего хотя бы крошечный кусочек ее произведений, приходится чуть ли не силой удерживать от стремления проглотить залпом и все остальное.
Sunday Express

Благодарности

Процесс выхода этой книги в свет был достаточно ритмичным и спокойным благодаря небольшой армии моих помощников. Ее командиром вновь стал мой литературный агент и «поставщик сведений» Десмонд Эллиотт – настоящая ходячая научная библиотека, где собраны, в первую очередь, сведения по издательскому делу, но есть и другие, не менее важные для меня сведения и прежде всего – реалии жизни Нью-Йорка во временном отрезке между двумя мировыми войнами. Раз уж речь зашла о Нью-Йорке, я обязана поблагодарить Эдну Макнабни, снабдившую меня великим множеством остроумных анекдотов и иных сведений, а также потрясающих деталей, связанных с этим городом.

Выражаю глубочайшую благодарность мадам Николь Делава, буквально завовавшую меня своими воспоминаниями о довоенном, военном и послевоенном Париже и о том, что ей пришлось пережить. Ее испытания перекликаются с испытаниями, выпавшими на долю моей героини Адель. Большое спасибо Анник Салтерс и Лоранс де Ласнери за то, что познакомили меня с мадам Делава, и за множество дельных советов и предложений. Большое спасибо Нони Холланд – моей неутомимой переводчице и гиду. Во время пребывания в Париже мне активно помогала моя племянница Ребекка Винченци и ее друг Матьё Ли. Спасибо им огромное за все и в особенности за столь памятный вечер в кафе «Флор». Искренне благодарю Нину Салтер и ее коллег из издательства «Calman Levy», послужившего прообразом, но ни в коем случае не копией для описанного мною издательства Константенов. Не могу не сказать спасибо замечательному архивариусу из издательства «Nachetle».

Моим военным консультантом – неутомимым и терпеливым – был Хью Диккенс. Огромное ему спасибо за сведения из военной области и за его творческий, изобретательный подход к работе. Я глубоко благодарна Берил Томпсон за ее яркие и впечатляющие воспоминания о службе в рядах Женского вспомогательного территориального корпуса и Джоанне Лайсетт, находившейся тогда в составе Женской вспомогательной службы военно-морских сил Великобритании. Ощущаю себя в большом долгу перед Мэттью Паркером, рассказавшим мне немало ценного и интересного о войне в воздухе, и за его книгу «Война Британии».

Особо хочу отметить Хелен Пью и других активисток лондонского Красного Креста времен Второй мировой войны. Искренне благодарю Кит Спаркс, Колетт Леви и Сью Стейпли, которые, не жалея времени, щедро делились со мной своими знаниями. Моя глубокая благодарность Клэр Александер, оказавшей большую поддержку нам с Десмондом. Столь же глубокая благодарность моей дочери Клаудии за переводы и исследовательскую работу. И конечно же, от всей души благодарю Марию Райс-Джонс за экспресс-курс французского, после которого я даже смогла чуть-чуть переводить сама.

В написании этого романа мне очень помогли несколько книг: «Неделя падения Франции» Ноэля Барбера, «Свастики над Парижем» Джереми Джозефса, «Оккупация» Айана Осби, «Лондон времен войны» Филипа Зиглера, «Дочери вице-короля» Энн де Курси и «Великая депрессия» Дж. К. Гэлбрейта.

Как всегда, выражаю глубокую благодарность Роси де Курси не только за ее творческое, вдохновляющее и бережное редактирование и за успешную статью легендарной способностью обходиться без напоминаний, что назначенный срок прошел много дней, недель и месяцев назад, но и за ее способность удерживать меня от паники и умение смешить.

Огромная благодарность многочисленным сотрудникам «Orion»: Сьюзен Лэмб, Джеффу Даффилду, Далласу Мандерсону, Ричарду Хасси, Джо Карпентер и Люси Стерикер за то, что так великолепно печатали, паковали, рекламировали, продавали эту книгу, нарядив ее в такую замечательную обложку. Огромное спасибо Эмме Драуд и команде из «Midas», которые рассказали миру о моем новом романе. Последней в этом списке, но далеко

не последней по степени важности идет имя Кирсти Фоукс, которой я чрезвычайно признательна за ее нечеловеческое спокойствие и искреннюю поддержку, которые я ощущала на всем протяжении работы над этой книгой.

И конечно же, моя глубочайшая благодарностью моей семье, терпеливо выносящей меня и способной распространить свое терпение еще на год, пока я буду писать следующую книгу.

Оглядываясь назад, кажется, что все было достаточно просто...

Предисловие

Я всегда чувствовала, что пишу трилогию «Искушение временем» исключительно из потакания своим интересам. Мне давно хотелось написать трилогию, ибо нет ничего хуже, чем в конце романа прощаться со своими героями. Я подумала: если написать еще две книги, мне не придется делать это так рано. Я наслаждалась, создавая своих персонажей и наблюдая, как они влюбляются, женятся и выходят замуж, рожают детей, которые через две книги сами станут главными героями трилогии. Мне нравилось наблюдать, как по мере развития событий росла описываемая семья и как незначительное решение или случайная встреча в первом томе способны привести к весьма важному событию во втором. А потом, создавая третий том, я наслаждалась, глядя на тугие переплетения нитей разных поколений и на пересечения разных ветвей этой большой семьи.

Я наслаждалась тем, что могла обозреть большой отрезок времени, в течение которого Литтоны, некогда жившие в роскошном доме эпохи короля Эдуарда и задававшие балы, были вынуждены перебраться в лондонские трущобы. Я наблюдала, как их женщины примыкали к движению суфражисток, вместе с ними проходила крайности двадцатых и тридцатых годов, сражалась в двух мировых войнах, бежала из истерзанной войной Франции и, несмотря на все это, радовалась успехам их издательского дома по обеим сторонам Атлантики.

Из всех своих героев я больше всех полюбила семью Литтон и в особенности леди Селию Литтон – противоречивую, деспотичную и в то же время величественную главу семейства вместе с ее любовниками, детьми и главной любовью ее жизни – издательским домом. У меня нет ощущения, будто я придумала леди Селию. Я чувствовала, что она всегда находилась где-то рядом и ждала, когда я напишу о ней. Она зачаровывала меня на протяжении всей своей долгой жизни, начиная с нашей первой встречи, когда Селия была еще молодой девушкой, и до последней, где она стала прабабушкой. К счастью, если я сильно соскучусь по ней, достаточно будет взять одну из книг трилогии, и мы снова окажемся вместе.

Я очень надеюсь, что такие же встречи будут потом происходить и у вас.

Пенни Винченци, Лондон, 2006 г.

Главные герои

Лондон

Оливер Литтон, *владелец издательского дома «Литтонс»*

Леди Селия Литтон, *его жена и главный редактор*

Дети Оливера и Селии:

Джайлз

Венеция и Адель, *сестры-близнецы*

Кит

Маргарет (ММ) Литтон, *старшая сестра Оливера и управляющая в его издательстве*

Джей Литтон, *сын Маргарет от ее любовника Джаго Форда, ныне умершего*

Гордон Робинсон, *муж Маргарет*

Джек Литтон, *младший брат Оливера*

Лили Литтон, *жена Джека, актриса*

Барти Миллер, *воспитанница Оливера и Селии*

Себастьян Брук, *популярный детский писатель, печатающийся в издательстве «Литтонс»*

Бой Уорвик, *давнишний школьный приятель Джайлза*

Абигейл, *учительница, подруга Барти*

Седрик Рассел, *фотограф, работающий для журналов мод*

Поместье

Лорд Бекенхем, *отец Селии*

Леди Бекенхем, *мать Селии*

Билли Миллер, *брат Барти*

Нью-Йорк

Роберт Литтон, *старший брат Оливера, преуспевающий застройщик*
Лоренс Эллиотт, *пасынок Роберта, сын его бывшей жены Дженетт, ныне покойной,*
который порвал контакты с отчимом, братом и сводной сестрой
Джейми Эллиотт, *брат Лоренса*
Мод Литтон, *дочь Роберта и Дженетт*
Джон Бруер, *деловой партнер Роберта*
Фелисити Бруер, *жена Джона, поэтесса, публикующаяся в издательстве «Литтонс»*
Кайл Бруер, *сын Джона и Фелисити, редактор*
Джорди Макколл, *писатель, публикующийся в издательстве «Литтонс»*

Париж

Ги Константен, глава французского издательства

Люк Либерман, главный редактор

Мадам Андре, квартирная хозяйка Адели

Часть первая 1928–1939

Глава 1

Венеции Литтон доставляло огромное наслаждение рассказывать людям, что она появилась на свет в тот день, когда вся страна находилась в трауре.

Такое заявление, хотя и было исторически достоверным и гарантированно делало Венецию центром внимания любой компании, где ей вздумалось произносить эти слова, все же рисовало слегка искаженную картину. Исправлять эту картину доставалось Адели – сестре-близняшке, от рождения обладавшей несколько более прозаическим взглядом на жизнь. Та объясняла, что их рождение почти с точностью до часа совпало с кончиной короля Эдуарда VII.

– Да, конечно, – раздраженно соглашалась Венеция, – но все равно это был на редкость мрачный день. Мама говорила, что медсестры, принося в палату очередной букет цветов, рыдали все громче и громче. А когда приехал папа, доктор встретил его, представьте себе, в черном галстуке. Естественно, наш папочка подумал, будто случилось нечто ужасное.

В этой части повествования, если среди слушателей оказывался кто-то из двоих братьев близняшек, следовало непременно добавление. Да, нечто ужасное действительно случилось, поскольку мир ничего не подозревал о ворвавшихся в него сестрах-близнецах. Здесь Венеция обычно картинно надувала губки, а Адель безмятежно улыбалась, и кто-то другой (обычно кто-то из молодых женщин, жаждавших привлечь немного внимания и к своей персоне) пытался сменить тему разговора.

А отвести взгляд от близняшек Литтон было нелегко, и не потому, что девушки притягивали своей красотой и умели развлечь общество, но и вследствие их необычайного сходства. Говорят, что знаменитых моргановских близняшек Тельму и Глорию, более известных как соответственно леди Фёрнесс и миссис Реджинальд Вандербильт, можно было различить, только подойдя к ним почти вплотную. Тогда становился видимым маленький шрам под подбородком Тельмы – результат неудачного катания на роликовых коньках, когда она была еще маленькой. Однако внешность близняшек Литтон не имела столь полезного опознавательного знака. Впрочем, у Венеции на правой ягодице находилась маленькая родинка. Еще было замечено (с того момента, когда на это стали обращать внимание), что у Адель соски темнее и немного больше, чем у ее сестры. Но поскольку такие факты было исключительно трудно подтвердить, а в обыденных ситуациях они были и вовсе бесполезны, никто из окружающих близняшек людей почти никогда не знал, с кем он в данный момент беседует, сидит рядом или танцует.

Такое положение вещей до сих пор забавляло сестер. Они вовсе наслаждались им в школе. Они постоянно выдавали себя друг за друга, чем приводили в замешательство, а то и в нескрываемое бешенство учителей. Пределы учительского терпения сестры испытывали до тех пор, пока все это не стало известно их матери, и та, глубоко озабоченная образованием дочерей (что было весьма необычно для ее возраста и занимаемого ею положения), пригрозила отправить их в разные школы-пансионы. Боязнь разлуки привела близняшек в неопишущий ужас и положила конец их проделкам.

В этом же году, но несколько раньше событий, о которых идет речь, сестры танцевали на своем выпускном балу. Обе были одеты в одинаковые белые атласные платья, и у каждой в темных, блестящих, коротко стриженных волосах красовалась по большой белой розе.

Сестры производили столь головокружительное впечатление, что кое-кто из мужчин старшего поколения ощутил себя пьянее, чем был на самом деле. Если верить слухам, то на церемонии представления королю сестры якобы поменялись местами. Однако те, кто по-настоящему знал сестер, говорили что даже Адель (не столь общительная, как Венеция, но отличавшаяся большей внутренней смелостью) не решилась бы на такую ужасную дерзость.

Сестры вовсю наслаждались своим вхождением во взрослую жизнь. Мать сознательно выбрала для них одну из ранних пасхальных аудиенций, чувствуя, что дочерям это лучше запомнится, да и при дворе их приметят.

— К июню там будет настолько людно и шумно, что на вас могут не обратить внимания. Какие-то девушки, с кем один раз потанцевали и забыли.

Сегодня сестрам это не грозило. В лондонском доме на Керзон-стрит, принадлежащем родителям Селии, сестрам была отведена центральная роль. Даже если бы дом был менее великолепным, список гостей не таким тщательно составленным, шампанское не столь превосходным, а музыка не такой модной, одно то, что танцы устраивались специально для сестер, сделало бы этот вечер незабываемым. Вне всякого сомнения, близняшки Литтон являлись самыми блестящими и популярными дебютантками нынешнего года. У сестер захватывало дух при мысли, сколько удивительных развлечений еще ожидает их летом. Балы, вечеринки, уик-энды в загородных поместьях, не говоря уже о главных событиях сезона – скачках в Дерби и Аскоте, королевской регате в Хенли и многих других. Фотографии сестер постоянно появлялись в колонках светской хроники, а «Вог» удостоил их особой чести и посвятил им целую страницу, где они предстали в бальных платьях от Вионне. Мать сестер без конца жаловалась, что начавшаяся светская жизнь дочерей отнимает львиную долю ее времени, однако искренне радовалась их успеху. Даже одна красивая и пользующаяся вниманием дочь, которую ты вывела в свет, давала основания для заслуженной гордости, но когда их двое – это настоящий триумф.

* * *

Сегодня, когда близняшкам исполнялось восемнадцать лет, упоминания об их появлении на свет и общенациональном трауре повторялись значительно чаще обычного. Настолько часто, что Джайлз – брат близняшек (он был старше их на пять лет) – даже пригрозил им за завтраком: еще хоть слово об этом, и он не придет на вечернее торжество.

— И тогда, Венеция, ты пожалеешь, потому что я обязательно скажу Бобу Уорвику и он тоже не придет.

— Ах, напугал, – беспечным тоном отозвалась Венеция. Достав из кармана пудреницу, она попудрила свой идеально прямой носик. – Между прочим, это ты его приглашал, а не я. Он ведь твой дружок.

— Венеция, дорогая, не занимайся подобными делами за столом, это слишком вульгарно, – заметила ей мать. – А Бой обязательно придет. Я не позволю, чтобы все приготовления пошли прахом. Я вместе с поварихой проверю, все ли готово к вечернему обеду. Нас и так теперь будет только девятнадцать, учитывая, что Барті не сможет приехать.

— Какая жалость, – пробормотала Венеция, обращаясь к Адели. Увидев, что мать пристально смотрит на нее, девушка лучезарно улыбнулась. – Я всего лишь сказала, что мне жалко. Наверное, ехать далеко. Из самого Оксфорда. Только ради какого-то обеда.

— Она могла остаться у нас на пару дней, – ответила Селия. – Но неотвратимо приближаются ее выпускные экзамены, и Барті очень волнуется за их результат. Я думаю, мы должны с уважением отнестись к этому. Правда?

— Конечно, – подхватила Адель.

— Абсолютно, – в тон сестре ответила Венеция.

Глаза обеих чуть приподнялись от кофейных чашек и встретились, после чего близняшки с очаровательной невинностью уставились на мать.

– Нам будет ее не доставать, – произнесла Адель, сопроводив слова коротким, тщательно рассчитанным вздохом. – Барти такая умница. Уверена, она все равно займет первое место.

– Это как пить дать, – поддакнула Венеция.

– Удивляюсь вашему детскому лепету, – сказала Селия. – Не могу понять, почему вы до сих пор не улавливаете прямой связи между усердной работой и успехом. Достижения не сваливаются на голову, особенно достижения в научной сфере. Ваш отец в свое время занял первое место. Но вы даже представить себе не можете, сколько сил и упорства он на это потратил. Ведь так, Оливер?

– О чем ты, дорогая? – спросил Оливер Литтон, отрываясь от чтения «Таймс» и слегка хмурясь.

– Папа, мы говорим о том, что первое место среди выпускников досталось тебе ценой невероятного труда, – сообщила отцу Венеция.

– Я мало что помню из тех времен, – признался Оливер. – Полагаю, так оно и было.

– Мама говорит, что так.

– Вообще-то, ей трудновато судить об этом, поскольку тогда мы с ней еще не были знакомы.

– Мама может судить обо всем. У нее с этим нет проблем, – хихикнула Адель.

Следом хихикнула и Венеция.

Селия сердито взглянула на дочерей:

– У меня есть дела поважнее, чем увязать в крайне глупых спорах. А чтобы я не опоздала на торжественный обед по случаю вашего дня рождения, мне через полчаса надо выйти из дому. Джайлз, хочешь пойти на работу вместе со мной?

– Я... Пожалуй, я выйду даже раньше, если ты не возражаешь, – торопливо ответил Джайлз.

– Возражать? Мой дорогой Джайлз, с какой это стати я должна возражать? Я рада, что ты настолько серьезно относишься к своей работе. Какая же ее часть волнует тебя сегодня? Наверное, это что-то исключительно важное, раз ты не можешь подождать полчаса? Надеюсь, ты не допустил никаких ошибок.

«Боже, ну зачем она прицепилась ко мне? – подумал Джайлз. – К чему эти высокопарные и высокомерные слова?» В очередной раз его ставили на место, напоминали о его заурядном положении в издательстве, делая это даже здесь, за завтраком в семейном кругу.

– Никаких ошибок, мама. Можешь не волноваться, – сказал Джайлз. – Просто мне нужно вычитать достаточно много гранок, потом сделать разметку новой книги о Бьюханах и...

– Надеюсь, ты не затянешь сроки. Книжка просто обязана к июлю уже быть в продаже. Очень не хотелось бы думать...

– Мама, сроки нормально выдерживаются. Все идет абсолютно по графику.

– Тогда почему такая спешка?

– Селия, оставь мальчика в покое, – миролюбиво произнес Оливер. – Он просто хочет погрузиться в работу, пока еще телефоны не начали трезвонить. Вычитывание гранок – занятие утомительное, требующее внимания. Я всегда любил заниматься этим по утрам.

– Я отлично знаю всю механику вычитывания гранок, – напомнила мужу Селия. – Сама предостаточно этим занималась. Я всего-навсего хотела...

– Селия, – тихо сказал Оливер.

Их глаза встретились. Несколько секунд Селия пристально смотрела на мужа, затем встала и шумно задвинула стул, бросив на стол салфетку.

– Раз уж Джайлз подает такой превосходный пример усердия, мне тоже пора отправляться в издательство... с вашего общего позволения.

Джайлз немного подождал, утыкаясь лицом в тарелку (вид у него был несчастный), затем встал и вышел вслед за матерью. Близняшки проводили его взглядом.

– Бедный старина Джайлз, – сказала Венеция.

– Бедный наш старший братик, – поддержала ее Адель.

– Интересно, почему это Джайлз вызвал у вас такое сочувствие? – спросил Оливер.

– Папа! Ты, конечно же, все понял. Мама не упускает ни единой возможности, чтобы поставить его на место и напомнить: главный человек – она. И на работе, и дома.

– Адель! Твои слова дерзки и неуместны. Думаю, тебе следует извиниться.

Адель посмотрела на отца. Взгляд у нее был серьезный и даже шокированный, но лишь ненадолго. Затем красивое личико озарилось кокетливой улыбкой.

– Папа, не глупи. Ты же прекрасно знаешь, что я пошутила. – Она вскочила со стула, подошла к отцу и быстро его поцеловала. – Конечно, наша мамочка не главный человек. Главный человек у нас ты, и это известно всем. Но пойми, Джайлз так нервничает по поводу своей новой работы. А мамыны наскоки ему ничуть не помогают. Согласен?

– Мама не насакивала на него, – твердо возразил Оливер. – Она всего лишь хотела убедиться, что в его работе не возникло проблем.

– Да, разумеется. Извини, папа. Думаю, когда сам не являешься частью издательства, это трудновато понять. Наверное, очень важно, чтобы все шло хорошо.

– Адель, – начал Оливер, – ничто не доставило бы мне большей радости, чем ваше с Венецией вхождение в издательство. Или, по крайней мере, мысль о том, что однажды вы туда вольетесь.

– Возможно, и вольемся, – отозвалась Венеция. – Будем надеяться.

– Будем надеяться, – подхватила Адель и снова поцеловала отца.

Он улыбнулся дочерям и встал, забирая с собой утренние газеты.

– Что ж, увидим. А пока вы должны наслаждаться жизнью, насколько возможно. Теперь и мне пора на работу. Какие планы у вас на сегодня? Не сомневаюсь, что очень важные покупки.

– Отчаянно важные, – сказала Венеция.

– Абсолютно отчаянно важные, – поддержала сестру Адель. – Начнем с того, что в субботу у нас грандиозная загородная вечеринка. Нам нужны новые туфли. Прежние от танцев уже стоптались. Пока, папа. До вечера.

Оставшись за столом одни, близняшки переглянулись.

– Бедный старина Джайлз, – произнесла Венеция.

– Бедный наш старший братик, – поддакнула ей Адель.

* * *

Джайлз торопливо шагал по набережной Темзы, удаляясь от Чейни-уок и от родителей, страстно мечтая не увидеть их в ближайший час. Он почти два года работал в издательском доме «Литтонс» на Патерностер-роу – одном из крупнейших лондонских издательств. В этом Джайлз не сомневался. Начинал он с разносчика писем, потом стал клерком в магазине издательства, а теперь – младшим редактором. Конечно же, его восхождение было быстрым, без должного обучения, но ему требовалось через это пройти.

– Ты занимаешься важным делом, – говорил сыну Оливер. – Ты должен понять значение каждой фазы издательского процесса и то, как эти фазы образуют целое.

Джайлз не возражал. Он и не ожидал прийти в издательство мистером Литтоном Третьим и с первого же дня начать составление собственных планов публикаций. Он охотно работал на всех уровнях и получал удовольствие от работы.

У него появились друзья. Джайлзу нравилось, что окружающие видели: он не задавака и не выскочка, не считает, будто черная работа не по нему. Но его новая фаза была куда интереснее прежних. Он выискивал ошибки наборщиков в словах и в расположении знаков препинания, чтобы потом по основным, выправленным, гранкам вносить исправления во вспомогательные – все это было гораздо ближе к настоящему издательскому процессу, чем начальные фазы, пройденные Джайлзом. Он читал каждую новую книгу сразу же, как она выходила из-под печатного станка, он получал точное знание того, что скрывалось за названиями книг в каталогах. А эти нескончаемые редакторские совещания, дискуссии о том, какая обложка лучше подойдет для той или иной книги, это нарастающее волнение, которое сопровождало каждую новую публикацию.

Джайлзу нравилось все это. Ему нравилось задерживаться на работе позже положенного срока, нравилось работать с полной отдачей. Он не возражал, когда ему говорили, что нужно сделать то-то и то-то. Он даже не возражал, когда его тыкали носом в допущенные им ошибки. Но что ему решительно не нравилось и было почти невыносимым, так это его мать и ее довлеющее присутствие, ее вмешательство во все его дела. Когда отец говорил Джайлзу, что тот отправил наборщикам вычитанную корректуру, не заметив ряда ошибок, Джайлз обмирал от стыда, извинялся и все исправлял. Но когда мать склонялась над его столом, смотрела, как он вычитывает гранки, и указывала на пропущенную им ошибку, когда она приходила в торговый зал и говорила, что хотела бы вместе с ним перепроверить несколько накладных, «дабы убедиться, что они заполнены абсолютно правильно»... Джайлзу хотелось плакать. В подобных случаях матерью руководило не столько желание помочь сыну исправить допущенные оплошности, сколько желание указать на них и продемонстрировать всем, кто находился рядом, свою власть над сыном. Она словно говорила: «Видите, сколько ошибок допускает Джайлз? Я не собираюсь замалчивать ни одну из них. Пусть он мне и сын, но я не намерена терпеть его профессиональную некомпетентность».

В издательском мире хорошо знали о ее собственном перфекционизме, внимании к деталям, почти провидческом умении предсказать очередной зигзаг литературной моды. Это делало Селию легендарной фигурой и в ее собственном издательстве, и за его пределами. О ней говорили, ею восхищались, ей льстили и называли легендой своего времени. Восхищение и лесть были честно заработаны ею. Красивая, блистательная леди Селия запросто общалась с литературными гениями современности, прочно занимала свое место среди опытейших редакторов, прекраснейших издателей и талантливейших авторов. Все это было правдой; так оно и должно быть. Однако Джайлзу казалось, что мать могла бы проявить чуточку благосклонности и поддержать амбиции и карьеру сына, а не ломать их сплошь и рядом, вкладывая в это столько ярости и неистовства, что иначе как ревностью ее действия не назовешь, хотя само это понятие здесь казалось абсурдным.

* * *

– Думаю, мы это все-таки получим, – с порога заявила Венеция, влетая в их с Адель гостиную. – Ну разве это не здорово?

– Давай без сказок!

– Я тебе серьезно говорю. Я слышала разговор мамы с Брансоном. Мама сказала ему, чтобы сегодня пространство перед домом оставалось свободным.

– Вообще-то, звучит заманчиво, правда? – оживилась Адель. – Как это чудесно. Поверь мне, нам уже пора. Я имела в виду...

– Знаю. И для нее тоже. Как раз чтобы самой кататься в Оксфорд и обратно.

– Ну а нам, как всегда, одну на двоих? Интересно какую? Нам бы с тобой очень понравился маленький приятненький «остин». Как ты думаешь?

– Это было бы ужасно замечательно. Конечно, спортивная машина может... гонять быстрее. Представляешь, Банти Вэланс подарили «астон-мартин». Как думаешь, а вдруг нам...

– Размечталась, – отрезвила сестру Адель. – Нам подарят что-нибудь более дрессированное, чтобы мы научились водить. Наверное, это не так уж и трудно?

– Конечно нет. Банти говорила, что главное – это научиться ехать по прямой и запомнить, где педаль тормоза, а где – газа.

– Ну, это-то мы запомним. Просто фантастика, вот что я тебе скажу. Жду не дождусь сегодняшнего вечера.

– Я тоже, – призналась Венеция.

Адель посмотрела на сестру:

– Особенно встречи...

– Ну... да. Я хотела сказать «да». Адель, ты всерьез думаешь...

– Естественно. Это уже настолько очевидно, что очевиднее и быть не может.

– Правда?

– Правда. А Бэбс говорит, что он уехал.

– Но ты не сказала?..

– Конечно нет. Потому что она бы тогда...

– Сама? Я так и думала.

– Но ты-то не идешь ни в какое сравнение.

– Ты так думаешь?

– Не только думаю, – ответила Адель. – Знаю.

– Лицемерка, – сказала Венеция, испытывая большое удовлетворение.

Подобные разговоры у близняшек происходили постоянно. Это было что-то вроде вербальной стенографии. Сокращенные фразы, когда и так понятно, о ком речь, а потому произносить имена нет необходимости. Этот язык сестер восхищал их подруг, раздражал братьев и доводил до бешенства мать, которая не выносила того, чего была не в силах понять.

– Интересно, а что сейчас поделявает Мод? – вдруг спросила Адель.

– Думаю, в данный момент просто дрыхнет. Там еще шесть утра.

Мод Литтон была их двоюродной сестрой, родившейся (поди разберись в причудах человеческой биологии) ровно через год после рождения близняшек. Виделись они с Мод крайне редко, но были от нее без ума.

– Да, шесть – рановато. Нужно будет как-нибудь отпраздновать день рождения втроем. Она такая забавная.

– Далековато ехать на праздничный чай. Но вообще-то, да. Пора Мод снова навестить Лондон. Предложим родителям. Правда, маме она не очень нравится. Согласна?

– Только потому, что Мод – американка. Мама считает всех американцев вульгарными.

– До чего же она смешная, – хихикнула Венеция. – Я про нашу маму. Ей бы социалисткой быть... Слушай, нам пора. Как думаешь, стоит нам сделать прически в стиле «марсельской волны»? – Она задумалась и сама же ответила на вопрос: – Нет, не сегодня. Нам самим это может не понравиться, и весь вечер будет испорчен. Может, в следующий раз?

– В следующий раз.

* * *

Они вернулись почти перед самым ланчем. Поскольку утро не было целиком потрачено на парикмахеров, сестры отправились в универмаг «Харви Николс» и купили друг другу подарок ко дню рождения. Эта традиция соблюдалась вот уже десять лет подряд с тех самых пор, как у сестер впервые появились карманные деньги.

Сегодня они подарили друг другу по заколке со стразами. Заколка Адели имела форму стрелы, Венеции – полумесяца. Сестры условились, что этим же вечером украсят свои волосы новыми заколками.

Их ланч проходил в детской столовой, в обществе Нэнни. Сестры обожали ее и сочувствовали, что теперь, когда Кит начал ходить в школу, днем она оставалась не у дел. Киту было восемь. В отличие от Джайлза, он не познал на себе ужасов и уныния подготовительной школы. Селия, до безумия обожавшая своего младшего ребенка, отказывалась расставаться с ним. Она хорошо знала, что пришлось выдержать Джайлзу. Киту некуда торопиться. Селия уже подобрала для него школу, куда он начнет ходить лет с тринадцати, – небольшое учебное заведение в Хэмпстеде, пользовавшееся популярностью у интеллигенции. Директор школы выражал полную уверенность, что обучение Кит продолжит в Винчестерском колледже, и даже прочил ему карьеру ученого. Джайлз недолго любил младшего брата, и одним из многочисленных источников его недовольства и возмущения как раз и было блистательное будущее Кита.

* * *

– Нэнни, дорогая, какой красивый подарок, – сказала Венеция.

– Абсолютно замечательный, – согласилась Адель.

Они обе сидели в детской на диване и улыбались Нэнни, державшей в руках подарок: небольшую, но очень изящную стеклянную вазу. Нэнни любила дарить им один подарок на двоих, что и делала в каждый их день рождения (но только не на Рождество). Родители сестер очень часто тоже ограничивались одним подарком на двоих: один кукольный домик, одна кукольная коляска (хотя и рассчитанная на пару кукол), один мольберт и один набор красок.

– В этом есть смысл, – всегда повторяла Нэнни. – Ведь и день рождения у них один.

Близняшки не возражали против такого «слияния воедино». Себя они считали если не одним целым, то уж точно двумя частями целого. Они до сих пор любили одеваться одинаково, делая это отчасти ради забавы, а отчасти потому, что (говоря словами Венеции) «мы всегда точно знаем, как выглядим. И в зеркало не нужно смотреться».

Обычно они ходили по магазинам вместе. Если же по каким-то причинам это не получалось, каждая покупала понравившуюся вещь в двойном количестве. Адель объясняла это так: «Дело не в том, чтобы у нас была одинаковая одежда. Просто если у одной из нас появится какой-то наряд, другой захочется точно такой же».

Заколки для волос, купленные сегодня, были исключением, сделанным намеренно. На протяжении вечера они будут незаметно обмениваться заколками, забавляясь сами и ставя в тупик окружающих. Подобные забавы начались у них еще в детстве. В школу сестер отправляли, вплетая им в волосы ленты разных цветов. Удивительно, как это взрослым не приходило в голову, что этими лентами можно меняться столько раз, сколько понадобится. Так продолжалось целую четверть, пока не обнаружилось, что сестры показали одинаково высокие результаты на экзамене по фортепиано. И дело было вовсе не в том, что менее одаренная Венеция дополнительно упражнялась. Просто Адель сдавала экзамен дважды. За эту

проделку и аналогичные прегрешения сестер наказывали, но они продолжали использовать полное внешнее сходство в своих целях, категорически не желая думать о последствиях.

Единственным, чего они боялись и что могло заставить их вести себя подобающим образом, была угроза разлуки.

* * *

– Ну и чем вы намерены заниматься весь день? – спросила Нэнни, накладывая им на тарелки пастушью запеканку (еще одна традиция их дня рождения). – Полагаю, болтаться по магазинам?

В голосе Нэнни сквозило легкое недовольство. Она считала, что сестрам предоставлено слишком много свободы. И в этом Нэнни была не одинока. Селия втайне ожидала, что дочери продолжат учебу в университете или, на худой конец, пойдут на секретарские курсы, а затем проявят определенный интерес к работе в издательстве. Увы, пока что ее ожидания не оправдывались.

– Меня это весьма угнетает, – жаловалась она Оливеру не менее одного раза в неделю. – Девчонки только и делают, что покупают себе тряпки, а потом наряжаются. Мы столько потратили на их образование. Получается, что впустую.

Оливер на сетования жены обычно отвечал, что цель образования – обогащать ум, а не натаскивать его с упорством дрессировщика на какой-то один вид деятельности.

– Чем бы девочки ни занялись, образование им пригодится. Даже, – добавлял Оливер, лукаво поглядывая на жену поверх очков, – если они изберут своей карьерой замужество. Они еще очень молоды. Пусть порезвятся. Если захотят строить карьеру, времени у них на это предостаточно.

Произнеся что-то в этом роде, Оливер старался сменить тему разговора.

* * *

– Нет, дорогая Нэнни, болтаться по магазинам мы не будем, – возразила Адель. – Мы там уже побывали. Даже успели сделать себе прически. Так что остаток дня мы проведем дома и будем готовиться к вечеру. – Адель посмотрела на Нэнни. – Скажи, а до тебя не доходили какие-нибудь слухи насчет того, что будет днем?

– Какие еще слухи? – взволнованно переспросила Нэнни. – И потом, вы же знаете, обо всем, что происходит в этом доме, я узнаю последней... Адель, посмотри! Еще немного – и ты запачкаешь подливой свое красивое платье.

Сестры переглянулись. Неспособность Нэнни обмануть даже в мелочах давно превратилась в домашнюю легенду.

* * *

Сестры не особо удивились, но испытали приятное волнение, когда в разгар дня Бранстон позвал их вниз, сказав, что для них есть послание. Сестры открыли дверь и увидели ярко-красный «остин-севен». По обе стороны от машины стояли родители, держа транспарант с надписью: «С днем рождения!» Целых два часа сестры катались по набережной, и шофер Дэниелз давал им первый урок вождения. Домой сестры вернулись в шесть, раскрасневшиеся от собственных успехов и утверждающие, что водить машину – это совсем просто.

– Мы подумали, что завтра самостоятельно поедем в Сассекс, – беспечно заявила матери Адель. – Избавим других от лишних хлопот.

Селия ответила, что Адель ошибается.хлопот будет гораздо больше, поскольку они непременно во что-нибудь врежутся. Говорить о самостоятельном вождении можно будет лишь через несколько недель.

– Но это несправедливо! Барти в прошлом семестре самостоятельно ездила в Оксфорд.

– Барти взяла достаточно уроков вождения и продемонстрировала нам с отцом, что вполне освоила шоферские премудрости. Только тогда мы разрешили ей ездить одной. Кстати, не пора ли вам обоим принять ванну и одеться? Не пройдет и часа, как начнут собираться ваши друзья, не говоря уже... В чем дело, Брансон?

– Леди Селия, вас к телефону. Мистер Брук.

– А-а, благодарю вас, Брансон. Я поднимусь к себе в кабинет и поговорю оттуда.

* * *

Селия схватила тяжелую серебряную щетку для волос и швырнула через всю спальню. Щетка ударилась в стену над кроватью и до бесстыдного тихо упала на подушку. Селия встала и побрела к окну, выходившему на набережную Темзы. Слезы мешали ей смотреть. Она что, плачет? Это открытие разозлило ее еще сильнее.

– Дряннь, – прошептала она. – Дряннь, дряннь, дряннь! С грязными, кровожадными манерами. Себастьян, ты не имеешь права так обращаться с людьми. У тебя нет на это никакого права.

Резким, злобным движением она открыла дверцу туалетного столика, достала портсигар, а затем принялась ходить взад-вперед по комнате, остервенело глотая сигаретный дым и пытаясь успокоиться. Селия и сама понимала: абсурдно расстраиваться из-за подобных вещей. Но она расстроилась. Да и девочки расстроятся, когда узнают, что он запоздает к их торжественному обеду. Очень запоздает, возможно, настолько, что приедет, когда все уже закончится. И по какой причине? Да просто потому, что он, видите ли, задержался в Оксфорде из-за дурацкого публичного чтения, на которое согласился в последнюю минуту.

– Мерзавец. Мерзавец.

Селия и не замечала, что говорит это вслух, причем очень громко... пока Кит не заглянул в спальню и не спросил:

– Мамочка, тебе что, плохо?

– Нет. Нет. Мне очень хорошо. Спасибо за заботу, дорогой.

– Мне показалось, что ты кричала. И выглядишь ты как-то не так.

– Пустяки, дорогой. Немного устала на работе. Как прошел твой день в школе? Хорошо?

– Да, очень. А где близняшки?

– Готовятся к торжеству.

– А что за волшебная машина стоит у нашего дома?

– Маленькая красная? Это подарок им на день рождения.

– Так вы подарили им машину? Ну и повезло девчонкам. Можно, я пойду и посижу внутри? А когда я на ней поеду, я хочу отправиться...

Селия засмеялась. Кит одним своим присутствием умел поднять ей настроение. Так было и сейчас. Сила ее чувств к Киту – ее самому младшему и самому любимому ребенку – была настолько велика, что заслоняла в ней все остальные чувства. И не только потому, что ребенок был на редкость красив: золотистые волосы, синие глаза. И не только из-за его редких способностей. В четыре года Кит уже умел читать, а в семь начал писать рассказы и стихи. В те годы, когда сверстники Кита были способны говорить лишь о крикете, заводных поездах и о том, как над ними издеваются в школе, Кит любил порассуждать о книгах, о людях (включая взрослых и его друзей) и о событиях дня. Каждое утро, за завтраком, он

читал газету, а на свой минувший день рождения попросил у родителей ламповый радиоприемник «Гекофон» в красивом деревянном корпусе и с рупором. Кит объяснил, что ламповые приемники намного удобнее детекторных, а ему давно хотелось слушать у себя в комнате выпуски новостей и концерты.

Сестры всем этим были просто ошеломлены. Их любимым и, по сути, единственным видом домашнего развлечения оставался граммофон, на котором они крутили пластинки с танцевальной музыкой, вместе разучивая движения новых танцев или упражняясь перед очередным балом или походом в ночной клуб. Их литературные запросы полностью удовлетворялись журналами мод и светской хроники.

– Ты вырастешь таким же скучным и нудным, как Джайлз, – предостерегали близняшки Кита. – Или даже как Барти.

На это Кит отвечал, что считает Барти самой веселой девушкой, а Джайлз совсем не зануда. Вообще-то, Кит ни в коем случае не считал себя серьезным. Он любил сидеть в комнате сестер (обычно на кровати одной из них) и слушать, как они болтают и хихикают. Кит расспрашивал близняшек про их друзей и подруг. Те его просто обожали и с удовольствием возились с ним, приходя к сестрам в гости. Такая же порция внимания ожидала его и нынешним вечером.

– Ты бы поостерегся, братик, – как-то сказала ему Венеция. – Маме не понравится, что ты интересуешься такими вещами. Да ты и сам знаешь. Не детского это ума дело.

– Маме нравится все, что я делаю, – с потрясающей самоуверенностью ответил Кит, и хотя он улыбался, так оно и было.

* * *

– Кит, дорогой, хватит бегать, – сказала сыну Селия. – Иди и переодейся к обеду.

– О'кей.

– И прошу тебя, не говори «о'кей» в бабушкином присутствии. Пожалуйста.

– О'кей.

– Кит! – Селия сердито посмотрела на сына.

Его лицо было сама невинность. Затем он улыбнулся:

– Обещаю, что не буду... А, привет, папа. Все, ухожу.

Вошедший Оливер хмуро взглянул на Селию:

– Селия, я просил бы тебя не курить в нашей спальне.

– Извини, Оливер. – Селия так редко извинялась, что удивилась, услышав себя произносящий эти слова. – Я была... Меня очень рассердило одно известие.

– Лучше бы ты перешла сердиться в свой кабинет. И что это за известие?

– Себастьян сегодня сильно запоздает. Появится, наверное, только в десятом часу.

– Неужели? И что у него приключилось?

– Его попросили еще раз выступить с публичным чтением. В Бодлианской библиотеке. Первое чтение прошло на ура. Полный зал. Раскупили все книги.

– Ну, так это приятная новость для всех нас.

– Ты прекрасно знаешь, что дело не в этом. Это грубо и на редкость пренебрежительно по отношению к нам. Как же! Он самый популярный детский писатель Англии. Слава ударила ему в голову. Представляю, как расстроятся девочки.

– Селия, я очень сомневаюсь, что они вообще обратят на это внимание. К ним придут их друзья и подруги. Потом они всей компанией отправятся в ночной клуб. Вряд ли отсутствие одного пожилого джентльмена...

– Оливер, Себастьян вовсе не пожилой. Вы с ним одного возраста.

– А близняшкам он наверняка кажется пожилым. Конечно, это свинство с его стороны, но я не сомневаюсь: Себастьян обязательно постарается быть у нас. Просто у него профессиональные интересы стоят на первом месте. По-моему, ты больше, чем кто-либо, должна уважать его за это.

Селия помолчала, потом сказала:

– Пойду приму ванну. Нельзя портить девочкам торжество.

Годы нелегкого жизненного опыта научили Селию, когда разумнее отступить. Это бывало лишь в тех случаях, когда следующий ход Оливера на шахматной доске их жизни грозил ей поражением.

Глава 2

– Селия, дорогая, ты выглядишь усталой.

– Благодарю за комплимент, ММ, – несколько холодно отозвалась Селия. После коктейлей они направлялись в столовую. – Ты сказала именно то, что хочется услышать в самом начале вечера. Фактически я ни капельки не устала.

– Что ж, приятно слышать, – отозвалась ММ. – Завидую тебе. А я вот очень устала.

Селия посмотрела на нее. ММ не преувеличивала. Она выглядела если не изможденной, то измотанной. Она очень много и напряженно работала. Того требовала занимаемая ею должность управляющего директора в издательстве «Литтонс». И потом, ММ была не так уж и молода: старшей сестре Оливера, как она всегда представлялась, было пятьдесят четыре года. Инициалы ММ обозначали «маленькую Маргарет». Так когда-то называла ее мать. Но об этом уже мало кто помнил, а сейчас это вообще полностью расходилось с ее обликом. А облик у ММ был впечатляющий. Она была высокой, даже очень высокой (более шести футов), худощавой, с глубоким голосом и сверлящими темными глазами на бледном лице. Одевалась ММ очень строго и почти эксцентрично. Даже сейчас она продолжала носить форменную одежду ее девичества: длинные юбки, строгие рубашки и галстуки и такие же строгие жакеты. Ее темные, начинавшие седесть волосы были зачесаны назад и убраны в аккуратный узел. При всем этом ММ отличалась необычайной привлекательностью, умела мгновенно расположить к себе неожиданной теплотой и резковатым остроумием. Мужчины по-прежнему находили ее сексапильной. Женщинам она тоже нравилась своей прямоотой и отсутствием лицемерия. Селия часто называла ММ своей лучшей подругой.

– Как Джей? – спросил Кит, когда женщины уселись.

Селия предложила сыну сесть рядом с ММ.

– Спасибо, у него все замечательно. Учится с удовольствием. Из всех сил старается войти в число «Одиннадцати лучших» среди юниоров. Как ты помнишь, он играет в теннис и выступает за юношескую команду. У него еще находится время, чтобы петь в хоре...

Голос ММ потеплел. Ее горячая любовь к единственному сыну была одной из семейных легенд. Когда несколько месяцев назад Джей отправился учиться в Вестминстерский колледж, ММ впервые видели плачущей. Гордон, муж ММ и отчим Джея, часто шутил, что если он надумает разводиться с женой, то причиной развода обязательно назовет ее сына.

– Нет никаких сомнений, кого ММ любит больше всего, – весело говорил он, подмигивая жене своими бледно-голубыми глазами. – Увы, не меня.

Более мелочный и обидчивый мужчина наверняка приревновал бы Джея к ММ, а ее обвинил бы в непомерной любви к сыну. Но Гордона Робинсона это ничуть не огорчало и не раздражало. Всего шесть лет назад он влюбился в ММ и женился на ней. Джей уже тогда был не только частью жизни ММ, но и частью ее самой. Любовь к Гордону была жизненно необходимой для ее щедрой и страстной натуры. Гордона не огорчало, что в силу возраста ММ у них не может быть общих детей. Джей, крепкий, жизнерадостный, обожающий жизнь за городом, среди природы, казался Гордону идеальным ребенком, которого он легко принял в свой мир.

Продолжая оживленный разговор с Оливером, Гордон вошел в столовую. Он был самым высоким из собравшихся: шесть футов семь дюймов. Единственный мужчина, говоря с которым ММ была вынуждена задирать голову. Селия его обожала.

– Моя дорогая Селия, позволь в очередной раз сказать тебе: ты замечательно выглядишь. Просто не верится, что ты мать всех этих взрослых детей.

– Я еще не взрослый, – встрял в разговор Кит. – Я помогаю маме ощущать себя молодой. Правда, мамочка?

– Особенно сейчас. Хотя мне не хочется, чтобы ты и дальше вырослел.
– Постараюсь, – улыбнулся матери Кит.
– Если у тебя получится, надеюсь, ты поделишься своим секретом со всеми нами, – сказал сыну Оливер. – А теперь, Гордон, думаю, ты не против, чтобы сесть рядом с Селией. Себастьян сегодня сильно запоздает. Ты, Венеция, сядешь рядом со мной, а затем вы, молодой человек, и...

* * *

По мнению Джайлза, торжество удалось на славу. Все весело переговаривались, никто не сидел в угрюмом молчании. Кроме него самого, разумеется. В компаниях он привык скучать и чувствовать себя не в своей тарелке. Даже сейчас. Но тут уж ничего не поделаешь. Бабушка Джайлза, графиня Бекенхем, читала всем желающим ее слушать весьма профессиональную лекцию о том, как важно у скаковых лошадей сохранять чистоту кровей. Дедушка тоже не скучал. Сидя рядом с одной из наиболее симпатичных подруг близнецов, он делал вид, что внимательно слушает ее рассказ обо всех балах, на которых она успела побывать в этом сезоне. Однако Джайлз знал: все внимание деда было устремлено на пышный бюст девицы, считавшийся по нынешним меркам немодным. Сестры заранее решили, что у их подружки хватит характера и жизненных сил, чтобы выдержать «глазной натиск» деда.

Младший брат Оливера Джек и прекрасная Лили – когда они познакомились, ее имя украшало театральные афиши – словно случайно оказались за столом рядом. Похоже, даже сейчас, после семи лет брака, они были влюблены друг в друга. Джайлз сам был наполовину влюблен в Лили. С рыжими волосами и необычайно полной белой грудью она была необычайно хороша. А Бой Уорвик, конечно же, очаровывал всех, кто находился рядом. «Вот пронира», – подумал Джайлз. Надо же, он завидовал Бою. Почти вся его дружба с Боем строилась на зависти. Джайлз так до конца и не понимал, почему они дружат. Но по каким-то причинам Бой симпатизировал Джайлзу; симпатизировал всегда, с самых первых дней их пребывания в Итоне, когда Бой казался таким лощеным и взрослым, а Джайлз выглядел младше своих лет и тосковал по дому. Их дружба продолжилась и в Оксфорде. Бой приехал туда с личным слугой, занял несколько лучших комнат и окружил себя самыми блистательными и талантливыми друзьями, в число которых странным образом вошел и Джайлз. Они продолжали дружить и сейчас, когда Бой практически не появлялся в отцовском банке и лишь усердно тратил отцовские денюжки, тогда как Джайлз напряженно и с интересом работал в издательском доме «Литтонс», почти всегда отклоняя приглашения Боя на обеды, бесконечные походы в ночные клубы и загородные уик-энды, растягивающиеся на четыре дня.

На самом деле причина их продолжающейся дружбы была весьма проста: при всем своем изнеженном, почти гедонистическом образе жизни Бой был очень приятным парнем, удивительно верным своим друзьям мужского пола, хотя и менее верным своим женщинам. Джайлз несколько раз выручал его из неприятных ситуаций как в Итоне, так и в Оксфорде. Более того, он ввел Боя в свой семейный круг, где были иные ценности и великолепие иного сорта. Однако Бою этот новый мир очень понравился, и он стал бывать у Литтонов.

Когда Бою было четырнадцать лет, Селия уже тогда находила его чересчур рафинированным и несколько раз говорила, что мальчик на всех парах движется к точному повторению образа жизни своего отца, успевшего дважды развестись и имевшего множество любовниц. И в то же время Бой ее очаровал. Он был остроумен, и его поведение отличалось тонким налетом кокетливой лести, которой не могла противостоять даже Селия, хотя и видела все это насквозь. По ее мнению, самым ужасным преступлением этого человека был не его образ жизни, не его распутные наклонности и даже не периодически наблюдаемая вульгарность в одежде, а его праздность. Бой был виновен в том, что заполнял свои дни одними лишь

удовольствиями, был виновен в полном отсутствии каких-либо амбиций. Позор – иным словом это не назовешь. Селия часто говорила ему об этом со всей своей суровой прямоотой, поскольку Бой обладал блестящим интеллектом и на выпускных экзаменах в Оксфорде показал наилучший результат.

Близняшки обожали Боя. Он был таким обаятельным, с темными, вечно изумленными глазами и черными блестящими волосами. Они восхищались его обширным гардеробом, парком автомобилей и его сверхфешенебельной квартирой в Олбани. Такой веселый, богатый и при этом не интересующийся ничем серьезным. Ближайшая вечеринка, скачки, последняя сплетня. А вот Джайлз считал, что Бой слишком давит на него, однако все равно гордился дружбой с этим повесой.

* * *

Сестры пребывали в необычайном возбуждении. Подстрекаемые Джеком и Китом, они все более рискованно шутили, но, похоже, никто против этого не возражал. Дурное настроение покинуло Селию. Она вновь стала остроумной и очаровательной и попеременно кокетничала то с Боем, то с весьма симпатичным молодым человеком, которого Адель представила как своего «абсолютно потрясающего» друга Чарли. Оливер сидел почти молча, благосклонно наслаждаясь атмосферой торжества и, как то обычно бывало, ощущая свою отстраненность от происходящего.

«Если бы здесь была Барти», – думал Джайлз. Все было бы куда приятнее. Без нее семья никогда не ощущалась полной, и в этом таилась странная ирония, поскольку Барти, строго говоря, не принадлежала к семье Литтон. Но в ее присутствии Джайлзу всегда становилось хорошо. Хорошо и легко. Одна мысль о ней разгоняла его уныние. Джайлз представил, как сейчас Барти сидит в своей комнате в Оксфорде, спокойно и методично готовится к экзаменам и заставляя работать свой спокойный, холодный разум...

* * *

Слава богу... Да, слава богу, ее там сейчас не было. С этой мыслью Барти отодвинула книги и потянулась к чашке с остывшим какао. Она наконец решилась сделать перерыв. Отчасти потому, что не хотела терять сосредоточенность и отвлекаться на мысли о дне рождения близняшек, а отчасти из-за усталости, наваливающейся на нее в каждый перерыв... Так оно и есть. Стоило отвлечься, и мысли Барти потянулись ко дню рождения Адели и Венеции. Многие годы, даже после поступления в Оксфорд, она была вынуждена выдерживать эти торжества. Она стойко сидела за столом и улыбалась, пока у нее не начинали болеть лицевые мышцы. Она пыталась правильно выстроить разговор с каким-нибудь несчастным парнем, которого посадили рядом. А тот тоже не знал, о чем с ней говорить, и все пытался осторожно выяснить, является ли она частью семьи Литтон или нет. Каждое такое торжество было для нее пыткой. В этом году она отсутствовала по вполне уважительной причине, и ее отсутствие никого не обижало... Как это было здорово. Барти считала счастливейшим днем своей жизни, хотя, конечно же, никогда и никому не говорила об этом, тот день, когда она переехала в Оксфорд, покинув огромный дом на Чейни-уок. Ее новым домом стал оксфордский женский колледж Леди-Маргарет-Холл. Помахав на прощание Селии – та, естественно, набивалась проводить ее и помочь устроиться, – Барти не испытала ничего, кроме радости. Ни капли сожаления, ни малейшей тревоги. Единственно, ей было немного грустно расставаться с дорогим Уолом, как она всегда называла Оливера. Но потом она вошла в здание, где ей предстояло жить, поднялась по лестнице в свою комнату, села и больше часа просто

сидела, ничего не делая и наслаждаясь чистой радостью бытия. Первый раз в жизни она оказалась в четырех стенах, на которые имела полное право и где чувствовала себя своей.

А теперь эта прекрасная пора ее жизни подошла к самому концу, и нужно снова куда-то перемещаться. Барти думала об этом с грустью и тревогой. Куда-то, но только не в дом на Чейни-уок, а если туда, то совсем ненадолго...

* * *

Торжество постепенно двигалось к концу. Разговоры стихали, и блеск вечера тоже постепенно угасал. Венеция встала и, улыбаясь собравшимся, сказала:

– А может, продолжим праздновать в «Эмбасси»? Время довольно позднее. Другие, наверное, там уже собрались и...

Вслед за сестрой встала и Адель:

– Да, пора. Мама и папа, все было расчудесно. Спасибо вам.

– Пойдите, – начал Оливер. – Мы забыли еще один тост. За кузину Мод. Вы же не уйдете, не поздравив ее.

Это тоже было частью традиции. Члены семьи подняли бокалы. Гостям торопливо объяснили, кто такая Мод и почему за нее надо выпить.

– С днем рождения, Мод, – сказала Адель.

– Будем, сестренка, – подхватила Венеция. – С днем рождения, Мод.

– Венеция, что это за ужасное выражение? – спросила леди Бекенхем. – Где, черт возьми, ты его подцепила?

– Какое? «Будем»? Бабушка, теперь все так говорят.

– От этого оно ничуть не становится лучше. Кстати, Оливер, как твои американские родственники?

Леди Бекенхем любила подчеркивать, особенно для чужих, что все вульгарное в семье Литтон пришло не со стороны Бекенхемов.

– У них все замечательно, леди Бекенхем. Благодарю вас.

За двадцать четыре года брака с их дочерью Оливер по-прежнему не решался называть леди Бекенхем по имени. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что своего мужа она именovala не иначе как Бекенхем.

– Папа, мы тут говорили, что хорошо бы нам снова увидеться с нашей американской родней. Можно у нас, а еще лучше – поехать к ним. Думаю, мы должны все поехать. Джайлз тоже. Нечего засиживаться в Лондоне. Пусть посмотрит на филиал империи Литтонов. Уверена, дядя Роберт будет просто счастлив нас видеть.

– Венеция, дядя Роберт занят ничуть не меньше, чем мы, – твердо сказала Селия. – У него вряд ли найдется время на разную чепуху для вас и Мод.

– Мапочка, мы и Мод уже большие, – возразила Адель. – Можем и сами придумать себе развлечения. Нельзя же быть такой старомодной. Я напишу Мод и подброшу ей идею... А теперь нам пора. Бой, хватит флиртовать с моей бабушкой... Ой, это вы, Себастьян? Дорогой, как здорово, что вы приехали. И как ужасно, ужасно печально, что нам надо уходить.

– Уходить? Куда? На работу? Неужели я так безбожно опоздал? – Улыбающийся Себастьян Брук вошел в столовую. – Прошу меня великодушно простить. Оливер, рад тебя видеть. Селия, умоляю о прощении. ММ, Гордон, добрый вечер. Леди Бекенхем, как приятно, что и вы здесь. Какое замечательное созвездие гостей. Не повезло мне, что все прошло без меня. Лорд Бекенхем, давненько не виделись. Как поживаете?

Себастьян с легкостью двигался вокруг стола, вливая в затухающее празднество новую жизнь. Джайлз мысленно называл его мошенником, но сам же восхищался им. Этот человек был способен зачаровывать птиц, причем до такой степени, что те не только слетали с вет-

вей, но и сами входили в клетку. В сверкающую золотую клетку, где чары продолжали удерживать их – и дверцу закрывать не надо. Только мать Джайлза оставалась равнодушной. Она холодно кивнула Себастьяну, затем на ее губах появилась ледяная улыбка. Но даже такие знаки внимания она оказала гостю с явной неохотой.

– Себастьян, мы собираемся в «Эмбасси». – Адель взяла писателя за руку. – Хотите поехать с нами? Ну, поехали. Вы же любите танцевать. Возможно, сегодня там будет принц Уэльский. Сегодня четверг, и...

– Дорогая моя, как я могу покинуть столь прекрасное общество, едва появившись в нем?

– Но торжество уже закончилось, – подхватила Венеция. – Мы все туда поедем.

– Не все, – возразил Оливер. – Кое-кто из старшего поколения останется здесь.

– И напрасно. Не понимаю, зачем тут сидеть. Мама любит выбираться в свет. Джек с Лили наверняка поедут. ММ, а как насчет тебя?

– Пожалуй, мы могли бы поехать с вами, – с очень серьезным видом ответила ММ. – Как думаешь, Гордон? Я бы не прочь взглянуть на принца Уэльского, если он действительно там появится.

– Принц, возможно, там и появится, а вот я – нет, – заявил Гордон Робинсон. Чувствовалось, он встревожен. – Завтра мне предстоит очень загруженный день, и...

– Я могла бы поехать и одна, с молодежью. Надеюсь, что один или два обаятельных джентльмена не откажутся со мною потанцевать. – За столом послышался вежливый одобрителный шепот. ММ встала. – Отлично. – Близняшки глядели на нее во все глаза. ММ вдруг широко улыбнулась. – Рада, что рыцарство в наши дни еще не умерло окончательно. Но не волнуйтесь, я не поеду. Не хочу портить вам удовольствие. Возможно, как-нибудь в другой вечер. Но мы с Гордоном тоже вынуждены покинуть этот гостеприимный дом. Уже поздно, а у меня завтра очень тяжелый день. Гордон, хватит смотреть с таким испугом. Мы едем домой.

– Увы, девочки, я тоже останусь здесь, – сказал Себастьян. – Да, чуть не забыл. Подарки для вас. Если вам не понравится, в «Эспри» их охотно поменяют. Поверьте, я ничуть не обижусь. Но дарю я их вам со всей своей любовью.

Близняшки зашуршали упаковочной бумагой с эмблемой фешенебельного ювелирного магазина «Эспри», извлекая из коробок серебряные портсигары и сопровождая все это восторженными восклицаниями: «Какая красота!», «Полное блаженство!», «Себастьян, вам не следовало тратить!» и «Разве такое чудо можно менять?»

* * *

– Уф! – выдохнула Венеция, плюхаясь в такси, где уже сидели Адель, Джайлз и Бой. – Ну, она и отмочила. Я про ММ. Я уж подумала, что она и вправду собралась ехать.

– А по-моему, замечательная женщина, – заметил Бой. – С удовольствием бы с ней потанцевал. ММ – очень чувственная женщина.

Адель недоуменно поглядела на него:

– Это ММ-то чувственная? Бой, да она же совсем старая.

– Она не старая. Она зрелая. А ты не путай секс с молодостью, – добавил Бой. – Джайлз, дружище, а ты как думаешь? Согласен, что твоя тетка – очень привлекательная женщина?

– Я... не уверен, – ответил Джайлз. – Я всегда думал о ней как о своей тетке. И она действительно уже старая.

– Конечно старая, – задумчиво сказала Адель, – но есть в ней некоторая тайна. Я про Дджея. Как-то мне не верится в мужа, которого всего через несколько недель убивают на войне...

* * *

– С днем рождения, моя дорогая Мод. Прости, что запоздал к нашему чаю. А вот тебе подарок от твоего старого отца.

– Папа! Ты купил это в «Тиффани»! Потрясающе. До чего же я люблю эти коробочки с белыми ленточками. Ой, папа! Спасибо тебе большое-пребольшое. Надо же, как красиво. Глаз не оторвать. Надень их на меня. И дай зеркало. Скорее... Ой, просто дух захватывает. Я их теперь не буду снимать.

– Придется, дорогая. Надеюсь, ты не полезешь с ними в ванну и не наденешь их на загородную прогулку. Часы с бриллиантами этого не любят.

– Да, знаю. Но они такие восхитительные. Спасибо. Дай я тебя еще раз поцелую.

Роберт Литтон откинулся на спинку стула, улыбаясь дочери и думая о том, что с каждым годом она становится для него кем-то большим, чем просто дочь. Его спутницей, наперсницей и лучшим другом. Их любовь друг к другу была абсолютной, не омрачаемой ревностью и собственническими проявлениями со стороны Роберта. Мать Мод умерла, когда той было два года, и с тех пор Роберт один растил и воспитывал дочь. Они вместе глядели на мир и были очень счастливы. Роберт построил для нее дом, где они сейчас жили. Вся его социальная жизнь тоже вращалась вокруг Мод, равно как и деловая жизнь компании, которой он владел. Роберт старался как можно меньше ездить, не засиживался на работе допоздна, отказывался от многих светских развлечений, чтобы поскорее вернуться домой и побольше времени провести с дочерью. Нет ничего удивительного, что Мод принимала живейшее участие в делах отца и в семнадцать лет архитектура и строительство интересовали ее столь же сильно, как девушек ее возраста и социального статуса интересовали наряды и молодые люди.

Нельзя сказать, чтобы Мод оставалась равнодушной к тому и другому. Осенью она переходила в последний класс частной нью-йоркской школы Чапин – прекрасного учебного заведения для девочек, славящегося высоким уровнем обучения. Затем выпуск, вся эта необходимая шумиха, связанная со вступлением во взрослую жизнь. Однако балы и приемы не вызывали у Мод особого энтузиазма. А потом она поступит в колледж Вассара и будет изучать архитектуру. Большинство современников Мод считали ее сумасшедшей.

* * *

– Так ты действительно не против, чтобы отпраздновать день рождения только со мной и Джейми? – спросил Роберт.

– Ничуть не против. Наоборот, с большим удовольствием. Угощайся, папа, торт просто восхитительный.

– Мм. Как вкусно. Дорогая наша Марта еще ни разу нас не подвела. Удивительно. Должно быть, самая старая повариха во всем Нью-Йорке.

– И самая лучшая, – сказала Мод, облизывая пальцы. – Интересно, как там лондонские близняшки? Что-то они поделяваются сейчас?

– Думаю, они в своем репертуаре: сводят родителей с ума. Кстати, я получил письмо от Оливера. Поздравляет тебя с днем рождения. Пишет, что, скорее всего, в следующем месяце приедет в Нью-Йорк. Возможно, вместе с Селией.

– Могли бы и девчонок с собой взять. Вот было бы весело.

– Мод, эти поездки...

– Знаю, папа. Эти поездки совершаются в интересах дела. Но мы могли бы и сами что-нибудь придумать. Я жду не дожусь, когда ваше старшее чудаковатое поколение снова устроит большое семейное торжество, свадьбу или еще что-нибудь.

– Ну, свадьбы – это уже по части вашего поколения.

– Возможно, долго ждать вам не придется, – сказала Мод, целуя отца. – Впереди масса свадеб. Они притаились и ждут своего часа. Когда начинаешь об этом думать...

* * *

Венеция смотрела, как Бой Уорвик самозабвенно танцует с Банти Вэланс, и думала: наверное, и она, и Адель ошиблись. Нет у Боя к ней ни малейшего интереса. За все время, что они здесь, он танцевал с нею всего один раз. Чарльстон Боб танцевал с Бэбс Роули, фокс-трот – с Аделью, а теперь двигался в очень медленном блэкботтме с девушкой, с которой познакомился здесь и которую сестры не знали. Может, он забыл, что у них сегодня день рождения?

В это время Бой вернулся за столик, театрально вытирая вспотевший лоб.

– Тяжело мне дался этот танец... Девочки, смотрите, это же Ноэль Кауард. Он потрясюще танцует. Кстати, вы оказались правы, принц сегодня здесь. С Тельмой.

– Меня не волнует, с кем он сегодня, – угрюмо ответила Венеция, однако все равно посмотрела туда, где сидели принц Уэльский и красавица леди Фёрнесс.

– Правда, красивая? – спросила Адель, которая тоже зачарованно глядела на Тельму.

– Не настолько красива, как ты, моя дорогая, – сказал Бой и быстро добавил: – Как вы обе. – Взяв руку каждой из сестер, он поднес их к губам и одновременно поцеловал. – Давайте проверим, смогу ли я танцевать с вами обеими.

Позже, когда оркестр играл вальс, Венеция танцевала с Боем одна, чувствуя его мягкую руку у себя на голой спине. Его теплое тело прижималось к ее телу. Венеция наклонилась к нему; правильнее было бы сказать, привалилась.

– Чудесно, – прошептал Бой ей на ухо. – Просто чудесно. Ты такая красивая, Венеция. Очень красивая. Я тебе серьезно говорю. А в этом платье ты похожа на девушку с рисунка Лепапа². Я тут недавно купил репродукцию.

Венеция знала, кто такой Лепап, и прежде всего, по его изумительным обложкам для журнала «Вог». Пусть близняшки и проводили свои дни в хождении по магазинам, а вечера – на танцах, семья, в которой они выросли, все же сумела вложить в них необходимые знания об искусстве.

– Здорово. У тебя много репродукций Лепапа?

– Много. В моей квартире. Есть и подлинники. Лепап любит рисовать девушек, похожих на тебя. Тебе стоило бы зайти ко мне и посмотреть... Вам обеим, – тут же добавил Бой.

Пауза между предыдущими словами Боя и его последней фразой была почти секундной, но Венеция сразу поняла, что он имел в виду. Она сделала глубокий вдох и сказала:

– Ты же знаешь, мы не всегда и не везде ходим вместе с Аделью.

Сказав это, она улыбнулась Бою, а еще через мгновение ужаснулась самой себе. Ведь она только что высказала вполне четкое желание побывать в жилище Боя одна, готовая к тому, что их общение не ограничится исключительно просмотром произведений Лепапа. Едва ли не впервые в жизни она решалась предать свою абсолютную близость и верность Адели.

– Хорошо, – только и произнес Бой Уорвик.

² Жорж Лепап (1887–1971) – французский художник-иллюстратор, много работавший для журнала «Вог». Работал во Франции и США.

* * *

– Что ж, Себастьян, давай рассказывай нам о своем публичном чтении, – попросила Селия. – Должно быть, в зале было не протолкнуться.

Они по-прежнему сидели в столовой, оставшись почти одни. Даже Кита, невзирая на протесты, загнали спать.

– Так оно было, – отозвался Себастьян. – Я очень доволен. Конечно, и вашему издательству польза, – добавил он, улыбаясь Селии. – Знала бы ты, сколько книг я сумел продать за один вечер.

– Великолепно, – произнес Оливер. – Ты хорошо потрудился. Мы можем тобой гордиться, Себастьян. Как всегда. Кстати, а как подвигается твоя работа над пятой книгой «Меридиан времени»? Мы очень... Я хотел сказать... – Оливер вдруг умолк.

– Оливер, вы вправе на меня рассчитывать, – засмеялся Себастьян. – Разве я когда-нибудь вас подводил? Вы получите новую книгу в срок и успеете выпустить ее к Рождеству. Надеюсь, дети ее уже с нетерпением ждут. А в этом году добавятся и несколько сотен новых читателей.

– Конечно. Но сейчас меня волнуют нынешние, – сказал Оливер. – Они становятся старше и теряют интерес к таким книгам.

– Меня это тоже волнует. Но если верить рецензентам и искренности писем, которые к нам приходят, дети растут, а интерес остается. «Меридианы» читают и шестидесятипятилетние «детишки». Первому поколению наших читателей перевалило за десять лет, а кому-то и за двадцать. Возможно, мы сумеем удержать их интерес.

– Будем надеяться, – быстро постучал по деревянной столешнице Оливер.

– Будем, – подхватила Селия. – Но нельзя всерьез уповать на это. Мода приходит и уходит, и издательское дело не исключение. Новые книги Милна пользуются сейчас бешеной популярностью.

– Дорогая, я очень сомневаюсь, что все эти весьма эксцентричные истории и стишки про плюшевого медвежонка³ могут соперничать с добротными фантастическими романами Себастьяна о парадоксах времени, – мягко сказал Оливер. – Уж поверь такому пугливому издателю, как я.

Селия посмотрела сначала на мужа, затем на Себастьяна, но ее темные глаза оставались непроницаемыми.

– Самоуспокоенность не слишком приятное качество, – заметила она.

– Селия, мы вовсе не страдаем самоуспокоенностью, – возразил ей Себастьян. – Мы просто выражаем осторожный оптимизм. А сейчас я хотел бы еще раз извиниться за свое чудовищное опоздание. И... мне нужно вам кое-что рассказать. Надеюсь, вы порадуетесь за меня.

– Если новость хорошая, то непременно, – произнес Оливер.

Воцарилось молчание. Себастьян встал и начал расхаживать вокруг стола. Супругов Литтон это не удивило. Они прекрасно знали о непоседливости Себастьяна. Писатель не мог долго сидеть нигде, будь то обед, спектакль или поездка в поезде. Везде ему требовалось время от времени вскакивать и двигаться.

– Я... в общем... Новость, конечно, хорошая. Очень хорошая новость. Для меня. – Он порывисто сел и залпом осушил рюмку портвейна. – Я... в общем, дело в том, что я хочу рассказать вам о некоем человеке. О том, с кем познакомился.

³ Имеется в виду знаменитый медвежонок Винни-Пух. Как видно по прошествии десятилетий, Оливер ошибался: Винни-Пух прочно занял свое место в детской литературе.

– О некоем человеке? – понимающе улыбаясь, переспросил Оливер. – Вероятно, этот человек – женщина?

– Разумеется. Да. Некая женщина. Женщина весьма особая... Женщина, ставшая для меня очень, очень важной.

– Это как-то неожиданно, – проговорила Селия. Она замерла. Ее тело застыло, лицо обрело бесстрастное выражение, взгляд стал пустым. – Расскажи поподробнее.

– Обязательно. Ты права: это весьма неожиданно. Я знаком с нею всего месяц. Да, не больше месяца. Я познакомился с ней на предыдущем чтении. Она работает в Бодлианской библиотеке.

– Серьезно? – спросила Селия.

– Да. Она тамошний библиотекарь.

– Библиотекарь, – повторила Селия.

Судя по ее тону, она бы легче смирилась, окажись новая знакомая Себастьяна проституткой.

– Да.

Все трое надолго замолчали. Первым заговорил Оливер:

– Что же ты умолк, дружище? Продолжай. Нам будет позволено узнать некоторые подробности о твоей знакомой? Например, ее имя?

– Ее зовут Пандора. Пандора Харви. Живет одна, в Оксфорде, в маленьком доме.

– Ну, раз она живет одна, ей и не нужен большой дом, – заметил Оливер, явно намереваясь разрядить обстановку.

Себастьян бросил на него благодарный взгляд.

– Разумеется... Нет, не разумеется. Ей тридцать один год, – добавил он, стараясь сообщить друзьям как можно больше сведений о Пандоре. – Она такая очаровательная и, разумеется, красивая. Мне следовало бы рассказать вам о ней раньше, но я чувствовал себя... как бы это сказать... я был в некотором замешательстве. То, что такое... что это вообще произошло... – Себастьян умолк, но тут же продолжил свой сбивчивый рассказ, с каждой фразой говоря все быстрее: – ...произошло столь недвусмысленно и так внезапно. В моем далеко не молодом возрасте.

– Судя по твоим словам, для тебя это серьезно, – сказала Селия.

Себастьян посмотрел на нее и опять надолго замолчал. Даже очень надолго.

– Да, так оно и есть. Серьезно, – наконец произнес он. – Очень серьезно.

– Что ж, – бросила Селия, награждая его сдержанной, но благосклонной улыбкой. – Похоже, эта женщина – средоточие всех добродетелей. Нам не терпится ее увидеть.

– Вы ее увидите, – пообещал Себастьян. – Конечно увидите. Очень скоро. Потому что... Видите ли, мы собираемся пожениться.

Теперь тишина была абсолютной.

– Пожениться! – повторила Селия, и ее слово громко, шокирующее громко ворвалось в тишину столовой. – Ты решил на ней жениться?

– Да. Да, решил.

– Понятно, – произнесла Селия таким тоном, словно Оливера рядом уже не было. – И скоро?

– Да, Селия. Как только... как только мы все устроим. Мы не видим смысла ждать.

– Понимаю, – снова сказала Селия.

Не сводя глаз с Себастьяна, она откинулась на спинку стула, потянулась за сигаретой, опрокинув рюмку, что держала в руке. Красное вино медленно растекалось по белой скатерти, и было в этом что-то зловещее, угрожающее и ужасное, словно это текло не вино, а кровь.

Глава 3

– Поздравляю, дорогая. Ты даже не представляешь, как я рада и горда тобой. Потрясающая новость. Должно быть, ты и сейчас испытываешь радостное волнение. Я обязательно устрою большой праздник в твою честь. Такое событие надо отметить.

– Прошу вас, не надо этого делать! – Барти почувствовала, как внутри зашевелился знакомый страх. – Честное слово, тетя Селия. Я бы обошлась без торжеств.

– Но почему? Ты это заслуживаешь. Мне было бы приятно сделать тебе такой подарок.

По голосу Селии чувствовалось, что она задета. Барти сразу ощутила себя злодейкой. Ведь это такая малая жертва – позволить Селии устроить торжество в ее честь. Скромная благодарность за финансовую и моральную поддержку, которую Селия оказывала ей все три года учебы в Оксфорде. Барти сделала глубокий вдох и наполнила свой голос вымученным энтузиазмом:

– Простите, это я сгоряча. Конечно, пусть будет праздник. Думаю, он мне очень понравится. Спасибо. Но быть может, через неделю или через две? Я ужасно устала и...

– Конечно. Возможно, даже через три недели. Боюсь, лето к тому времени закончится.

Барти догадалась, что имела в виду Селия. Через три недели летний сезон подойдет к концу. Барти улыбнулась. Ее до сих пор удивляла серьезность, с какой Селия относилась к календарю светских событий. Но такой уж была Селия: женщина блестящего ума, любящая новизну, обладающая немыслимой властью над писателями, книгами, редакторами, иллюстраторами – словом, над всей издательской индустрией. И одновременно – ее немыслимая приверженность ко всей светской мишуре, в обстановке которой она выросла. Загородные пикники, лондонский сезон, скачки, балы, придворные обеды, празднества в королевском саду, титулы, светские сплетни. Даже прожив много лет в доме Селии, Барти так и не смогла привыкнуть ко всем этим светским причудам. Теперь это уже не заботило ее. А ведь были ужасные времена, когда Селия говорила, что Барти пора показаться в свете, на балу, быть представленной тому-то и тому-то. Как ей тогда было страшно! Она умоляла Уола отговорить Селию от этих затей, но он отвечал, что у него нет шансов на успех. Селия уже начала говорить о датах и придворных приемах... Барти спасло вмешательство леди Бекенхем.

– Селия, не делай глупостей! – сказала она тогда дочери. – Если ты желаешь превратить Барти, а заодно и себя в посмешище, то ты на верном пути. Это все твои абсурдные социалистические принципы. В общем, я тебе категорически это запрещаю.

Барти, приглашенная Селией в комнату, где происходила дискуссия, не очень понимала, как социалистические принципы могут быть применимы к придворным церемониям, однако приняла вмешательство леди Бекенхем с глубоким облегчением, хотя и молча. Барти предпочитала молчать не из робости, а чтобы ее слова не истолковали превратно. Однако в тот момент она почувствовала, что спасена. Леди Бекенхем была единственным человеком, которая могла указывать Селии.

Сейчас Барти находилась в ином положении. Праздновать полученную ею степень бакалавра по английской литературе и диплом первого класса с отличием – в этом хотя бы был какой-то смысл.

Барти снова набрала в легкие воздуха:

– Тетя Селия, думаю, это будет замечательно. Спасибо.

– Отлично. Тогда мне как можно скорее нужен список тех, кого ты сама захочешь пригласить. А мы с Уолом сегодня свозим тебя куда-нибудь на торжественный обед. Полагаю, Джайлз, близняшки и Кит тоже захотят поехать. Сообщить Джайлзу о твоем успехе или сама ему скажешь?

– Если не возражаете, я сама ему скажу. Возможно, когда он придет домой.

– Тогда тебе следует ему позвонить. Сомневаюсь, что мне удастся долго держать это в секрете. Как отреагировали девочки? Наверное, вопили от восторга.

– Они еще не вставали. А вот Кит действительно пришел в восторг.

– Еще бы. Скажи поварихе, чтобы приготовила праздничный ланч. До свидания, дорогая. Еще раз прими мои поздравления.

– Спасибо. Я хотела сказать... спасибо за все. До встречи.

Барти положила телефонную трубку и, как всегда бывало в подобных случаях, с грустью подумала о покойной матери. Как бы та порадовалась ее успеху, как гордилась бы ею. Просто гордилась бы, ничего не понимая в том, чему училась Барти. Билли, конечно же, обрадуется. Ему она скажет. А остальным ее родственникам рассказывать не стоит. Не поймут, да им и дела нет до ее успехов.

В такие моменты Барти остро чувствовала, насколько она одинока...

* * *

– Представляешь? Она схлопотала диплом первого класса, – объявила Венеция, входя в их гостиную, где Адель красила ногти.

– Шуму теперь будет! Мама уже носится как заведенная. Это она тебе сказала?

– Нет, Кит. Он вне себя от радости. Родители хотят взять нас вечером на праздничный обед.

– Нам что, больше некуда пойти?

– Похоже что так. Как будто сама не знаешь, что все в отъезде? – раздраженно бросила Венеция.

Адель понимала настроение сестры. Бой отправился в круиз по Средиземному морю. Он спрашивал Селию и Оливера, не позволят ли они и Адели отправиться вместе с ним, но те отказались, найдя вескую причину: их дочь некому сопровождать. Венеция заикнулась было, что Бой едет не один, а вместе с матерью и ее нынешним любовником. Селия отмела этот довод с ходу, заявив, что Летиция Уорвик не годится в сопровождающие для кого бы то ни было, а ее нынешний любовник просто жиголо.

– Кочует от одной богатой разведенной женщины к другой. К тому же он макаронник, – добавила Селия, посчитав разговор исчерпанным, а тему полностью закрытой.

В этом году Литтоны сняли виллу на юге Франции несколько позже обычного.

– Дохнуть тут со скуки, – мрачно изрекла Адель. – Никого, кроме наших. Даже Себастьян сюда не приедет. Боже, ну и тоска.

Так оно и случилось. Сейчас, к концу летнего сезона, близняшки изнывали от скуки. Несколько их подруг уже объявили о помолвках, сопроводив объявления в «Татлере» своими фотографиями с задумчиво-рассеянными лицами. А близняшки, настоящие звезды на светском небосклоне, не сделали ничего примечательного, на что рассчитывали сами и их мать.

– Думаю, нам стоит поехать на этот обед. Надо же выказать Барти уважение. Но торчать на ланче я не собираюсь. Хватит с меня этих умных разговоров. Двинулись по магазинам? Пусть довольствуется обществом Кита...

* * *

Утро еще продолжалось. В комнату вошел Брансон, и Барти улыбнулась ему.

– Мисс Миллер, вас к телефону.

Ее всегда удивляло это обращение. Прежде слуги называли ее мисс Барти, и это продолжалось до тех пор, пока она не отправилась на учебу в Оксфорд. Затем, благодаря неко-

ему социальному процессу (вероятно, не без вмешательства Селии), она вдруг стала мисс Миллер. Более значимой, более взрослой и в то же время еще более отдаленной от Литтонов.

– Спасибо, Брансон. А кто звонит?

– Мистер Миллер.

Билли? Он никогда ей не звонил.

Барти прошла к телефону, взяла трубку:

– Билли, привет! Что-нибудь случилось?

– Ничего. Просто хотел тебя поздравить. Рад за тебя. Ты это заслужила.

– Ой, Билли, спасибо. А как ты узнал и как...

– Мне сказала леди Бекенхем. Вбежала во двор, вся взволнованная. Велела немедленно идти в дом и позвонить тебе.

– Надо же, Билли. Как она добра. – Глаза Барти наполнились слезами. Она проглотила комок в горле.

– Да, леди Бекенхем действительно добра. Я это знаю лучше других. Во всяком случае, она радовалась, как ребенок. И я тоже очень рад. У тебя прекрасные мозги, Барти, честное слово. Мама тоже была бы рада, правда?

– Да, – ответила Барти. – Она была бы рада.

* * *

– Барти, дорогая, это Себастьян звонит. Просто хотел тебя поздравить. Фантастическая новость. Я так горжусь тобой. Не скажу, чтобы у меня на это было хоть малейшее право, но все равно, я просто в восторге.

– Кто вам рассказал?

– Оливер. Утром я заходил в издательство. Вижу, они с Селией сидят и вид у обоих как у котов, которые вдоволь налакались сливок. Можно пригласить тебя на ланч?

– Ланч у нас сегодня дома, – ответила Барти. – Повариха уже всюю хлопочет. Я бы не хотела ее огорчать. Почему бы и вам к нам не присоединиться?

– Звучит заманчиво. А Ужасницы тоже будут?

– Нет. Собираются куда-то уходить.

– Тогда я, возможно, загляну. Нет, я точно приду. Мне очень хочется тебя видеть.

Писатель пришел около полудня, держа в одной руке большой букет роз, а в другой – бутылку шампанского. Вино он отдал Брансону, а сам подошел к Барти и обнял ее:

– Ты умная, очень умная девочка. Это так здорово. Пандора шлет тебе всю свою любовь.

– Спасибо. Передайте ей и мою любовь. Как она себя чувствует?

– Превосходно. Занята по горло приготовлениями к свадьбе.

– Уол говорил, что ваша свадьба будет в сентябре. И в ее оксфордском домике. Замечательная идея. Мне очень нравится ее жилище.

– Знаю. Мне оно тоже нравится. Но у меня уходит чертова уйма сил, чтобы уговорить Пандору после свадьбы перебраться в Лондон, ко мне. А она хочет остаться там.

– А почему бы вам не переселиться в Оксфорд? – спросила Барти.

– Потому что я люблю свой лондонский дом.

– Тогда почему бы вам обоим не жить на два дома, то здесь, то там?

– О, это чересчур сложно. И потом, где я буду держать свои книги?

– Можно завести одинаковую библиотеку в каждом из домов.

– Ты никак успела пообщаться с Пандорой? – подозрительно покосился на Барти Себастьян.

– Нет, это не мое дело. Но такое решение мне кажется вполне очевидным. А ее домик – он такой миленький.

– Мой не хуже. А теперь пошли откроем шампанское. Кит, привет, дружище. Как поживаешь? Как тебе эта восхитительная девушка, в чьем обществе мы имеем удовольствие находиться? Не правда ли, вдохновляющий пример?

Кит заулыбался, пожал протянутую ему руку, потом обнял писателя. Они души не чаяли друг в друге. Они сели на диван и о чем-то заговорили. Барти смотрела на них и удивлялась: до чего они похожи. У обоих были золотистые волосы, обворожительные улыбки, способные расположить кого угодно. Она очень любила их обоих.

В детстве и потом Барти была почти что влюблена в Себастьяна. Даже сейчас она думала о том, насколько он обаятелен. Сам Себастьян вовсе не был доволен ни своей внешностью, ни выражением лица, считая, что детский писатель так выглядеть не должен. И вправду, он был больше похож на кинозвезду или, в крайнем случае, на поэта-романтика. Его волосы и сейчас сохраняли темно-золотистый цвет, а глаза – чистую синеву. Себастьян был очень пропорционально сложен. Говорили, что он похож на Рудольфа Валентино⁴ всем, кроме цвета волос. Себастьян был прекрасным спортсменом. В самом начале 1916 года в траншею, где он находился, попал снаряд. Себастьяна ранило в ногу, и он остался хромым на всю жизнь, однако это лишь прибавило ему шарма. Женщины буквально вешались ему на шею. Даже ММ считала его необычайно обаятельным мужчиной, а близняшки называли его «вгоняющим в обморок» (это было одним из недавних их жаргонных словечек). Единственным, на кого его взгляды не действовали, была Селия. Однажды дочери спросили ее, не кажется ли ей, что Себастьян – самый потрясающий мужчина во всем мире. На это она довольно сердито ответила, что никогда не думала об этом, и добавила, что ее куда больше интересует, сумеет ли он сдать рукопись новой книги в срок или опять безбожно запоздает.

Барти иногда думала: а испытывает ли Селия хоть каплю симпатии к Себастьяну? Джайлз рассказал ей, что мать сильно разозлилась, когда он явился на восемнадцатилетие близняшек с двухчасовым опозданием. По словам Джайлза, Селия была словно ледяная глыба. Как он посмел остаться на второе чтение? Ну и подумаешь, что первое имело бешеный успех и затем было продано множество книг. Потом Селия вела себя не менее странно, не желая знакомиться с Пандорой, но вдруг устроила в честь его невесты грандиозное торжество, в течение которого твердила, что Себастьян не заслуживает такого сокровища.

По правде говоря, Себастьян и сам так думал. Пандору он встретил в такой момент своей жизни, когда считал, что все его любовные увлечения уже позади. Ему было сорок семь; он имел внушительное амурное прошлое, включая один брак и несколько любовных историй. Мужчины такого возраста, укоренившиеся в своих привычках, эгоистичные, увлеченные работой и пожинающие лавры успеха, вряд ли способны влюбляться со скоростью юнца. Но именно это и случилось с Себастьяном: он влюбился безнадежно, радостно и с ходу.

Вначале он влюбился в ее голос. Себастьян сидел в Бодлианской библиотеке, где провел беседу с читателями, а теперь подписывал нескончаемую череду протягиваемых ему книг. Он устал улыбаться юным читателям и их родителям, которые безостановочно подходили к его столу, устал говорить, как рад, что им понравилась его последняя книга, и восхищен, что у них еще сохраняется интерес к его первой книге. Он немного огорчал поклонников, говоря, что у него нет любимого писателя, зато он не откажется, помимо автографа, добавить имя того, кому он надписывал книгу. Кто-то протягивал потрепанный экземпляр первого издания, и Себастьян послушно ставил автограф и на нем... А потом он услышал голос. Мягкий, негромкий, удивительно приятный голос, который, как ни странно, был

⁴ Рудольф Валентино – итальянский киноактер, звезда немого кино (1895–1926).

отчетливо слышен среди гула множества других голосов. Женский голос. Женщина сказала, что в углу стоят коробки с его книгами и она может принести оттуда еще какое-то количество экземпляров. Тогда Себастьян поднял голову и увидел ее. Личико сердечком, большие карие глаза и мягкая, сочувственная улыбка. По его телу прошел спазм (Себастьян назвал это узнаванием): сильный, похожий на удар. Писатель почувствовал, что окружающий мир теряет резкость очертаний. У него слегка закружилась голова.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – пытаюсь успокоиться и вернуться в прежнее состояние, ответил Себастьян. – Но только несколько экземпляров, или попросите кого-нибудь вам помочь. Найдите мистера Джарвиса, он обычно...

Женщина снова улыбнулась и отошла. Она была невысокого роста, пожалуй даже маленькая, с длинной косой, закрепленной на конце большой черепаховой заколкой. Женщина двигалась быстро, грациозно, почти скользя по комнате. Она не только принесла книги, но и раскрыла каждую из них на титульном листе, чтобы он не тратил лишнего времени. Себастьян горячо ее поблагодарил, а когда она, выполнив обещанное, отошла заниматься своими делами, он вдруг почувствовал странную пустоту. Он поискал женщину глазами. Она сидела неподалеку, тщательно записывая количество проданных книг. Не выдержав, Себастьян встал и подошел к ее столу.

– Я очень благодарен вам за помощь, – сказал он. – Спасибо.

– Нашли за что благодарить. Ничем особенным я вам не помогла, – ответила женщина. – Мне понравилась ваша беседа с читателями.

Сказав это, она вернулась к работе. Этим все могло и ограничиться, но Себастьяну не хотелось уходить. Слова женщины будто приглашали к продолжению разговора.

– А я так устал, – признался он.

– От чего? – спросила женщина, не сразу и как будто даже нехотя оторвавшись от колонок цифр.

– От беседы. Я провожу их так часто, что они вызывают у меня скуку. Но сегодня, как мне кажется, это прошло живее.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась женщина.

– И сколько народу собралось. Обычно слушателей у меня бывает меньше. – (Женщина снова согласилась.) – Знаете, для меня это всегда напряжение. Едешь на встречу и думаешь: сколько детей соберется, сколько взрослых, засмеются ли они в нужном месте или нет. Вот такие писательские волнения.

– Представляю.

– И ведь к этому невозможно привыкнуть. Никак. Глупо, правда?

– Да. То есть нет. – Взгляд женщины стал очень серьезным. – Мистер Брук, не считите мои слова за грубость. Мне очень понравилась сегодняшняя беседа. Уверена, что всем остальным тоже. Но я хотела бы закончить эту писанину, а то время уже позднее.

– Боже мой, я совсем забыл о времени. Простите, пожалуйста. Надо же, какой я неисправимый эгоист. Еще раз прошу меня простить. И еще раз спасибо за помощь.

– Охотно прощаю. Всего вам доброго.

– И вам всего доброго, мисс...

– Харви. Пандора Харви.

* * *

Себастьян заночевал в Оксфорде, поскольку на следующий день ему предстояла встреча с управляющим издательства «Блэкуэлл». Выйдя оттуда и повинувшись некой совершенно непреодолимой силе, он пошел в Бодлианскую библиотеку и оказался там как раз в то время, когда Пандора Харви выходила из дверей библиотеки, чтобы перекусить, а затем на

неделю отправиться к матери. Потом он часто думал об этом моменте и испытывал дрожь, представляя, как могли бы развиваться события, задержись он в издательстве еще на пять минут. Увидев Пандору, Себастьян улыбнулся, сказал, что очень рад снова видеть ее и готов пригласить куда-нибудь на чай в качестве благодарности за ее вчерашнюю доброту. Женщина засмеялась и ответила, что чай – это здорово, но к нему можно бы добавить сэндвич, поскольку она проголодалась.

Был и чай, и сэндвич, потом они гуляли вдоль реки, а затем Себастьян на своей машине повез Пандору в знаменитый паб «Траут», что в районе больших пустошей. Пандора удивила его тем, что заказала себе полпинты пива. Они любовались павлинами и наслаждались беседой, узнав, что их вкусы удивительно совпадают. В числе этих многочисленных совпадений оказалась любовь к живописи Модильяни, музыке Джорджа Гершвина и книгам Алана Александра Милна.

– Конечно, если вас не оскорбляет моя увлеченность произведениями вашего литературного соперника, – с некоторой тревогой добавила Пандора.

Себастьян ответил, что ничуть. Расставаться им не хотелось. Пандора согласилась позвонить матери и сказать, что приедет к ней завтра. Из паба Себастьян повез мисс Харви обедать в ресторан «Рэндолф». Там они просидели и проговорили практически до самого закрытия, когда в зале почти никого не осталось, кроме зевающих, полусонных официантов. Себастьян сказал ей, что вряд ли она отнесется к его словам всерьез, но, кажется, он в нее влюбляется. Пандора на это ответила – к счастью, она была лишена глупого женского жеманства, – что относится к его словам вполне серьезно, а также думает о возможных последствиях.

Через неделю она позвонила Себастьяну из своего оксфордского домика и пригласила в субботу вечером приехать к ней на обед. Он приехал с бутылкой марочного кларета и экземпляром первого издания «Дома на Пу́ховой опушке»⁵ с подписью автора. Пандора сообщила, что пригласила еще нескольких друзей. Это немного огорчило Себастьяна, но к часу ночи, проведя замечательный вечер и отдав должное кулинарному таланту хозяйки, гости ушли. Пандора призналась ему, что тоже влюбилась в него и, если его чувства к ней за это время не остыли, она будет на редкость счастлива... Утром Себастьян проснулся в ее постели. Ее тело, обладающее почти пугающей способностью к наслаждениям, крепко прижималось к нему. Днем он предложил ей выйти за него замуж. Пандора согласилась.

Эта часть развития их отношений была простой и прямой.

* * *

Конечно же, он знал, что это выбьет Селию из колеи. Он ожидал всего: и ее ледяного презрения, и вспышки гнева, и состояния уязвленности. Потому-то он и откладывал разговор в течение нескольких недель, решив сообщить новость в день рождения близняшек. Себастьян считал, что Селия в этот день будет в семейных заботах плюс благотворное присутствие Оливера, а если повезет, то рядом окажется и всегда спокойная, уравновешенная ММ. Себастьян лишь не учел, что к его появлению торжество уже закончится и гости с пугающей скоростью разойдутся. Но он исполнил задуманное. Потом Оливер настоял, что такую новость нужно отметить шампанским. Может, и зря, но это хотя бы частично отвлекло внимание и от пролитого Селией красного вина, и от ее злости на собственную неловкость. Они втроем выдержали еще час или около того, как требовали правила приличия, и невероятно

⁵ «Дом на Пу́ховой опушке» – вторая книжка Милна о Винни-Пухе. В русском переводе Бориса Заходера они объединены под общим названием «Винни-Пух и все-все-все».

уставший Себастьян вернулся к себе домой. Потом, мысленно прокрутив этот разговор, он убедился, что все прошло почти так, как он надеялся.

* * *

– Конечно, я хочу с ней познакомиться, – через несколько дней сказала Селия, уже в издательстве, у себя в кабинете, ослепительно улыбаясь ему через стол. – Жду не дожусь. Мы устроим встречу как можно скорее. Я поговорю с Оливером, и мы найдем вечер, когда оба свободны. Сейчас у нас такая нагрузка – не продохнуть. У близняшек сезон, и я просто с ног сбиваюсь. Столько всевозможных развлечений, а устройство – на мне. Добавь к этому загородные пикники, потом еще Аскот и...

– Селия, – перебил ее Себастьян, стараясь говорить спокойно. – Селия, нам вполне достаточно скромного обеда на четверых. Думаю, это ты сможешь...

– Себастьян, не говори ерунды. Я хочу оказать Пандоре должный прием. Хочу познакомиться ее со всей нашей семьей. На меньшее я не согласна. А это, как ты понимаешь, требует устройства. Дай мне неделю или две, и я найду приемлемую дату.

Прошла неделя, затем две. Даты назначались, но потом отменялись, переносились снова и снова. Вначале Пандора лишь смеялась, однако потом это стало ее раздражать.

– Глупости какие-то. Я просто явлюсь к ней на работу, зайду в кабинет и представлюсь. Сэкономлю ее время.

– Прошу тебя, не делай этого, – сказал Себастьян. – Очень тебя прошу.

Понимая, что такой демарш может ему повредить, Пандора вздохнула:

– Себастьян, мне это трудно понять. Я не привыкла к таким играм. Меня не волнуют причины подобных проволочек. Пожалуйста, сделай что-нибудь. Уладь, как умеешь.

Себастьян пообещал, что уладит.

* * *

Наконец терпение лопнуло и у Себастьяна. Селия только что отменила четвертую подряд «твердую» дату, попросив Дженетт Гоулд позвонить ему и передать ее извинения. На сей раз причиной был какой-то светский обед, который устраивала леди Бекенхем, в последнюю минуту решившая, что ей не обойтись без помощи дочери. Селия никак не могла ей отказать: ведь леди Бекенхем так много сделала в этом сезоне для близняшек. Далее выражалась надежда, что Пандора это поймет.

Себастьян положил трубку. Некоторое время он задумчиво глядел на телефонный аппарат, затем вызвал такси и поехал в издательство «Литтонс». В кабинете Селии он пробыл менее пяти минут, но к Пандоре вернулся с письмом, где Селия приглашала ее и Себастьяна к себе домой на семейный обед. Датой был назван четверг следующей недели.

* * *

– Итак, мой маленький гений, чем же ты теперь собираешься заниматься? – спросил Себастьян, снова наполняя фужер Барти.

– Я как-то об этом еще не думала.

– Бьюсь об заклад, что думала. – Синие глаза писателя так и буравили Барти.

– Думала лишь в общих чертах. Вы же знаете.

– Наслаждаешься заслуженным отдыхом?

– Ни в коем случае. Я не люблю отдыхать. Предпочитаю чем-нибудь заниматься.

– Это я знаю. Но несколько недель отдыха не так уж плохо. Собираешься поехать на виллу Литтонов?

– Вероятно, да, – со вздохом ответила Барти. – Если честно, мне не хочется. Но у меня нет уважительных причин и...

– Возможно, там будет весело.

– Весело там не будет, – возразила Барти.

– Чего не будет? – поинтересовался вернувшийся Кит, который ходил за лимонадом и слышал лишь кусок последней фразы.

– Ничего, – торопливо ответила ему Барти. – Оксфорд позади. Теперь надо искать работу.

– А почему ты должна искать работу?

– Потому что Барти любит работать, – ответил за нее Себастьян. – Она просто сама не своя до работы. Как и твоя мама.

– Барти, тебе не надо искать работу, – сказал Кит. – У тебя уже есть работа.

– Ты так думаешь?

– Конечно.

– И какая же это работа?

– В издательстве «Литтонс», – ответил Кит, добавив с простодушной детской логикой: – В нашей семье все там работают.

– А я нет, – сказала Барти и осеклась.

– Ужасницы тоже не работают, – заметил Себастьян, умело выправляя течение разговора.

– Думаю, потом все равно будут. Мамуля... Мама говорит, что обязательно будут. Когда еще немного вырастут. Я слышал, как они с папой говорили об этом.

– Юным джентльменам не пристало подслушивать чужие разговоры, – назидательно сказал Себастьян. – Ты же знаешь, воспитанные люди так себя не ведут.

– Но я там просто был. – Кит явно смутился. – Вы не думайте, я не подслушивал под дверь. Родители не обращают на меня внимания и говорят о своем. В основном про разные скучные дела. Но она так и сказала. Я про маму. А еще она сказала, что и Барти тоже придет работать в издательство, как только закончит Оксфорд. Мама говорила, что, если тебя натаскать, из тебя получится хороший редактор. Лучше, чем Джайлз, – улыбаясь, добавил Кит. – Мама говорит, у него нет идей.

– Но... – начала было Барти и снова умолкла.

– Джайлз мог бы стать отличным редактором, – быстро вмешался Себастьян, – но Оливер хочет, чтобы он двигался по управленческой части. ММ говорит, что Джайлз великолепно управляется с цифрами.

– Вот видишь, – с легкой укоризной сказала Киту Барти. – Это намного важнее, чем быть редактором.

– И все равно мама хочет, чтобы ты была редактором, – стоял на своем Кит. – Думаю, ты им станешь, – заявил мальчишка, улыбаясь взрослым улыбкой ангелочка.

* * *

После ланча Себастьян и Барти отправились прогуляться по набережной. Барти была тихой и какой-то отрешенной.

– В чем дело? – спросил Себастьян.

– Да, в общем... Вы же не станете рассказывать тете Селии?

– Конечно нет. Теперь я вообще не разговариваю с ней без письменного разрешения, составленного по всей форме. – Писатель улыбнулся.

- Как раз поэтому я и не хочу идти работать в издательство.
- Поскольку ты считаешь это слишком легким путем? Или тебя заботит людская молва?
- В общем-то, да. И...
- И что еще? – Себастьян обнял Барти за плечи. – Не бойся. Мне-то ты можешь рас-

сказать.

– Потому что это... будет означать больше благодарности с моей стороны. Мне снова будут напоминать, какая удача выпала на мою долю. Себастьян, я так устала от этого. Ужасно устала.

* * *

Вечером, благополучно вернувшись в Оксфорд, Себастьян рассказал Пандоре о трудностях Барти. Пандора внимательно слушала, не сводя с него больших карих глаз. Потом сказала:

– Бедная Барти. Бедная девочка.

– Не такая уж и бедная, – возразил Себастьян, ощущая в себе странную и раздражающую потребность защищать семейство Литтон. – Это предложение сулит ей изрядную выгоду. Все не так уж плохо. Селия ее обожает и...

– Надо полагать, быть предметом обожания леди Селии не ахти какое удовольствие, – возразила Пандора.

– Разумеется, нет. Но это лучше, чем пребывать у нее в немилости, как несчастный Джайлз. А пройти редакторскую выучку в «Литтонс» отнюдь не плохой способ для начала карьеры.

– Ты прав. Но знаешь, Себастьян, эти слова, что Барти сказала тебе. О благодарности. Я ее очень понимаю. Наверное, это так трудно.

– Трудно, не спору. Мне пришлось испытать это на своей шкуре, правда в меньшей степени. Сейчас-то все по-другому, не то, что вначале, когда Селия купила рукопись первой моей книги и боролась за ее выход, а заодно – против Оливера.

– Да-да. Только сомневаюсь, что мне хочется знать слишком много о тех временах, – сказала Пандора. – Довольно об этом, дорогой. Давай ложиться. Я ужасно по тебе соскучилась...

* * *

Позже, гораздо позже, Пандора лежала в объятиях спящего Себастьяна, слушала его дыхание и думала, как же сильно она его любит.

Неистовство ее чувств к нему, захватившее Пандору врасплох, и сейчас продолжало удивлять и даже шокировать ее. То была громадная динамическая сила, наполнявшая все виды наслаждений: эмоциональных, интеллектуальных и телесных. Пандору нельзя было назвать совершенно неискушенной в любовных делах. Когда-то она со своим горячо любимым женихом прошла все уровни любви. Двенадцать лет назад он погиб. Потом у нее были любовники: один или два.

– Вообще-то, два, – призналась она, когда Себастьян стал допытываться об их точном числе.

Тем не менее все последующие годы Пандора жила в состоянии некоторой фрустрации, почти целиком подавляя свои желания. Она и мечтать не могла о сексуальных путешествиях, которые теперь совершала в постели Себастьяна, о великолепии и богатстве их совместных любовных переживаний. Себастьян вывел ее из прежнего подавленного состояния своей опытностью, нежностью и немалой сексуальной изобретательностью. Поначалу

Пандора отвечала так бурно, что почти не контролировала себя. Потом поняла: она тоже может одарить Себастьяна своей неиссякаемой сексуальной энергией, любознательностью и готовностью доставлять неограниченные наслаждения. Ей было никак не насытиться им. Стоило ей почувствовать себя удовлетворенной и заснуть, как через несколько часов она вновь ощущала любовный голод и будила Себастьяна, прося новых наслаждений.

– Дорогая, я уже старик, мне надо отдохнуть, – обычно говорил он, хотя на самом деле был безмерно рад, что способен доставить ей удовольствие.

Пандора многое узнала о нем и его прошлом. Себастьян рассказал ей «все, что тебе требуется знать», нежно целуя ее после долгой ночи откровенных рассказов. Часть из них удивляли ее, а некоторые даже шокировали. Пандора чувствовала: есть целый пласт, который Себастьян ей не открыл. Но при всем своем любопытстве она вполне довольствовалась тем, что узнала, а самые потаенные уголки его существа... Что ж, их раскрытие подождет своего часа. В их начавшейся совместной жизни Себастьян вел ее все дальше, одновременно поднимая все выше. Пандора познавала его медленно и сладостно. Сейчас, лежа рядом с ним, она чувствовала, что совершает еще одно путешествие, полностью перемещаясь на другой план – в то время, где у Себастьяна не останется от нее никаких тайн. В том, что это время наступит, Пандора не сомневалась.

* * *

Вилла, которую они сняли, находилась на мысе Антиб – прекрасном уголке Лазурного Берега. Однако отдых семьи Литтон вряд ли можно было назвать успешным. Близняшки скучали и все время были чем-то недовольны, отказывались даже играть в теннис и плавать в бассейне. Джайлз скверно переносил жару и был вынужден почти все время проводить в доме. Оливер слег, подцепив какую-то из желудочных инфекций, которые постоянно преследовали его после ранения во время войны. Зато Кит и приехавший вместе с Литтонами Джей были по-настоящему счастливы. Они целыми днями резвились в бассейне, без конца прыгая и ныряя, словно два расшалившихся дельфина. Селия лежала в шезлонге под деревьями и читала рукописи. Было странно видеть ее никуда не спешащей. Барті удивляла всех, в том числе и себя, став настоящей солнцепоклонницей. Ее лицо и тело покрывал ровный бронзовый загар. Солнце осветило пряди ее длинных темно-рыжих волос, а на носике появились симпатичные маленькие веснушки. Она вставала рано утром и самозабвенно плавала в бассейне вместе с Селией, которая строго и неукоснительно следила за своей фигурой.

Вечерних развлечений почти не было. На виллах, разбросанных по побережью, всю веселились англичане и французы, но Селия решила снять маленькую виллу с минимальной услугой, о чем потом сожалела. Поэтому она не могла по примеру соседей устроить большую вечеринку. По той же причине она отклоняла многочисленные приглашения, что лишь сильнее злило близняшек.

* * *

В последнюю неделю их отдыха на виллу неожиданно появился Бой Уорвик с компанией. Их яхта на несколько дней бросила якорь в Порт-де-л'Оливетт, откуда он на машине отправился разыскивать Литтонов. Даже Селия была рада его видеть. Что же касается близняшек, те были просто в экстазе. Обретя вдруг подвижность, они торопились продемонстрировать Бою свои скромные способности пловчих и говорили, что давно мечтали поплавать на парусной яхте.

Однако к концу третьей недели все, даже Кит, были по горло сыты отдыхом.

* * *

В последний вечер их пребывания на вилле Оливер объявил, что на обратном пути собирается навестить мсье Константена – парижского издателя, которого с Литтонами связывало взаимовыгодное сотрудничество.

– Утром я говорил с Ги Константеном по телефону. Он хотел бы обсудить со мной издание ряда книг. Мне тоже есть что ему предложить. Было бы глупо не заехать к нему, раз мы находимся на континенте. Селия, дорогая, думаю, и тебе захочется поехать со мной. Джайлз, тебе тоже не мешало бы побывать в издательстве Константена и кое с кем познакомиться. Поэтому...

– Париж! – радостно воскликнула Адель. – Ох, как чудесно! Папа, а нам тоже можно поехать? Мы там походили бы по магазинам, а то ведь мы до сих пор не позаботились о зимнем гардеробе и...

– Конечно же, вы обе можете поехать с нами, – ответил Оливер, улыбаясь дочери. – Думаю, общество Ги Константена вам понравится не меньше магазинов. Он очень обаятельный человек, хотя и не отличающийся особым знанием английского языка.

– Папа, мы совсем не собираемся забивать себе голову издательскими делами, – быстро сказала Венеция. – Правда, Адель?

– Конечно, – привычно поддакнула та. – Нам это ни к чему. Мы будем просто развлекаться и не доставим вам хлопот.

Оливер потрепал дочь по руке и сказал, улыбаясь:

– Я верю, что вы не доставите нам хлопот.

«Чем только забиты головы этих девчонок?» – подумала Барти, искренне радуясь, что из Парижа она будет возвращаться домой в обществе Джея и Кита. Близняшки порхали по жизни, не прилагая к этому ни малейших усилий. А о какой чепухе они болтают! Они, видите ли, «до сих пор не позаботились о зимнем гардеробе». Нет, ей не надо такой праздной жизни, заполненной лишь погоней за развлечениями. Барти до сих пор не могла побороть раздражение, удивляясь, что большего от близняшек никто и не ожидал.

* * *

По поводу ее собственного будущего у Барти все еще не было ясности. Селия заговорила о ее работе в издательстве и, что удивительно, почти сразу же согласилась взять Барти. Конечно, Селия в тот момент находилась в странном состоянии: отрешенная и слегка подавленная. И в то же время необычайно красивая. Облегающее белое шелковое платье прекрасно сочеталось с ее загорелой кожей, а темные волосы таинственно поблескивали в свете свечей. Селия была удивительно красива.

И молода... Намного моложе, чем дорогой старый Уол...

* * *

– Девочки, мне нужна ваша помощь.

К завтраку в номере парижского отеля «Георг V», где они остановились, Оливер вышел один. Близняшки, которым не терпелось помчаться по магазинам, посмотрели на отца с некоторой тревогой.

– Помощь в чем? А где мама?

– Вашей маме нездоровится, в том-то все и дело. И...

– Маме нездоровится? Но она никогда не болеет.

Это было правдой. Отличное здоровье Селии относилось к числу семейных легенд. Единственным ее телесным нарушением была тенденция к выкидышам, но подобные беды остались в прошлом и уже не беспокоили ее.

– Да, а вот сегодня ей плохо. Вечером она поела устриц и...

– Боже мой, – передернула плечами Венеция. Она сама однажды отравилась устрицами и с тех пор не могла на них даже смотреть. – Я ведь ее предупреждала. Бедная наша мамочка.

– Как видишь, она тебя не послушалась. Ей действительно плохо. Я вызвал врача, и сейчас он с ней. Конечно, ничего опасного нет, но мне сегодня нужно, чтобы кто-нибудь исполнял роль хозяйки за столом. Я пригласил Ги Константена и его главного редактора в «Максим», и одному мне просто не обойтись.

– А почему? – искренне удивилась Адель. – Вы же будете говорить о своих делах. И потом, где Джайлз?

– Он поехал на склад издательства. Поймите, это жест светской учтивости, – теряя терпение, сказал Оливер. – О делах мы вдоволь наговоримся утром, а в «Максиме» будет непринужденная встреча, никаких серьезных разговоров. Мне хотелось бы, чтобы вы там тоже были. Желательно обе, но кто-то одна – обязательно.

– Но, папа...

– Венеция! – В голосе Оливера появилась несвойственная ему жесткость. – Я редко прошу вас обеих о помощи. Мы с матерью потратили немало времени и сил, обеспечивая вам легкую и приятную жизнь. Вы прекрасно провели время на Лазурном Берегу и в течение ближайших нескольких месяцев никаких затруднений в вашей жизни тоже не предвидится. А теперь я хочу знать, кто из вас проявит достаточно доброты и великодушия и отправится со мной в «Максим» на обед?

Близняшки переглянулись.

– Мы обе, – сказали они.

* * *

В издательство Константена сестры приехали к назначенному отцом времени – в половине первого. Они все-таки успели пробежаться по магазинам и забросить покупки в отель. Осторожно заглянули в комнату к матери. Селия спала. Возле нее дежурила сиделка. Увидев близняшек, она приложила палец к губам.

Издательство оказалось весьма приятным местом, больше похожим на жилой дом, чем на конторское здание. Находилось оно во дворе, в нескольких шагах от авеню Опера. Масивные двойные двери открывались в сводчатый вестибюль, откуда на верхние этажи вела красивая двойная лестница. Консьерж, которому явно было скучно, направил сестер на второй этаж, где их попросили обождать. Минут через пять из кабинета вышли их отец, Ги Константен и еще один мужчина.

Ги Константену было лет сорок пять. Невысокого роста, худощавый и по-французски учтивый. Его темные волосы успела тронуть седина. Кожу покрывал загар. Костюм и рубашка француза были безупречны. Его спутник заметно от него отличался. Адель смерила этого человека взглядом и потом призналась Венеции: «У меня прямо кишки в бока вгрызлись». Второй француз тоже был загорелым и темноволосым, но намного выше Константена. Черты лица не отличались правильностью, будто их лепили наспех, а потом так же спешно разглаживали. Адель подумала, что он, скорее всего, еврей. У него были очень темные, почти черные, буравящие глаза, крупный нос и высокий лоб. Густые черные волосы тяжело падали на плечи. Его полный рот больше походил на девичий, однако остальные черты лица были ярко выраженными мужскими. Его улыбка, неожиданно очень яркая, обнажила совершенно

белые, хотя и несколько кривые зубы. Он пожал руку сначала Адели, затем Венеции. Рука была костлявая, теплая и очень сильная.

– Люк Либерман, – представился долговязый, слегка поклонившись. – Я главный редактор в издательстве Константена. Enchanté, Mesdemoiselles⁶.

– Как поживаете? – спросила Адель.

У нее по непонятной причине слегка кружилась голова. Люк Либерман был не из тех мужчин, которыми она восхищалась. Его одежда оставляла желать много лучшего: мятая, неуклюже сидящая. Рукава пиджака были слишком коротки, а брюки, наоборот, слишком длинны. Адель ждала, что головокружение прекратится, но оно не прекращалось.

– Меня очень огорчило, что ваша мама больна. Надеюсь, сейчас ей лучше?

– Она спит, – ответила Венеция. – Мы заглядывали к ней.

– Великолепно! – сказал Ги Константен, произнеся это слово совершенно по-французски. – Сон как раз то, что ей нужно. А теперь, как я подумал, вы захотите осмотреть наше весьма красивое здание. Перед уходом. Нам с вашим отцом еще нужно поговорить. Люк будет вашим гидом.

Адель, которая обычно была равнодушна к архитектурным красотам, сказала, что с удовольствием осмотрит здание. Венеция кивнула, но с меньшим энтузиазмом.

* * *

– А здесь у нас зал заседаний, – сказал Люк Либерман, церемонно открывая дверь. – Не правда ли, красивый?

– Надо же, – выдохнула Адель. – Божественная красота.

– Почти, но я с вами согласен, – ответил Люк. – Мне думается, сам Господь мог бы создать это помещение, если бы у Него нашлась свободная минутка между отделением света от тьмы и сотворением живых существ. А потом Он, наверное, остался бы доволен творением рук своих в Париже.

Близняшки нервно хихикнули. Должно быть, француз шутил. Но его лицо оставалось серьезным, а они совсем не привыкли к утонченным интеллектуальным шуткам. Они вдруг почувствовали себя глупыми девчонками, оказавшимися там, где таким не место. Ощущение было новым; прежде ничего подобного они не испытывали.

– Я так и думал, что зал вам понравится. А разве ваш отец не рассказывал вам о нем?

– Конечно рассказывал, – ответила Адель.

Она смутно помнила, как отец, сидя за обеденным столом, рассказывал им об этом удивительном зале, уподобляя само здание короне, а зал – бриллианту в ней. Отец что-то говорил о великолепии стиля модерн, об удивительном потолке, потрясающей красоты камине, лампах Тиффани, изысканных обоях, бесподобном столе и стульях, кажущихся вырезанными из стекла. Тогда Адель слушала отца вполуха, позволяя мыслям разбредаться и ожидая, пока он заговорит о более приятных и понятных вещах: платьях, портных, пикниках и вечеринках и на какие из них ей и Венеции стоит принять приглашение. Сейчас Адель вдруг подумала, что ей необходимо научиться быть более внимательной и рассудительной, если она намерена заинтересовать собой таких людей, как Люк. Мда, заинтересовать Люка. Пожалуй, никогда еще ей так не хотелось привлечь к себе мужское внимание.

– А теперь не пройти ли нам в архив? – спросил Люк.

– Я... Можно мне посидеть здесь? – ослепительно улыбаясь, попросила Венеция. – Утром, когда я бежала вверх по лестнице, то споткнулась и слегка ушибла лодыжку. Мистер Либерман, вы не возражаете, если я подожду вас здесь?

⁶ Очарован, мадемузели (фр.).

– Пожалуйста, зовите меня просто Люк. Конечно же, я *désolé*⁷ этим. Но я понимаю. Сочувствую вашей неприятности с ногой. Надеюсь, она не очень болит?

– Нет, не волнуйтесь. Просто мне трудновато много ходить. Я посижу здесь, а потом вы зайдете за мной. – Венеция улыбнулась французу и обменялась с сестрой понимающими взглядами.

– *D'accord*⁸. В таком случае идемте, мадемуазель Адель. Конечно, если вас интересует архив.

– Да, – поспешно ответила Адель. – Уверена, мне будет очень интересно. И вы, Люк, зовите меня просто Адель. Не надо этих формальностей.

– О, – пробормотал Люк, выражая учтивое удивление. – Но я думал, что формальности нужны. Ваш отец, как-никак, мой *patron*. Я чувствую себя обязанным выказывать его старшей дочери определенную долю уважения.

– А откуда вы знаете, что я его старшая дочь?

– От вашей матери. Это она мне рассказала.

– Неужели? – удивилась Адель. – И когда?

– Когда мы виделись в прошлый раз. Она показывала мне ваши фотографии.

– Вы серьезно? – изумилась Адель.

Ее мать была вовсе не из тех женщин, которые обожают показывать фотографии своих детей всем подряд, включая малознакомых иностранцев. Еще меньше Селии было свойственно сообщать столь интимные подробности, как, например, кто из близняшек родился первой. Однако Адель понимала, почему мать поведала об этом Люку Либерману. В нем было что-то располагающее к откровенному разговору; более того, к рассказу о весьма сокровенных вещах. Он обволакивал тебя силой своей личности, и ты чувствовала, что заблудилась в его странном обаянии.

– Не могу представить, почему такие вещи должны вас интересовать, – сказала Адель, поигрывая застежкой своей сумочки.

– Мадемуазель Адель, – с серьезным видом произнес Люк, – я бы с удовольствием узнал о вас все. Абсолютно все.

* * *

Обед в ресторане «Максим» был сплошным удовольствием. Близняшки не уставали восхищаться великолепием заведения, картинами Тулуз-Лотрека, обстановкой, освещением, официантами в длинных белых фартуках и удивительно шикарными парижанами, с необыкновенным изяществом поглощающими французские деликатесы. Сестры заметили, что волосы у парижанок гораздо длиннее, а юбки – значительно короче. И конечно же, эти изумительные дорогие шляпки с маленькими полями, плотно облегающие голову. Все эти наблюдения требовалось запомнить и увезти домой.

Но сегодня для Адели эти наблюдения отошли на задний план. Она сидела рядом с Люком, стараясь внимательно слушать все, о чем он говорил, а говорил он о весьма сложных вещах. Раньше такое ей было несвойственно. У нее по-прежнему слегка кружилась голова. Более того, внутри у нее все всколыхнулось, затронув самые потаенные глубины. Вместо привычной ей Адели за столом сидела какая-то нервная, осторожная девица, внимательно думающая над каждым своим словом, прежде чем его произнести, а зачастую предпочитающая молчать, чтобы не показаться глупой. И в то же время эта девица была как-то странно, мучительно счастлива.

⁷ Сожалею; огорчен (фр.).

⁸ Согласен (фр.).

– Теперь у нас появилась замечательная новая книга, которую мне просто не терпится издать, – сказал Оливер, улыбаясь через стол дочерям. – Автора открыл мсье Либерман. Книга называется «Lettres tristes» – «Печальные письма». Роман в эпистолярном жанре. Переписка между английским солдатом и девушкой, которую он встречает, возвращаясь домой после ранения. Уже дома он понимает, что успел полюбить эту девушку, но он понимает и то, что больше никогда не увидит ее. У него есть невеста, и они должны пожениться. Очень трогательное произведение, да, очень трогательное. Думаю, сейчас самое время издавать такие вещи. Война все дальше уходит в прошлое.

– Вы правы, мсье Литтон. Кстати, Марсель Лемуан – автор романа – очень милый человек. Хочу вам предложить: если вы планируете небольшой ресепшн⁹ по случаю выхода книги в Англии, Лемуан охотно приехал бы в Лондон. Уверен, он понравился бы англичанам. Он сам воевал, знает окопную жизнь и свою книгу написал не по чужим рассказам.

– Да, – подхватил Люк Либерман, – Марсель – исключительный человек. Единственная сложность: его английский не таков, чтобы общаться с аудиторией. Возможно, леди Селия согласится нам помочь. Уверен, она хорошо знает французский.

– Я тоже неплохо знаю французский, – заявила Адель. – Я была бы рада познакомиться с мсье Лемуаном. Думаю, это прекрасная идея – пригласить его в Лондон после выхода этой книги на английском языке. А вы, мсье Либерман, тоже могли бы приехать на правах первооткрывателя великого таланта.

– Я был бы польщен, – ответил Люк.

* * *

– Ну и ну, – сказала Венеция. – И когда это у тебя успел проявиться талант к французскому языку? Адель, теперь тебе придется спешно брать уроки.

– Заткнись, – отмахнулась Адель. – Я хотела сказать, tais-toi¹⁰. Как видишь, я до сих пор многое помню. Французский был одним из моих любимых предметов.

– Таким словарным запасом ты французов не очаруешь. И надо же, у тебя вдруг проснулся большой интерес к издательским делам. Ладно, сестренка, все нормально. Думаю, он был...

– Ты уловила? Такой... такой сексуальный.

– Да. Хотя и одет ужасно.

– Ужасно. Я подумала: наверное, это означает...

– Возможно. Правда, еще не факт. Они не все...

– Никакая француженка не позволит, чтобы ее муж ходил на работу и в прочие места одетый как чучело, – уверенно заявила Адель.

– Может, у него есть невеста?

– Не думаю. А ты? В любом случае мы должны...

– Я спрошу папу. Маму нельзя, она догадается. Она никогда...

– Нет, но он и ей понравился.

– Откуда ты знаешь?

– Она ему рассказала, что я старшая. Из нас двоих.

– Какое абсолютно чрезвычайное преимущество.

– Я знаю. Венеция, я просто чувствую, что он... что он...

– Важный? – подсказала Венеция.

– Да. Очень важный.

⁹ Прием, торжество (фр.).

¹⁰ Заткнись (фр.).

* * *

– Барти, дорогая... – Его голос, донесшийся из кабинета, настиг ее в коридоре.

– Да, Уол.

– Барти, можно тебя на пару слов?

У Барти сжалось сердце: она знала, о чем будет их разговор.

– Мне... трудно об этом говорить, – признался Оливер, откидываясь на спинку большого кожаного вращающегося кресла. – Ты присаживайся, дорогая. Присаживайся. Дело в том...

Барти молча села, решив ни в коем случае не помогать ему.

– Селия говорит, что ты отвергла ее предложение работать в нашем издательстве.

– Да. Да, это так. Я сказала бы и вам, но вы уезжали.

– Да, знаю, знаю. Проблема не в твоём отказе. Селия очень опечалена.

Барти вдруг рассердилась. У Селии не было никакого права чувствовать себя опечаленной. Эмоции вообще были здесь неуместны. Вопрос касался дела, а не семейных отношений. Барти так и сказала Оливеру.

– Барти, боюсь, это не совсем верно, ты не находишь?

Барти пристально смотрела на него:

– Почему же? Это вполне верно.

– Ты же сама знаешь, что нет. Селия тебя любит. Она потратила немало сил, помогая тебе год за годом, и...

– Уол, прошу вас. Так нечестно.

– Ты считаешь, что нечестно? – со вздохом спросил он.

– Да. Вы знаете это не хуже меня. Я не просила, чтобы меня привозили сюда. Я не просила разлучать меня с семьей. Знаю, это было проявлением великого милосердия. Передо мной открылись невиданные возможности, о которых я бы и мечтать не могла. Но... – Она вдруг замолчала.

– Но что?

Нечего ее спрашивать: она не могла сказать это вслух. Не могла признаться Оливеру, как ей было больно от этого милосердия, сколько вреда причинила ей Селия, творя свое добро. И потом, Уол это знал.

Она сделала глубокий вдох:

– Уол, дело в том, что я хочу идти по жизни самостоятельно. Наверное, такое желание было бы у меня, даже если бы я была одной из Литтонов.

– Ты и есть одна из Литтонов. Очень во многом.

Барти позволила ему сказать это.

– Ладно. Если бы я родилась в семье Литтон. Так лучше звучит? Я не хочу, чтобы мне все преподносилось на тарелочке. Не хочу, чтобы вокруг меня говорили: «А-а, она получила эту работу лишь потому, что воспитывалась в их доме».

– Барти, никто этого не станет говорить. Оксфорд не выдал бы тебе диплом первого класса и не присудил бы степень бакалавра в области английской литературы лишь потому, что ты воспитывалась в доме Литтонов. Для этого нужно иметь изрядный талант. И разумеется, прилежание.

– Уж вы-то должны знать, – сказала Барти, улыбаясь ему. – У вас тоже диплом первого класса.

– Мужчине это легче.

– Неужели, Уол?

– Боюсь, что да. Но в любом случае мы хотим, чтобы ты пришла работать в издательство. Мы считаем, ты сумеешь нам помочь. Мы не просим тебя сделать нам одолжение или оказать услугу. У нас другой профессиональный уровень. Мы считаем, что ты сможешь стать отличным редактором. Мы видим в тебе потрясающие задатки.

Барти помолчала, потом сказала:

– Найдется немало молодых людей, которым вы могли бы предложить эту работу.

– Да, возможно. Но почему мы должны заниматься поисками? Почему нам не пригласить ту, кого мы хорошо знаем?

– Потому что, – начала Барти, и ее голос мгновенно наполнился отчаянием, – потому что я не хочу, чтобы вы меня приглашали. Неужели мое мнение в расчет не принимается?

Оливер тоже помолчал, а потом спросил:

– Значит, ты намерена искать работу в других местах?

– Да. Это честно.

– Насколько могу предположить, ты будешь предлагать свои услуги другим издательствам. Думаешь, там не знают, кто ты? Барти, ты же ходила на детские праздники к Макмилланам и Марри, танцевала с мальчишками Блэквудов, обедала у Коллинзов. Неужели ты думаешь, что они примут тебя на общих основаниях, словно ты пришла наниматься с улицы? Нет, Барти, они сделают то же, что и мы с Селией: постараются устроить тебя наилучшим образом, чтобы дать тебе шанс для успешной карьеры. И как по-твоему, это честно?

Барти молчала. Оливер в упор посмотрел на нее:

– Скажи, Барти, а если бы ты действительно никого не знала в издательском мире, в какое издательство ты пришла бы наниматься?

– Ну... так сразу не скажу. Наверное, в «Джонатан Кейп».

– Потому что они печатают Ситуэллов?

– Да. Возможно, пошла бы в «Марри». У них такая... ученая атмосфера. Может, в «Макмиллан». Там любят новшества, да и в коммерческом отношении они преуспевают.

– Очень интересно. Ну а в издательский дом «Литтонс» ты бы направила свои стопы?

– Конечно.

– Думаю, у нас всего понемножку. Мы создали прекрасную основу, издавая поэзию. Нам нет равных по части жизнеописания великих людей, и в этом громадная заслуга Селии. У нас выходят отличные справочники. Добавь к этому серию книг «Меридиан времени» Себастьяна. Они дают нам ощутимую прибыль. А романы из жизни Бьюхананов? Они становятся все популярнее. Достойные конкуренты «Саги о Форсайтах»... Скажи, если бы ты ничего о нас не знала, ты бы стукнулась в нашу дверь в поисках работы?

– Конечно. Но...

– И смотри: при таком разнообразии направлений штат наших сотрудников по-прежнему сравнительно невелик. У тебя есть отличные шансы сделать карьеру. Конечно, если ты пригодна к такой работе. Если мы ошибались и это вообще не твое призвание, то долго ты у нас не удержишься. Никто тебя просто так держать не станет. Поблажек мы не даем никому. Если сомневаешься, поговори с Джайлзом. Ему есть что тебе рассказать.

– Я знаю, но...

– Барти. – Оливер подался вперед. – Прошу тебя, соглашайся. Я хочу, чтобы ты работала в нашем издательстве. Знаю, что это будет обоюдная выгода. Есть еще причины... Я не хочу сейчас в них вдаваться. Селия переживает не самое лучшее время. Она очень мужественная женщина и всегда была такой. Она скорее отрежет себе язык, чем признается в этом, но я-то вижу. И всячески стараюсь ей помочь. А твой приход на работу в «Литтонс» сделал бы ее очень счастливой. Твой отказ она считает неприятием, направленным лично на нее. Я могу понять твои чувства, а вот Селия – нет.

Барти плохо верилось, что так оно и есть. Невзирая на свое высокомерие, Селия была необычайно восприимчивой женщиной. Так Барти думала, однако вслух сказала другое:

– Мне больно слышать, что у Селии такая полоса в жизни. Могу ли я узнать, что именно делает ее несчастной?

– Нет, Барти. Более того, ты не должна ни единым намеком ей это показывать. Наш разговор с тобой строго конфиденциален. Я знаю, что могу тебе доверять.

– Разумеется.

Оливер посмотрел на нее.

– Барти, я редко тебя о чем-либо просил. И как я тебе уже говорил, в данной ситуации ты значишь для меня ничуть не меньше, чем мои собственные дети. Надеюсь, когда тебе требовалась моя поддержка, ты ее всегда получала.

– Да, так оно и было. Даже больше...

– Сейчас я обращаюсь к тебе с просьбой. Я прошу тебя сделать это для меня. Я... не хочу говорить «взамен», поскольку это пахнет эмоциональным шантажом... Лучше сказать «в знак признательности».

Барти снова кивнула, зная, куда он клонит, и зная, что его слова все равно являются эмоциональным шантажом. Но она напомнила себе, что у Оливера есть все права так себя вести.

– Барти, соглашайся на эту работу. Я зову тебя к нам не на всю жизнь, а на какое-то время. Скажем, года на два. За два года ты сделаешь карьеру, проявишь себя, и другие издательства будут только рады принять тебя к себе.

– Вряд ли, – сказала она и снова улыбнулась.

– Поживем – увидим. Так ты исполнишь мою просьбу? Пожалуйста.

Они долго молчали. Оливер ее не торопил. Потом она тихо сказала, словно зная, что такие слова надо произносить тихо:

– Да, Уол. Я выполню вашу просьбу.

– Отлично. Только не думай, что твоя жизнь в издательстве будет легкой. Как я уже говорил, спроси у Джайлза. Никто не делает ему поблажек, поскольку он один из Литтонов.

– Я знаю. Джайлзу достается.

Оливер встал и поцеловал ее:

– Спасибо тебе, Барти. Огромное тебе спасибо.

Она тоже поцеловала его и быстро ушла из кабинета. Ей хотелось плакать. Еще целых два года ощущать себя в долгу, вынужденной без конца твердить слова благодарности. Уол облек это в красивую словесную оболочку, но, по сути, мягко потребовал от нее оказать услугу семье Литтон. Точнее, Селии. А это было нечестно. Очень нечестно.

Глава 4

– У меня сегодня запланирован выход, – заявила Венеция.

Произнесено это было легко, как бы невзначай, между делом. Венеция рылась в ящике своего комода.

– И куда? – спросила Адель, хотя и так прекрасно знала.

– На квартиру к Бою.

– Ну да? Снова картинки?

– Что-то вроде этого. Да... Черт, куда же запропастились мои новые кремовые перчатки? Кожаные. Ты, случайно, не брала?

– Нет, не брала. Венеция, не делай этого. Не самая лучшая твоя затея.

– Что? Куда же делись эти чертовы перчатки?

– Венеция, не надо. Пожалуйста.

– Но почему? Я же знаю, что делаю.

– Знаешь ли?

– Знаю, потому и иду.

– Слушай, будь...

– Разумеется, буду. Я же не абсолютная идиотка.

Венеция посмотрела на сестру. Лицо у нее было красное. Она попыталась рассмеяться.

– Долго не задержусь. Обещаю. Можешь брать машину. Я поеду на такси.

– Не нужна мне машина. А ты абсолютная идиотка.

С этими словами Адель взяла номер «Вога» и принялась листать.

* * *

Венеция никак не ожидала, что сестра будет против ее романа с Боем. Наоборот, она думала, что поделится с Аделью своими ощущениями, волнующими переживаниями и открытиями.

Они и до этого влюблялись, причем не однажды, откровенно рассказывали друг другу, просили совета, поверяли весьма интимные подробности. И всегда это доставляло им лишь удовольствие, а откровенные рассказы лишь усиливали его степень. Между тем близняшки по-прежнему оставались девственницами. Их любовные романы были весьма сдержанными по части практики. Зато теоретически сестры знали очень много, включая и то, как получать удовольствия, сохраняя девственность, и даже то, как ее лишиться. Несколько их подруг уже пересекли великую черту и получили сексуальный опыт, о котором рассказывали кто туманно, а кто с пугающей откровенностью, однако близняшки пока не испытывали желания последовать примеру подруг.

– Если мы по-настоящему захотим, то лишимся невинности, – сказала Венеция, когда они с сестрой коротали вечер в обществе двух особо настойчивых молодых людей. – А до тех пор...

– Абсолютно ни в коем случае, – подхватила Адель, и вопрос был закрыт.

И вот теперь Венеция по-настоящему захотела. С Боем. Более того, заявила, что влюблена в него. Впервые в жизни, точно впервые, раньше с нею такого не было. Адель ощутила настоящий и очень сильный приступ ревности.

* * *

– Я должна это сделать. Понимаешь, должна, – сказала Венеция, вернувшись после долгого свидания с Боем. – Вид у нее был несчастный, а лицо горело.

– Разумеется, ты не должна.

– Должна. Должна, – упрямо повторила Венеция и вдруг заплакала. – Ты не понимаешь. В его присутствии я чувствую себя такой глупой. Такой маленькой и наивной. Он говорит... В общем, он говорит, что в восторге от меня. Но просто не может меня понять. И не хочет.

– Но...

– Я знаю, о чем ты думаешь, но ведь это совсем не так. Что, я не права? В наши-то дни. Сейчас все делают это.

– Ты хочешь сказать, все делают это с Боем, – заявила Адель, – или так он говорит и хочет, чтобы ты в это верила.

Венеция молчала, потом сказала:

– Но я жутко обожаю его. И я готова. Я по-серьезному хочу, и он по-серьезному хочет меня. Так почему бы нет?

Адель ощутила проигрыш. Она вздохнула, потом внимательно, как смотрят взрослые, посмотрела на сестру и наконец подошла и обняла Венецию.

– Я так понимаю, ты на моей стороне? – воспрянула духом Венеция.

– Нет. Но в любом случае... ты хотя бы... ты не...

– Конечно. Я не настолько глупа. Уже назначила свидание. Я серьезно.

– Вот это хорошо. Я могла бы пойти с тобой. Рано или поздно мне тоже придется, я надеюсь... – Адель с заметным усилием улыбнулась и уже другим тоном сказала: – А теперь давай позвоним новобрачным и спросим, не съездят ли они завтра с нами на ланч. Я обещала им позвонить.

* * *

Пандора и Себастьян поженились в начале сентября. Скромную свадьбу праздновали в оксфордском домике Пандоры. Селия и Оливер предложили провести основное торжество в их доме на Чейни-уок, но новобрачная отказалась.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказала она, – любезно и великодушно, но мой дом в Оксфорде, и я хочу праздновать свадьбу в своих стенах.

– Что ж, ваше желание вполне понятно, – ответил Оливер. – Правда, Селия?

Селия поддержала мужа, а потом сдержанно поинтересовалась, почему Пандора не захотела устраивать торжество в доме своей матери.

– Мы бы там не поместились. Он еще меньше моего. Просто хижина. А потом, мы не хотели многолюдья. Узкий, практически семейный круг... Вы Себастьяну почти родственники. Так что мой дом вполне подойдет.

И дом Пандоры действительно вполне подошел для этого скромного торжества. Солнечным сентябрьским днем Пандора и Себастьян стали мужем и женой, зарегистрировав свой брак в Оксфордской мэрии.

– Я вечно забываю, что Себастьян однажды уже был женат. Он совсем не похож на разведенного, – сказала Адель, выразив мнение большинства членов своей семьи.

Стол накрыли прямо в саду. Пир был долгим и обильным. В воздухе пахло осенними розами, а струящийся солнечный свет был таким же золотистым, как шампанское в бокалах. Собрались всего двадцать человек, половину которых составляло семейство Литтон. Обстановка была на редкость непринужденной. Невеста выглядела удивительно красивой в

простом белом креповом платье. Она держала в руках букет лилий, а ее волосы украшали белые розы. Жених, как всегда, был умопомрачительно обаятелен. Он надел темно-серый костюм и кремовую шелковую рубашку и выглядел совсем как иллюстрация к одной из его чудесных книг.

* * *

Оливер произнес изумительную речь. Кит прочитал написанное им стихотворение со странным названием «Свадьба и почему». Несколько взрослых даже прослезились, в том числе его мать и невеста. Сев за пианино Пандоры, Джей Литтон и Гордон Робинсон в четыре руки сыграли «Свадебный марш» Мендельсона, сопроводив музыкой разрезание торта. Лили Литтон, готовившаяся на днях отправиться с Джеком в Голливуд, дала, можно сказать, последний концерт, спев «Mad About the Boy»¹¹. Естественно, ее попросили спеть еще что-нибудь, и Лили исполнила несколько песен из своего последнего шоу.

Мать Пандоры, решившая вдруг целиком нарядиться в белое, – нескольким гостям было не отделаться от мысли, что они видят перед собой диккенсовскую мисс Хэвишем, – тоже пожелала произнести речь и прочла «Мешать соединению двух сердец я не намерен»¹². Чтецом она была неважным, но собравшиеся этого вежливо не заметили.

Селия была в ослепительно красивом голубом платье и сама выглядела на редкость красивой и молодой. Казалось, она искренне наслаждается торжеством. Только Барти заметила: когда Себастьян с некоторой неловкостью произнес тост «За мою прекрасную невесту», ММ потянулась и крепко сжала руку Селии. Но поскольку сама Барти выпила достаточно много шампанского, она не придала особого значения увиденному.

На закате новобрачные сели в машину Себастьяна и поехали в Ирландию – место их медового месяца.

– Это было потрясающе! – заявила возбужденная Венеция. – Джайлз, погнали в Лондон. Надо навестить одного маменькиного сынка.

– Я поеду с вами, – сказал Кит, глаза которого сияли.

– Нет, – пресекла его поползновение Селия. – Ты поедешь со мной и папой.

– Мамуля, это нечестно. Я хочу принять участие в гонке.

– Гонок не будет, – заверил его Джайлз, говоря взрослым, нравоучительным тоном и ненавидя себя за это. – Я не гонщик. И потом, я выпил слишком много шампанского.

– Какие вы все зануды, – поморщилась Адель. – Ладно, сами поедом. Нас ждут на вечеринке.

– На какой еще вечеринке? – спросила Селия.

– Приятель Боя пригласил, – небрежно ответила Венеция. – Мама, не смотри так подозрительно. У этого парня три дома и титул. Всем пока! Приятного времяпрепровождения.

Селия смотрела вслед удаляющемуся маленькому «остину», и к сложным, противоречивым чувствам, пережитым ею за этот день, добавилось беспокойство за дочерей. Она волновалась не столько потому, что они поедут слишком быстро, и не изрядному количеству выпитого ими шампанского. Нет, ее тревожила скрытность, развившаяся у дочерей в последние несколько месяцев, особенно у Венеции. Они внезапно исчезали из дому, так же внезапно возвращались, отделяваясь туманными фразами. Селия прекрасно знала, что означает эта перемена в поведении близняшек. Такими же уловками в юности пользовалась и она сама, чтобы отвлечь внимание старших. В ее случае свобода была ей нужна, чтобы пресле-

¹¹ «Mad About the Boy» – песня, написанная известным английским актером и драматургом Ноэлем Кауардом.

¹² 116-й сонет Шекспира. Русское название дано по переводу Самуила Маршака.

довать и соблазнять Оливера. Надо будет повнимательнее следить за дочерьми. По крайней мере, это отвлечет ее от других проблем.

* * *

– Моя дорогая, я так счастлив быть с тобой.

Кровать в квартире Боя Уорвика поражала своими размерами. Бой откинулся на подушки, посмотрел в глаза Венеции и улыбнулся. Венеция ответила улыбкой. «Постельные дела» наконец-то начали доставлять ей удовольствие. Поначалу она вообще не испытывала никаких приятных ощущений: все было как-то тяжело и даже болезненно. Но сегодня все прошло изумительно. Венеция впервые почувствовала настоящий оргазм, ощутила его мощную радость. Эти судороги, пробегающие по телу и напоминающие приливы и отливы. Это тепло, зарождающееся где-то внутри. Это неистовство, захватывающее все ее существо. Она услышала странный звук: примитивный, больше похожий на крик животного, чем человека. И только потом, когда все кончилось и она, мокрая от пота, лежала в объятиях Боя, Венеция поняла: крик этот вырвался из ее горла.

– И я очень счастлива, – призналась она, наклоняясь и целуя его. – Удивительно счастлива. Я такая везучая, что ты даже не представляешь. Бой, я люблю тебя. По-настоящему. Очень-очень.

Он ответил поцелуем, положив Венецию так, чтобы ее голова покоилась у него на плече. Он пока еще не признался Венеции в любви, но она могла ждать. Ждать весьма долго.

* * *

Надо же так опозориться! По всем статьям. Он не только плохо справляется с текущей работой, сегодня утром на редакторском собрании он выставил себя полным идиотом, предложив издать биографию принца Альберта.

– Джайлз, ты считаешь, что одной нам мало, и предлагаешь выпустить вторую? – спросила мать с ее отвратительной вежливостью и наигранным удивлением.

Он прекрасно знал, чем это обернется для него потом, дома. Ему бы прикусить язык, так нет! Он сделал еще одно идиотское предложение: подумать о переиздании «Хедерлейских хроник». Эта книга принесла «Литтонс» первый настоящий успех. Можно, конечно, спорить, но роман стал предвестником ныне издаваемой саги о семействе Бьюханан.

– Я так не думаю, Джайлз, – вежливо, но без издевки, возразил отец. – Нет смысла переиздавать заметно устаревшую вещь.

– Вот именно, – подхватила Селия. – Думаю, если бы ты потрудился внимательно прочитать «Хроники», даже тебе это стало бы понятно.

Слова «даже тебе» тяжело повисли в воздухе.

Джайлз ощущал себя неудачником не только в издательских делах. Его общение с людьми было ничуть не лучше. В выходные предполагалась загородная вечеринка. Джайлз приглашал трех девушек поехать вместе с ним, и все три отказались. Он даже не рассердился. Зачем им ехать с таким занудой? Танцор он отвратительный, да и игрок в теннис никудышный. Вдобавок он ненавидел ездить верхом, а значит, о его участии в охоте не могло быть и речи.

Вот такой он. Ему почти двадцать четыре года, а он продолжает жить в родительском доме. В издательстве – никакой карьеры, общаться с людьми не умеет и до сих пор... до сих пор девственник! Джайлз еще даже не пытался уложить девушку в постель. Стоило ему об этом подумать, как его охватывала паника. До чего же ужасно оказаться одним из тех парней, кто делал это в свою первую брачную ночь. Конечно, в том, что он по-прежнему

девственник, не было ничего постыдного. Но сейчас, когда интимные отношения заметно упростились, когда все вокруг занимается этим... Взять того же Боя Уорвика. У него были десятки девушек. Но лучше бы Венеция не торопилась войти в их число. Подумав об этом, Джайлз вдруг ощутил странную тревогу. Венеция была не просто очередной подружкой Боя. Но с чего он решил, что Бой посмеет уложить в постель и ее? Конечно же нет. Приличные люди не занимаются подобными вещами с сестрами своих друзей. Они понимают, что это нельзя.

* * *

– Джайлз! – Барти стояла в дверях его кабинета. – Хочешь пойти со мной перекусить?

– Я... с удовольствием, – ответил Джайлз и улыбнулся ей.

Ну что бы он делал без Барти? Он по-прежнему считал ее самой красивой из всех девушек, каких встречал. За эти годы она стала еще красивее, хотя внешне немного изменилась. Длинные волосы до плеч, на лице никакой косметики.

Сегодня Барти была в красном. Она надела длинный красный джемпер и клетчатую темно-синюю юбку. Чем-то это напоминало школьную форму. Юбка была короткой. Барти не чуралась веяний современной моды. У нее были потрясающие ноги. Такие длинные. Одним словом, потрясающие.

Если бы только... Джайлз ненавидел себя за то, что смеет думать об этом, и все же... если бы только она не была столь успешной на своей работе. Когда Барти сообщила ему, что будет работать в издательстве, Джайлз искренне обрадовался. Но потом... Всякий раз, когда она вслух говорила о своей очередной интересной задумке, всякий раз, когда, выслушав ее, мать отвечала: «Барти, да это замечательная мысль», Джайлзу хотелось, чтобы Барти предложила какую-нибудь отчаянную глупость, чтобы на нее обрушилась убийственная вежливость ее матери. Словом, он мечтал, чтобы хоть один раз Барти ткнули носом и указали на ее некомпетентность. Сам он подвергался этой попытке чуть ли не ежедневно.

Джайлз встал, отодвигая рукопись, с которой возился:

– Действительно, пора перекусить. Идем.

* * *

– Хочу поделиться с тобой своим секретом, – сказала Барти, потягивая отвратительную коричневую жидкость, которую в «Лайонс-Корнер-хаусе» имели дерзость называть чаем. – Это потрясающий секрет. Ты сумеешь его сохранить?

– Конечно.

Наверное, мать доверила ей целую книгу для самостоятельного редактирования. А может, даже поручила самой написать книгу. Или...

– Джайлз, да не смотри на меня так хмуро. Я же сказала, секрет потрясающий. Я нашла себе квартиру.

– Квартиру?

– Да. Представляешь, Джайлз, я буду жить в ней одна. Квартира на верхнем этаже, а дом стоит на Рассел-сквер. Район Блумсбери. Правда, романтично?

– Я... полагаю, что да.

– Это гораздо ближе от работы. Я смогу ездить в «Литтонс» на велосипеде. Представляешь, как это приятно. В квартире есть гостиная, спальня и даже кухонька. Я уже практически договорилась с хозяйкой и...

– И когда ты собираешься туда переезжать? – спросил Джайлз, чувствуя, как живот у него наливается свинцовой тяжестью.

– Где-то через месяц. Джайлз, ты только представь: полная независимость... Джайлз, в чем дело? Я думала, ты порадуешься за меня. А у тебя вид совсем не радостный...

* * *

Адель узнала об этом в самом начале. В «Савое» тогда планировалось торжество в честь Марселя Лемуана и его книги «Французские письма», как окрестила роман Венеция, вопя от восторга, что придумала такое удачное название. Близняшки заявили, что обязательно будут присутствовать на торжестве. Адель подбирала себе наряд, примеряя платье за платьем и откладывая в сторону, когда в гостиную вошла Венеция. Взгляд у сестры был какой-то странный. Отсутствующий.

– Доброе утро, сестренка. Как по-твоему, стоит мне надеть это платье? Оно не слишком тошнотворное? – спросила Адель.

– Что?

– Венеция! Ты же знаешь! И надо же, чтобы сегодня, когда мне хотелось чувствовать себя особенно свободной...

– А... да, – отрешенным голосом отозвалась Венеция, стараясь не встречаться с сестрой глазами.

И тогда Адель поняла. Сразу. У них это всегда наступало одновременно. Всегда.

– Венеция, так у тебя...

Венеция молча посмотрела на сестру и опустила глаза.

– Венеция!

– Нет. Еще нет. И что с того? Так и раньше бывало.

– Только один раз, когда ты болела.

– Слушай, давай без драм. Мы на какое время записывались к парикмахеру? Пойду-ка я одеваться. Да перестань ты на меня так смотреть, Адель. Пожалуйста.

– Но...

– Адель, я могу принять ванну? Если мы будем копаться, то опоздаем.

– Венеция...

– Адель, прекрати. Беспокоиться не о чем.

Но это она только говорила.

* * *

Весь день ее одолевало беспокойство. Она беспокоилась, сидя в парикмахерской, пока парикмахер создавал на их головах волнистые узоры. Беспокоилась потом, когда они ели ланч, а ей совершенно не хотелось есть. Беспокойство не оставляло ее ни за туалетным столиком, ни в такси, пока они ехали в «Савой» и она успокаивала сестру, говоря, что та выглядит просто божественно и что Люк Либерман наверняка ее заметит и, возможно, захочет пригласить на обед. Она беспокоилась, переступив порог «Савоя». Отец с гордостью представил их Марселю Лемуану. Она беспокоилась и потом, рассеянно бродя среди гостей, улыбаясь, силясь выглядеть заинтересованной, когда с нею говорили о книге, об издательстве, об отцовской сметке и потрясающем чутье ее прекрасной, талантливой матери. За столом она сидела рядом с Ги Константенем и видела страдания Адели, поскольку место рядом с Люком занимала их мать. Страдания сестры только усилились, когда Люк вначале пригласил танцевать их мать, потом Барти, ее и лишь после этого настал черед Адели. Беспокойство не проходило. Она пыталась беззаботно улыбаться, пыталась не думать об этом, но все равно думала, думала, думала. Может, она напрасно бьет тревогу? Ничего страшного, задержка

всего на каких-то два дня. Это вообще ничего не значит. Но поскольку у Адели уже началось, это значило очень много. Фактически все.

* * *

– Мадемуазель Адель?

– Да. А кто говорит? Ой, Люк! Рада вас слышать. Какой замечательный был вчера прием. Я очень надеюсь, мсье Лемуану понравилось.

– Да, ему понравилось. Что касается меня, все могло бы быть еще лучше.

– У вас какие-то неприятности?

– Видите ли... – Его голос потерял долю обаяния, и там зазвучали нотки раздражения. – Мне хотелось еще раз встретиться с вами. Я надеялся пригласить вас на ланч в узком кругу: вы, я и Марсель. Но так получилось, что нам пришлось побывать в нескольких книжных магазинах. А потом у нас была встреча с мсье Бруком. Увы, дела не позволяют нам задержаться в Лондоне. Мне очень, очень жаль, но я звоню, чтобы попрощаться.

– До свидания, – глухим, не своим голосом сказала Адель.

– Скажите, а вы не собираетесь... более активно работать в издательстве, как мадемуазель Миллер? Очень эрудированная девушка. Я просто в восторге от разговора с нею.

Чертова Барти! Ну почему этой девице всегда везет?

– В общем... В этом есть смысл... Да.

– Отлично... Что ж, au revoir, мадемуазель. Я был необычайно рад снова вас увидеть.

– Au revoir, – промямлила Адель.

Если он был необычайно рад ее снова видеть, почему же тогда сегодня вспомнил о ней лишь в последнюю очередь?

* * *

Люк положил трубку. Его мысли продолжали вращаться вокруг Адели.

Избалованная, взбалмошная, глупенькая. Но интересно было бы наблюдать, как эта Адель вырастет, и помогать ей. Возможно, только не сейчас. Она еще слишком молода. И потом, у него закручивался весьма интересный роман с молодой художницей Колетт де Лиль. Конечно, их отношения не будут иметь счастливый или хотя бы спокойный конец. Но сейчас они забирали у него значительную часть эмоциональной и сексуальной энергии. А Адель можно оставить на потом. Где-то через год, возможно, через два. Конечно, при условии, что за это время она не поторопится выскочить замуж. От нее можно ожидать подобной глупости...

* * *

– Значит, ты нашла квартиру? – сказала Селия. – И хочешь туда переехать?

В ее устах это звучало так, словно Барти намеревалась переселиться в публичный дом.

– Да, тетя Селия. Я нашла квартиру. Прошу вас, позвольте мне съехать.

– Моя дорогая Барти, на это тебе не надо спрашивать моего позволения. Тебе уже больше двадцати одного года, ты сама зарабатываешь себе на жизнь и должна делать то, что хочешь. Если переезд в какую-то квартиру, где ты будешь одна, кажется тебе привлекательнее комфортабельной жизни в нашем доме, где тебе не приходится беспокоиться о мелочах быта, что ж... – Голос Селии дрогнул.

– Да, мне это кажется привлекательнее. Конечно, жить у вас замечательно. Найдется немало причин, чтобы не трогаться с места. Но... если честно, я хочу быть независимой. Хочу чувствовать себя свободной. – Сказав это, Барти допустила ошибку.

– Мне больно слышать, что здесь ты жила в условиях несвободы, испытывая давление.

– Тетя Селия, я этого не говорила. У вас чудесный дом. Мне здесь очень хорошо. Но вы правильно сказали: мне больше двадцати одного года. Думаю, самое время идти по жизни своей дорогой.

– Ну что ж, – ответила Селия, выдавливая улыбку. – Давай попробуй. Кстати, где это... это место, которое ты нашла? Интересно, оно мне знакомо? Вероятно, нет.

Не требовалось обладать особой проницательностью, чтобы увидеть: раздражительность Селии перехлестывала ее обычный уровень. Даже Кит заметил, что она стала «несколько вспыльчивой», а уж он-то просто боготворит мать.

* * *

– Барти собирается переезжать на съемную квартиру, – сказала Селия, придя к матери в дом на Керзон-стрит, где леди Бекенхем проводила все больше времени, особенно зимой. – Ты не находишь, что это дурацкая затея?

– Ничуть. Наоборот, мне нравится ее затея. Девочка хочет быть независимой. У меня это вызывает только восхищение. Тебе следовало бы не упрекать ее, а поддержать. Барти – крепкой породы, как и ее брат. Ты бы видела молодого Билли. Он уже главный конюх, твердо стоит на ногах. Согласись, остальная их родня не поднялась так высоко.

– Ну, этого мы не знаем, – возразила Селия, чувствуя дурацкое желание защищать остальных Миллеров.

– Знаем, еще как знаем. По этой причине родня не желает с ними зняться. Иначе бы они ездили в Эшингем проводить Билли и к вам бы заглядывали, чтобы посидеть с Барти за чаем. Бог с ними. Главное, что брат и сестра стоят друг друга. Они в жизни не пропадут. Умница Барти. Мне очень нравится ее решение.

– Я буду по ней скучать, – призналась Селия.

– Конечно будешь, – ответила леди Бекенхем, глядя на дочь. – Но можешь удовлетворяться хотя бы сознанием того, что поступила правильно. Бекенхем неважно себя чувствует, – добавила она, словно это было логическим продолжением их разговора.

– Неужели? Что с отцом?

– Давление подскочило. Делает все то, чего делать нельзя. Слишком много ест и пьет и ленится выполнять упражнения. А все началось с прошлого года, когда он сломал руку и доктор запретил ему охотиться. Он и впрямь теперь неважно стреляет. Того и гляди, в кого-нибудь попадет. Вот и развлекается тем, что иногда ловит рыбу, а так целыми днями сидит в библиотеке и строчит письма в «Таймс».

Как ни удивительно, но письма в «Таймс» сделались для лорда Бекенхема настоящей страстью. Он всегда писал только на одну из трех тем: отмена обязательного подоходного налога и введение более гуманной формы налогообложения, непрекращающаяся угроза со стороны немцев и, что весьма неожиданно, необходимость запрета смертной казни.

– Бедный папа. Может, нам стоит собрать его письма и опубликовать? Как ты думаешь, он оставляет себе копии?

– Естественно. Каждое письмо он пишет в трех экземплярах. Один отправляет, второй убирает в свой архив, а третий отдает мне. Я их, естественно, выбрасываю.

– Попроси его собрать все письма и отослать мне. Это же часть истории общества. Мы вполне могли бы поместить их в серии «Биографика».

– Думаю, это его растормошит.

– Мне пора домой. – Селия встала. – Венеция себя неважно чувствует. Кит мне рассказал. Ее несколько раз тошнило.

– Надеюсь, она не забеременела, – сказала графиня. – Насколько знаю, это единственная причина тошноты у девиц. Во всяком случае, у моих служанок это было так.

Селия посмотрела на мать и вдруг сама ощутила приступ тошноты.

– Скажешь ты, мама. Я не думаю, что...

– Селия! – перебила ее мать. – Уж кому-кому, а тебе в этой ситуации никак нельзя быть наивной.

Глава 5

– У них родился мальчик! – воскликнула Мод. – Как это здорово! Замечательно! Я так рада. А что еще они пишут?

– Так. Сейчас посмотрим. – Роберт взглянул на бланк телеграммы. – Ребенка назвали Генри. Вес семь футов. Мать и малыш чувствуют себя хорошо.

– Генри! Это очень... английское имя, правда?

– Наверное. – Роберт улыбнулся дочери. – А что ты ожидала?

– Совсем ничего. Мы... мы оказались правы. Я про нас с Джейми. И в том, что они поженятся. И насчет беременности Венеции.

– Ну, мы не знаем наверняка...

– Папа, тут и так ясно. Такие девушки, как Венеция, не тратят время на помолвку, а выходят замуж внезапно. И смотри: малыш Генри родился меньше чем через шесть месяцев после их свадьбы.

– Он... Возможно, это были преждевременные роды. – Роберт ощущал некоторую неловкость, говоря с дочерью на такие темы.

– Здесь я с тобой согласна. Учитывая вес семь фунтов. Впрочем, так ли уж это теперь важно? Уверена: Венеция просто сама не своя от счастья. Я ей немедленно напишу поздравительное письмо и сообщу, что мы все приедем к ним в гости, как только позволят обстоятельства. Ты же хочешь увидеть малыша? Как-никак, это твой первый внучатый племянник!

* * *

Мод поднялась в свою маленькую комнату и уселась писать письмо Венеции. Сейчас они с отцом жили на Лонг-Айленде, в Монтоке. Мод часто говорила, что это самое лучшее место в целом мире. Здешний дом отец построил сам, как и их особняк на Саттон-плейс. Тот дом она тоже любила, но «Овервью» стоял на дюнах, над берегом, что особенно было дорого ее сердцу. Мод любила море. Ей нравилось просто находиться рядом с водой. Ей нравилось нюхать соленый ветер и слушать шум волн. Здесь этот звук был фоном для всех других звуков. Они с отцом часто вместе плавали под парусом и катались вдоль берега. Уик-энд в Нью-Йорке, особенно летом, представлялся Мод бездарной тратой времени.

* * *

– Мод пишет, что они собираются к нам. Правда, замечательно?

Адель послушно улыбнулась сестре и сказала, что это и в самом деле замечательно. Слова в превосходной степени не очень вязались с ее нынешним состоянием. Она пребывала в странном настроении, не то чтобы в подавленном, но все было каким-то тусклым и унылым. Внезапное замужество сестры и погружение в материнство всколыхнули Адель, вызвав у нее не только ревность, но и странное чувство опустошенности. Она ничего не имела против Боя Уорвика, поскольку знала, что он по-прежнему занимает первое место в жизни и сердце Венеции. Однако с рождением Генри все вдруг изменилось. Когда на следующий день Адель пришла навестить сестру, Венеция сказала ей очень четко и почти жестоко: теперь есть некто, кого она любит больше, чем Адель.

– Что-то изменилось, – сказала Венеция, лежа среди подушек – свидетельниц ее крещения болью родовых схваток. – Ты должна знать. Я обязана тебе это сказать, потому что

это важно. Понимаешь, мне кажется, что Генри для меня – главная забота. Он важнее, чем кто-либо другой. Даже... даже...

– Я?

– Да. Даже ты, – кивнула Венеция.

– Понимаю. Это вполне нормальные материнские чувства, – почти с официальной вежливостью ответила Адель.

Но это вовсе не было нормальным. Вернувшись домой, она долго рыдала от горя, чувства потери и еще какого-то чувства, близкого к страху. Адель ощущала, что ее жизнь лишилась центра. У нее словно вырвали сердце.

Какое-то время она мечтала о Люке Либермане. Мечты были глупыми, как у школьницы. Адель вспоминала неожиданно сильные чувства, которые он в ней пробудил, и даже представляла, будто он в нее влюблен. Однако через несколько месяцев отец поехал по делам в Париж и, рассказывая о литературной вечеринке, сказал, что встретил там Люка Либермана с какой-то женщиной, явно его любовницей. Адель это задело и рассердило, ужасно рассердило. Она заставила себя выкинуть Люка из головы.

Ей отчаянно требовалось если не замужество, то что-то еще. Какой-то статус, самостоятельная жизнь. Но что именно? Этого она не знала.

Очевидным и, казалось бы, неизбежным решением была работа в родительском издательстве, однако Адель не горела желанием туда идти. Она совершенно не интересовалась ни книгами, ни процессом их создания. Дни проходили, похожие один на другой: скучные, одинокие, скрашиваемые лишь магазинами и сплетнями. Адель все чаще спрашивала себя, что же из нее получится.

* * *

– Что случилось? – спросила Венеция.

Теперь они поменялись ролями. Венеция всерьез беспокоилась за Адель.

– Что случилось? Ничего особенного. С чего ты взяла?

– Делл, я же вижу, в каком ты состоянии. Давай рассказывай.

– Я... я не знаю. Мне немного...

– Одиноко? – Темные глаза Венеции смотрели на нее задумчиво и с нежностью. – Мне очень жаль, Адель. Очень жаль.

– Не глупи. – Адель вовсе не хотелось становиться предметом жалости или плакаться сестре на свою судьбу. – Со мной все в полном порядке. Мне просто скучно. Конечно, будь я замужем, нашлось бы много занятий. Но я не могу выйти замуж за первого встречного. Словом, мне хочется чем-нибудь заниматься. Вот только никак не придумаю чем.

– Что, никаких мыслей?

– Абсолютно никаких.

– Да. Мне бы тоже стало тошно. Давай подумаем. – Венеция погладила Генри по пушистой головке, улыбнулась сыну и не без усилий вновь обратила внимание на сестру. – Ведь есть столько разных занятий.

– Не знаю, о каких ты говоришь, – сказала Адель. – Мне они не попадались.

– Значит, попадутся. Ты могла бы заниматься украшением помещений, как...

– Как леди Коулфлекс? Думаю, что могла бы...

– Она говорит, что получает огромное удовольствие. Потом, ты могла бы делать искусственные цветы, как Кэтрин Манн.

– Она выходит замуж за...

– Знаю. Только подумай: Кэтрин будет маркизой.

– Давай не будем говорить о чужих браках, – с заметным раздражением попросила Адель.

– Ты начала.

– Знаю. И все равно.

– Кстати, Констанс Спрай тоже делает цветы. Думаю, у тебя это будет здорово получаться.

Адель посмотрела на сестру и улыбнулась:

– Если у меня появится такое занятие, мама сильно разозлится.

– Знаю. Нашу маму теперь почти все сердит.

– Еще бы. Острый приступ болезни под названием «бартиит». И все-таки у тебя идей больше, чем у меня. Спасибо. – Адель встала и поцеловала сестру. – Мне надо идти. Я записана к потрясающему парикмахеру.

* * *

Это долго не продлится. Это просто не могло продлиться долго. Здравый смысл решительно возражал против такого положения дел. Однако это длилось и могло длиться еще очень долго. Немыслимый взлет акций на фондовой бирже продолжался уже не первый день и даже не первую неделю. В нынешнем году Уолл-стрит не грозило летнее затишье. В июне акции промышленных предприятий поднялись на 52 пункта, в июле – еще на 25. На фондовой бирже Уолл-стрит ежедневно продавалось от четырех до пяти миллионов акций. Новые акции поступали туда почти ежечасно.

Лоренс Эллиотт сидел у себя в кабинете в красивом здании банка «Эллиоттс». Утро, как обычно, выдалось удушливо жарким. Он размышлял о том, что американцы, можно сказать живущие у Бога за пазухой, в стране невиданной свободы и возможностей, с недавних пор приобрели еще одно, более опасное верование. Они поверили в свое неотъемлемое право на вечное, всевозрастающее процветание.

Даже такая крупная фигура, как Митчелл, председатель «Нэйшнл сити бэнк», человек, отличавшийся невозмутимостью, несколько раз срывался на тех, кто позволял себе усомниться в росте брокерских ссуд, что было наиболее частой причиной опасений. Эти ссуды ежемесячно возрастали на 400 миллионов долларов.

Лоренс не сомневался: его отец осторожничал бы и сейчас, не торопясь раздавать поручительства. Можно, конечно, считать это ошибкой, но его отец отличался поразительным хладнокровием. Он сумел пережить крупный кризис 1907 года, войдя в соглашение с банком «Дж. П. Морган» и рядом других банков. Отец тогда вливал деньги в фондовую биржу и убеждал своих клиентов не трогать вклады и не поддаваться общей панике. А ведь в те дни многие торопились забрать свои деньги из банков. Джонатан Эллиотт и по сей день оставался легендой Уолл-стрит, спустя двадцать лет после смерти. Он был прозорливее, мужественнее многих и отличался более масштабным мышлением, чем кто-либо из его современников. Все говорили: будь он жив сейчас, для него не существовало бы пределов возможного. Отца сразил рак, когда он находился на вершине своего могущества.

Лоренс был в этом мире один как перст. Он безжалостно, без чьих-либо подстрекательств, порвал не только с родным братом, но и с отчимом и сводной сестрой. Он развил в себе неистовые профессиональные амбиции. Он работал как одержимый. Успех и признание этого успеха другими стали главной его заботой. Видеть, как банк «Эллиоттс» достигает все новых и новых высот на финансовом небосклоне, а он сам неуклонно становится все богаче, читать и слышать, как его называют одним из самых блистательных умов Уолл-стрит... все это заменяло ему семью, дружбу и любовь.

В свои тридцать три года Лоренс оставался холостым. Он отвергал любые попытки втянуть его в разные благотворительные комитеты, противился вхождению в круги деятелей культуры и неизменно говорил матерям девиц на выданье, что намерен оставаться холостым до сорока лет, «а возможно, и дольше».

Нельзя сказать, чтобы он совсем сторонился женщин. Лоренс заводил романы с умными замужними женщинами, которым наскучили мужья, но не настолько, чтобы их бросить. У него было несколько таких романов, и они целиком его удовлетворяли. Он часто слышал мнение, которое принял к сведению: замужние женщины в постели лучше, нежели их одинокие сестры. Такие женщины менее требовательны в эмоциональном плане, отнимают меньше времени и создают меньше проблем.

– Даже не надо особо тратиться на подарки, – сказал он в один из редких моментов сильного подпития. Лоренс Эллиотт любил всегда сохранять полный контроль над собой. – Драгоценности вызовут подозрение у их мужей. Всякие безделушки вроде портсигаров – тоже. Они даже не решатся принести домой подаренные цветы. Единственно, что они берут без опаски, – это подаренное тобой нижнее белье.

Против таких подарков он не возражал.

Время от времени Лоренс задавался вопросом: может, он вообще не способен на проявление чувств, и если да, сильно ли это его огорчает? Подумав, он приходил к выводу, что это не вызывает у него никаких огорчений. Единственной любовью, которую он испытал, была любовь к родителям, главным образом – к матери. И эта любовь обернулась для него полным поражением. Лоренс более не желал рисковать своим сердцем. И до тех пор, пока он не встретит идеальную женщину, а он все сильнее убеждался, что такой женщины не существует, он не собирается даже пытаться приоткрыть кому-либо свое сердце.

* * *

После ухода Адели Венеция позвонила в колокольчик и велела няньке положить Генри в коляску и вывезти на воздух.

– Сегодня чудный день. Малышу будет полезно подышать.

Она до сих пор чувствовала себя очень усталой; усталой и шокированной. Роды явились для нее физиологической и психологической встряской. Венеция удивлялась произошедшим с ней переменам. Сильнее всего ее шокировала мгновенно возникшая глубочайшая привязанность к Генри, оттеснившая прежнюю близость с сестрой.

Венеция по-прежнему любила Адель, любила намного сильнее, чем кого-либо, за исключением Генри. И это исключение не переставало ее изумлять. Всю свою жизнь Венеция ощущала себя частью Адели, а Адель – частью себя. Даже ее интимные отношения с Боем не дарили ей таких ощущений. И после того как они поженились, Венеция постоянно думала об Адели, чувствовала все, что делала сестра или что с нею происходило.

Возвращение в Лондон после медового месяца не внесло особых изменений в жизнь Венеции. Они с сестрой все так же ходили по магазинам, болтали и смеялись. Нередко, если они с Боем оставались дома, Адель приезжала к ним и просиживала допоздна. Сестра поддерживала ее все последние месяцы беременности, была рядом с нею почти до самых родов. Адель держала ее за руку, успокаивала, ободряла, обтирала ей губкой лицо и тело.

Венеция отказалась от помощи матери. Ей во всем помогала Адель. Никогда еще сестры не были так близки. А потом, когда это странное состояние, называемое родами, завершилось и Генри появился на свет, когда она взяла сына на руки и посмотрела на него... вся иная любовь, все прочие чувства вдруг перестали для нее существовать, словно их никогда и не было.

Еще одним шоком для Венеции стало поведение Боя и его отношение к ней. Она довольно быстро узнала, что чувство, испытываемое к ней мужем, было отнюдь не любовью (в ее понимании). Бой восхищался ею. Он находил Венецию приятной спутницей, очаровательной помощницей, умелой хозяйкой на званых обедах. Бой постоянно говорил, что рад своей женитьбе на ней. Однако глубже его чувства не распространялись. Всю беременность Венеции Бой был ласков с нею, но она чувствовала, как он отдаляется. Он был сексуально деликатен и нежен. Тем не менее он часто отсутствовал не только дома, но и в супружеской постели.

Венеция боялась, что наскучила Бою. Он ведь был таким потрясающе умным. Когда Бой затевал интеллектуальный спор с ее родителями, она едва понимала, о чем речь. Венеция взялась за расширение своего кругозора. Впервые в жизни она стала внимательно читать газеты, однако ее успехи были более чем скромными. Бой вечерами по-прежнему куда-то исчезал и зачастую возвращался очень поздно. Не будь рядом Адели, она была бы от одиночества.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Венеция совсем скучала. Управление большим домом на Беркли-сквер отнимало на удивление много времени. Венеции было неловко распекасть и поучать слуг, большинство которых годились ей в отцы и матери. Бой не раз критиковал ее усилия. Венеция не сдавалась и в какой-то момент все же решила обратиться за помощью к матери. Только сейчас она осознала, как замечательно ее мать управляется с домом. Прежнее недовольство матерью сменилось почтением, не сразу, конечно, и это помогло, тоже не сразу, сомкнуть края громадной пропасти, начавшей появляться незадолго до замужества Венеции. А после того как она стала женой Боя, пропасть между нею и матерью достигла огромных размеров.

* * *

Венеция никогда не забудет тот ужасный вечер, когда мать вернулась от бабушки. Селия будто забыла все правила приличия, которым учила детей. Войдя без предупреждения в спальню, где дочь лежала лицом вниз, сражаясь с очередным приступом тошноты, она резким тоном спросила Венецию:

– Ты что, беременна? Только не лги мне, Венеция, это совершенно бесполезно.

Узнав правду и поставив в известность Оливера, Селия ошеломила Венецию, а заодно и Адель, сказав, что о замужестве не может быть и речи.

– Мы прервем эту беременность. Я знаю прекрасного врача. Процедура эта совершенно безопасна, ты пройдешь через нее, и все неприятности останутся позади.

Венеция стала возражать. Она вовсе не хотела делать аборт и даже не думала прерывать беременность.

– Я против. Уверена, и Бой тоже. Если он узнает, что я жду ребенка, он обязательно захочет на мне жениться. Я это знаю.

– Вот что, Венеция, – возразила Селия, – я очень сомневаюсь, что Бой захочет на тебе жениться. Он тебя не любит, но гораздо важнее, что и ты его не любишь. Ты можешь вообразить, будто любишь этого человека, но смею тебя уверить, нет, не любишь. Ты пока даже не представляешь, что такое настоящая любовь.

Венеция упрямилась, говорила, что все равно выйдет за Боя, если захочет, и мать не сможет ее остановить.

– Дорогая, поскольку, к твоему великому сожалению, тебе лишь немногим больше восемнадцати, у меня покамест есть все права распоряжаться твоей жизнью.

Далее последовала отвратительная словесная баталия, в течение которой Оливер оставался лишь молчаливым наблюдателем, что вызывало недовольство обеих сражающихся

сторон. Кончилось тем, что Венеция позвонила Бою и упавшим голосом попросила приехать к ним домой.

– Я должна тебе сообщить ужасно важную вещь.

Бой, конечно же, сразу сообразил, какую «ужасно важную вещь» услышит от Венеции. Он приехал и шокировал Венецию до глубины души, встав на сторону ее матери, хотя напрямую об этом не было сказано ни слова. Бой в самых осторожных выражениях заявил, что беременность было бы лучше прервать, дав им с Венецией «возможность получше узнать друг друга».

– Дорогая, я люблю тебя, – говорил он, нежно вытирая ей обильно льющиеся слезы. – Поверь, это было бы здорово, если бы мы поженились. Естественно, я много думал о том, насколько счастливой была бы наша совместная жизнь. Но неужели мы должны ее начинать с торопливой свадьбы, подгоняемой твоей беременностью? Речь даже не обо мне. Для меня жениться – самое время. Но хорош бы я был, если бы не думал о тебе. Ты ведь еще так молода, ты заслуживаешь чуть больше времени, чтобы свободно наслаждаться жизнью, прежде чем на твои плечи ляжет груз ответственности за семью. В чем-то я согласен с твоей матерью: в ближайшем будущем тебе стоит проявить немного дипломатии.

Потрясенная его словами, Венеция на время потеряла дар речи, а когда вновь его обрела, велела Бою убираться прочь. Остаток вечера и ночь она рыдала в объятиях Адели. На следующее утро к ней снова заглянул отец, бледный, изможденный, он спросил дочь, чего же та хочет.

– Мне невыносимо видеть тебя страдающей. Это разрывает мне сердце, – признался он.

Венеция сказала, что она действительно хочет выйти замуж за Боя.

– Уверена, и он тоже хочет на мне жениться. Мама вчера просто навалила на него. Она и раньше так делала, когда Бой бывал у нас. Ты же знаешь, она всегда добивается, чтобы было так, как надо ей. Я не могу согласиться на этот ужасный шаг. Не могу. Ну как я позволю убить моего малыша, вырвать его из меня? Если вы будете меня принуждать, я лучше убью себя.

Оливер молчал. Почувствовав, что отец наполовину принял ее сторону, Венеция бросилась ему в объятия, глядя на него своими большими умоляющими глазами, в которых так выразительно блестели слезы.

– Папочка, ну пожалуйста. Ты же умеешь повлиять на нее. Ты единственный человек, которого слушает и она, и Бой. Прошу тебя, сделай все, что в твоих силах.

Оливер ласково погладил дочь по голове и сказал, что постарается ей помочь, а ей самой сейчас нужно попытаться успокоиться и уснуть. Он ушел, оставив Венецию на попечение Адели. Естественно, Адель на цыпочках двинулась следом. Вернувшись, она сообщила, что у родителей состоялся разговор на повышенных тонах.

– Они громко кричали, но я не могла разобрать ни слова. И потом, я слишком боялась задерживаться возле их двери.

Оливеру не удалось разубедить Селию. Прошло два дня, два жутких дня, полных слез, взаимных обвинений и упреков. С каждым часом Селия делалась все неумолимее, а Оливер впадал все в большее отчаяние. Бой вообще не показывался.

На третий день к внукам неожиданно приехала леди Бекенхем.

– Ваша мать не знает, что я здесь, – сказала она. – Но я волнуюсь за Венецию. Ах ты, глупая девчонка. Боюсь, мы так и не усваиваем уроки, – вдруг добавила она.

– Кто это мы? – спросила Венеция, вытирая нос.

Свою бабушку она очень любила.

– Мы, женщины. Поколение за поколением, мы упрямо делаем одни и те же ошибки. Полагаю, мужчины – тоже, но расплачиваться-то приходится женщинам. А теперь скажи, чего ты хочешь? – спросила Венецию леди Бекенхем.

– Я хочу выйти замуж. Естественно, за Боя. И он хочет на мне жениться. Он так и сказал, – добавила она, отредактировав правду столь умело, что сотрудники отцовского издательства ей всерьез позавидовали бы.

Леди Бекенхем посмотрела на внучку:

– Я очень сомневаюсь, что он способен стать тебе достойным мужем. Его отец – сплошной позор, да и мать не лучше. Они люди без традиций. Одним словом, нувориши.

– Я знаю, но мне плевать и на традиции, и на то, что они нувориши.

– Напрасно. На подобные вещи всегда следует обращать самое пристальное внимание. Это очень важно. Вероятно, потому твоя мать и противится этому браку.

– Нет, – возразила Венеция. – Она говорит, что я еще слишком молода и сама не знаю, что делаю. Она считает, что Бой не годится мне в мужья.

Леди Бекенхем посмотрела на нее и вдруг громко расхохоталась:

– Ну и ну! Мило, должна вам сказать. Очень мило. Особенно когда это говорит ваша мать. Боже мой, надо же!

– Бабушка, ты о чем? – спросила Венеция.

– Когда-нибудь сама поймешь. Обязательно поймешь. А сейчас, Венеция, я не знаю, что и думать обо всем этом. И что лучше в твоём положении, тоже не знаю. Пожалуй, мне стоило бы самой переговорить с молодым Уорвиком.

– Пожалуйста, не делай этого, – попросила встревоженная Венеция.

– А чего мне бояться? Я знаю этого Боя едва ли не с рождения. И его отца знаю. Отвратительный человек. Думаю, тебе известно, что титул он себе купил. А вся эта чепуха о «службе своей стране» – просто цветистая ложь. Он больше служил государственной казне, откуда ловко подворовывал. Одно время он регулярно играл с Бекенхемом в карты. Постоянно жульничал, а потом еще и увиливал от уплаты карточных долгов. Пытался обставить старину Берти Данрейвена на пару тысяч фунтов, а для того это целое состояние. Но честь за деньги не купишь. Правда, об этом мало кто знает. – Леди Бекенхем наклонилась и поцеловала Венецию. – А теперь постарайся хотя бы немного поспать. Ты ужасно выглядишь. Адель, сделай сестре горячего молока.

Когда бабушка удалилась, Адель вопросительно поглядела на Венецию:

– О чем она говорила?

– Ты про что?

– Ты же знаешь: про то, что пойти характером в маму – это настоящее богатство.

– Ничего я не знаю, – вяло ответила Венеция. – Слушай, меня сейчас опять начнет тошнить. Адель, не надо никакого молока. Принеси воды.

Адель принесла кувшин ледяной воды, налила сестре стакан. Выйдя в коридор, чтобы вернуть кувшин на кухню, она вдруг остановилась и задумчиво посмотрела на дверь материнского кабинета. Затем, глотнув воздуха, открыла дверь и вошла.

Через десять минут Адель вернулась в их гостиную.

– Венеция, ты не поверишь. Честное слово, ты просто не поверишь.

Венеция бросила на нее усталый взгляд:

– Что у тебя в руках?

Адель держала в руках большой конверт из плотной пергаментной бумаги. Услышав вопрос сестры, она извлекла из конверта какие-то документы.

– Взгляни-ка на эти бумажки. И подумай о бабушкиных словах. Это брачное свидетельство наших родителей. Видишь дату? А теперь смотри сюда. Это свидетельство о рождении Джайлза. Он родился через шесть месяцев после того, как они поженились. Что ты думаешь об этом?

Венеция посмотрела на сестру, и у нее впервые за эти дни порозовели щеки.

– Так, – только и сказала она. – Подождем, пока она вернется домой. Это все, что я могу сказать.

* * *

Через три дня «Таймс» и «Телеграф» объявили о предстоящей свадьбе Венеции, дочери леди Селии и мистера Оливера Литтона, и мистера Чарльза Генри Уорвика, старшего сына сэра Реджинальда Уорвика.

* * *

«А вдруг мать была права и мне не следовало выходить за Боя замуж?» – с грустью думала Венеция. Где-то глубоко внутри у нее стал появляться страх, что мать действительно была права. После рождения Генри отлучки Боя из дома лишь участились. Нет, он был очень рад рождению сына и несколько раз в день навещал малыша и Венецию. Именно навещал. Венеция ощущала эти появления мужа как визиты. Пробыв с нею и ребенком непродолжительное время, Бой исчезал надолго, причем не только из детской, но и из дома.

Венеция пыталась упрекать его, но он отделивался учтивыми туманными фразами, только злившими ее. Бой утверждал, что хочет дать ей время окончательно прийти в себя после родов. Его слова вызывали у Венеции досаду и даже злость, однако это никак не отражалось на гладком, улыбающемся лице Боя. Венеция чувствовала себя несчастной и покинутой, и такое состояние оставляло ее лишь на короткое время. Она все еще была слишком слаба, чтобы вернуться во внешний мир, начать куда-либо выходить и выезжать, развлекаться и устраивать жизнь, которую она надеялась устраивать вместе с Боем. Адель вновь стала ее единственной спутницей.

Да, Адель, которой она нанесла такую душевную рану и которая так мужественно и великодушно простила сестру. Потом мысли Венеции переместились на Генри – ее новую любовь: очаровательное создание с темными волосиками, темными глазами и робкой улыбкой. Малыш еще только учился улыбаться и теперь, сидя у нее на руках, улыбался все чаще. У Венеции потеплело на сердце. Какие бы чувства Бой ни испытывал к ней, какой бы несчастной и одинокой ни была сейчас Адель, все это отступало на задний план перед мыслью, что у нее есть Генри. С ним Венеция забывала обо всем.

* * *

– Грядут трудные времена. Я не шучу: они не за горами. Все ближе и ближе, – сказал Дадли Карлайл по прозвищу Дюк, откидываясь на спинку стула и глядя на Лоренса.

Они обедали в Йельском клубе – этом оплоте традиций и привилегий, находящемся невдалеке от Центрального вокзала. Дюк весьма восхищался Лоренсом. Сам он был на двадцать лет старше и успел в третий раз жениться. Карлайл был биржевым маклером и стремительно богател. Его состояние уже достигало кругленькой суммы. С Лоренсом он познакомился все на той же Уолл-стрит и вскоре пригласил на прием по случаю недавно купленного им особняка на Пятой авеню, который находился в нескольких сотнях ярдов от дома Эллиотта, где тот жил в неменьшей роскоши, но один. Аристократические манеры Дюка и вашингтонский акцент, присущий потомственным богачам, надежно скрывали безмерную алчность и безжалостность, которые скорее подошли бы какому-нибудь другу Аль

Капоне¹³, чем члену Ист-Хэмптонского гольф-клуба. Его нынешняя жена Лейла – холодная блондинка – всерьез увлеклась Лоренсом и зашла так далеко, что призналась ему в этом. Но Лоренсу были дороже хорошие отношения с Дюком, и он тоже с достаточной откровенностью заявил Лайле, что она его не интересуется.

– Вы хотите сказать, что это больше чем рецессия? – спросил Лоренс.

– Да, именно это я и хочу сказать. Надвигается кризис, причем значительный. Он неминуем. Температура в финансовых котлах достигла опасной точки. Вчера вечером я обедал с издателем «Коммершел энд файненшел кроникл». Он говорил, что Уолл-стрит потеряла рассудок.

– Интересно. И что бы вы посоветовали мне в этой ситуации? – спросил Лоренс.

– Естественно, продавать. Но спокойно, день за днем. Зачем создавать панику? Конечно, могут настать времена, – Дюк посмотрел на Лоренса, – когда нужно будет продавать, причем быстро.

– Вы серьезно? Знаете, я уже начал думать об этом. Я также подумал... Мне интересно, как бы вы отнеслись к тому, что кто-то движется, скажем, чуть впереди общей финансовой тенденции? Это важно, когда начинается обвал. Предлагаешь купить определенные акции от определенных клиентов по хорошей цене. По сути, оказываешь людям услугу, спасая их от серьезных трудностей.

Дюк Карлайл пристально поглядел на Лоренса, потом улыбнулся:

– И при этом вы временно поддерживаете эти акции, верно? Повышаете их цену, превосходя ваши собственные прогнозы? Так, чтобы окончательная цена была бы – к легкой досаде вашего клиента – выше той, что вы заплатили ему?

– Совершенно верно.

– Очень умная стратегия. Да позволено мне будет сказать, что вы достойный продолжатель дела вашего отца и деда.

– Благодарю вас.

– И выводите, Лоренс, ваши собственные денежки из страны. Причем быстро.

– Я это почти уже сделал.

* * *

Барти думала, что еще никогда не была так счастлива. Любимая работа, желанная независимость, своя крыша над головой, а теперь еще и подруга, которая появилась у нее в Лондоне. Настоящая подруга, ее ровесница, ничего общего не имеющая с миром Литтонов. Барти видела в ней почти что своего двойника. Эту девушку звали Абигейл Кларенс. Она тоже жила на Рассел-сквер, по соседству. Барти познакомилась с ней случайно, задев своим велосипедом ее велосипед, когда они обе возвращались с работы. Абби была необычайно умна и своеобразно красива. Ее прямые темно-каштановые волосы были подстрижены в стиле Доры Каррингтон¹⁴.

– Вообще-то, я делала прическу под Кристофера Робина¹⁵, – призналась она Барти.

У Абигейл были огромные зеленые глаза, нос с заметной горбинкой, который великопно сочетался с высокими скулами и острым подбородком. Рот у нее был очень широкий, и, когда она смеялась, Барти любовалась ее удивительно ровными, красивыми зубами. Абигейл была атлетически сложена и почти все выходные проводила за рулем велосипеда, исследуя соседние графства.

¹³ Аль Капоне (1899–1947) – знаменитый американский гангстер эпохи «сухого закона».

¹⁴ Дора Каррингтон (1893–1932) – английская художница и феминистка.

¹⁵ Кристофер Робин – мальчик, герой произведения А. А. Милна, автора историй про Винни-Пуха.

Эта девушка обладала потрясающей духовной свободой, являясь едва ли не самой свободной из всех, с кем Барти доводилось встречаться на жизненном пути. Ум Абигейл бы абсолютно лишен каких-либо предрассудков: классовых, интеллектуальных и даже расовых.

Помимо этого, Абигейл была горячей защитницей сексуальной свободы.

– Если бы все спали с теми, с кем им хочется, это освободило бы женщин от тирании брака и, вероятно, благотворно повлияло бы и на сам брак. И потом, такая свобода имеет больше сторон, нежели только секс. Не испытывая сексуальных ограничений, люди уделяли бы внимание другим, более важным вещам. Женщины ведь не поднимают шум из-за того, что их мужья не всегда едят дома. Почему бы и к сексу не относиться так же?

Барти чувствовала, что это в высшей степени умозрительная теория, неприменимая на практике, однако промолчала.

Абби была дочерью двух фабианцев¹⁶.

– И пусть тебе не врут, будто фабианцы – настоящие социалисты. Нет, Барти, ничего подобного. Они одержимы классовыми предрассудками. Все они.

Это откровение заставило Барти поведать новой подруге свою историю. А подзадоривать Абигейл умела. Ее зеленые глаза горели от предвкушения.

– Представляешь, они ничего не знают о самой известной фабианке – Мод Пембер Ривз¹⁷... Давай, Барти, рассказывай. Я же чувствую: тебе есть о чем рассказать.

И неохотно, со знакомым чувством страха, ни разу не встретившись глазами с Абби, Барти поведала ей свою историю. Выслушав повествование, Абигейл порывисто обняла ее.

– Даже не верится, – сказала Абигейл. – Ты прошла через весь этот ужас и осталась такой... такой нормальной. Эта злодейка, прикинувшаяся добренькой тетей, практически выкрала тебя у родной матери.

– Она не злодейка, – возразила Барти. – Она сделала это с лучшими намерениями.

– Они все делают что-то с лучшими намерениями. И все равно она сотворила зло. Представляю, сколько ужасов ты пережила. Но рассказ замечательный. Честное слово, подруга. Замечательный.

Барти вдруг ощутила безотчетную потребность защитить Селию.

– Она была... очень, очень добра ко мне. Моя мать ее обожала. И тетя Селия...

– Так ты действительно звала ее тетей?

– Да, а что? Думай как хочешь, но тетя Селия во многом помогала моей матери: оплачивала расходы на врачей, лекарства и прочее. Особенно в конце, когда мама была совсем больна. Я могла беспрепятственно навещать маму.

– Боже, какая доброта, – произнесла Абби, в голосе которой звенела злость.

– Да, они были очень добры, – повторила Барти. – И если бы леди Бекенхем – мать тети Селии – не позаботилась о моем брате Билли, не дала бы ему работу в конюшне... Не смотри на меня так. Если бы этого не случилось, мой брат сейчас сидел бы на грязной подстилке и просил бы милостыню, подобно другим несчастным калекам, вернувшимся домой без рук или ног. И Уола я люблю – я так называю мистера Литтона. Он был исключительно добр ко мне. Так что не суди их слишком строго.

– Я и не сужу, – сказала Абби. – Вовсе не сужу. Я понимаю, что они руководствовались благими намерениями. И о'кей, во многом это принесло тебе пользу. Я имею в виду Сент-Пол и все прочее. И все равно многие попросту бы не выжили в условиях этой нескончаемой доброты. Но ты молодчина, что вырвалась из их рая. Нашла себе жилье. Бьюсь об заклад, добренькой тетушке это не понравилось.

¹⁶ Английское философско-экономическое течение, приверженцы которого верили в медленное и плавное перерастание капитализма в социализм.

¹⁷ Мод Пембер Ривз (1865–1953) – известная английская феминистка и писательница.

– Нет, конечно. Но по другой причине. Она сказала, что будет скучать по мне.

– Неудивительно. Я на ее месте тоже скучала бы. Представляю, как старая добрая мисс П. Р. посылала ее к твоей матери. Знаешь, я сомневаюсь, что отчет, который она представила правительству, возымел хоть какое-то действие. Однако многие статистические данные по бедным семьям умалчиваются. Все равно хорошая попытка. Мои родители ее обожают.

– В общем, за то, что тетя Селия сделала для меня, ее... исключили из Фабианского общества.

– И это меня тоже не удивляет.

* * *

Абби была учительницей. Лучшей школой, куда она сумела устроиться, была довольно чистенькая и чопорная школа для девочек в Кенсингтоне. Однако в мечтах Абби видела себя директрисой крупной интеллектуальной женской школы уровня Школы лондонского Сити, где училась сама. Ей хотелось насаждать в умах ее учениц идеи и представления о равноправии женщин, куда входило не только избирательное право, но и равные права с мужчинами при устройстве на работу и, что уж совсем невероятно, равная оплата за труд.

– В один прекрасный день решение женщины не выходить замуж, а строить карьеру по своему выбору, скажем в медицине или юриспруденции, будет вызывать не насмешки или, хуже того, презрительную жалость, а восхищение. Это будет свободная, насыщенная жизнь. И даже если женщина выйдет замуж и родит детей, потом она продолжит строить свою карьеру, соперничая с мужем. Разве тебя не восхищают такие возможности?

Барти, словно извиняясь, сказала, что да, восхищаются, но тут же добавила: она росла, видя перед собой образец такой женщины.

– И не смотри на меня так, Абби. Я очень хорошо знаю: тете Селии все давалось с боем. Ей было очень трудно.

Неожиданная роль адвоката Селии несколько удивила Барти. Это было настолько странно, что на следующее утро, придя в издательство, она взглянула на Селию по-новому, почти с обожанием. И только услышав очередную резкую и пренебрежительную отповедь, направленную в адрес Джайлза, Барти восстановила свое привычное отношение к его матери. На сей раз Джайлза чехвостили за предложение учредить две стипендии. Барти настолько огорчилась за него, что решила не отказываться от приглашения на семейный обед в доме Литтонов. Торжество устраивалось в честь рождения Генри и его родителей – Венеции и Боя. Барти знала: одно ее присутствие благотворно подействует на Джайлза. Он постоянно говорил, что скучает без нее и что теперь, когда она переехала, жизнь в доме на Чейни-уок стала невыносимой. Барти слышала это едва ли не каждый день и перестала воспринимать слова Джайлза как лесть. Наоборот, эти признания начали ее раздражать. И тем не менее она симпатизировала Джайлзу и потому твердила себе, что присутствие на сегодняшнем торжестве не причинит ей вреда. К тому же придут Себастьян с Пандорой. Она обожала их обоих, особенно Пандору. Барти восторгалась независимостью этой женщины, ее отказом становиться мужней женой, ее упрямым стремлением сохранить свой оксфордский дом, чтобы ей было удобнее продолжать работать в Бодлианской библиотеке. Больше всего Барти нравилось, что Себастьян и Пандора жили на два дома, перемещаясь между Лондоном и Оксфордом.

* * *

От Селии не ускользнуло, что после рождения Генри Венеция погрузилась в какое-то уныние. Это очень ее огорчало, а подтверждение интуитивных предчувствий по поводу

брака дочери с Боем не приносило ей никакого удовлетворения. Селии очень хотелось вмешаться, поговорить с Боем, с Венецией. Но Оливер, проявив несвойственную ему властность, запретил жене делать это.

– Ты здесь совершенно ни при чем. Дальнейшее развитие этого брака целиком дело Венеции и Боя. Она должна учиться взрослой жизни.

Селия возражала, говоря, что Венеция еще совсем девчонка, которая растерялась перед напором этой взрослой жизни. Их дочь оказалась не только неопытной, но и, что еще удивительнее, робкой. Услышав это, Оливер улыбнулся:

– Дорогая, когда-то и ты была неопытной, хотя ни в коем случае не робкой. Но ты строила брак по-своему. Венеция должна научиться тому же.

– Наш брак, Оливер, а не мой, – поправила его Селия. – И не я строила его по-своему, а мы.

– Пусть будет так, – согласился Оливер. – Я могу припомнить несколько твоих в высшей степени бескомпромиссных решений. Однако речь сейчас не о нашем браке. Вмешаться в семейную жизнь Венеции было бы не только глупо, но и разрушительно. Дай ей время. Ей только девятнадцать. Девочка быстро умнеет. Думаю, когда она еще повзрослеет, то станет более чем достойной парой для Боя. Он крайне эгоистичен, почти целиком заиклен на себе. Это делает его слепым к реальному положению вещей.

Селия посмотрела на мужа. Он ответил ей своей милой, немного рассеянной улыбкой. Обычно он так заканчивал разговоры, которые не хотел продолжать. Она знала, о чем он вскользь упомянул, и потому действительно лучше было не продолжать. Их прошлое далеко не всегда бывало тихим и безоблачным. Они прошли через свои бури и рифы, но все-таки пройденный путь сделал их крепкой супружеской парой, на которую смотрели с уважением и восхищением. Люди, почти четверть века прожившие в браке и зримо счастливые. Такие образы обладают собственной магией, обладают силой переписывать историю, и попытки поколебать их сопряжены с большим риском.

– До чего же ты умен, Оливер, – сказала Селия и подошла к нему, чтобы поцеловать.

* * *

Бой в тот вечер был само обаяние. Он улыбался, вел непринужденные беседы, расточал комплименты, расспрашивал о делах издательства, говорил с Селией о новых книгах и новых авторах.

– Думаю, роман Розамунды Леманн был самым заметным событием этого сезона. Ну и конечно, Барбара Картленд – это такая прелесть. Я получил большое удовольствие.

Не желая расстраивать Джайлза, Бой тактично упомянул о новой страсти своего друга – игре в гольф:

– Дружище, я составлю тебе компанию. Давай в следующую субботу, если она у тебя не занята. И конечно, если жена меня отпустит.

– А если не отпущу? – спросила Венеция.

Сказано это было словно в шутку, однако ее глаза смотрели жестко. Бой послал ей воздушный поцелуй:

– Тогда я, конечно же, не поеду.

– Венеция, тебе тоже стоило бы поехать, – сказала Пандора. – Гольф – прекрасная игра. Я сама немного играю.

– А что, замечательная идея, – подхватил Бой. – Дорогая, я был бы рад поехать с тобой. Вот только жаль, что дамы по субботам не играют.

– Почему? – простодушно удивилась Барт.

– Барти, дорогая, у дам есть возможность играть в любое время. А суббота – мальчишеский день. Они целую неделю ждут этого дня.

– Только те, кто работает, – заметила Барти, улыбаясь еще шире.

«А девочка становится зубастой, – подумала Селия. – Хороший пас».

Бой тоже улыбнулся.

– Да, ты права, – беззаботно согласился он. – Но это значит, что у нас, завязанных бездельников, есть больше партнеров для игры.

– Бой вовсе не завязанный бездельник, – быстро возразила Венеция. – Он очень занят в своей галерее. Да и на Корк-стрит¹⁸ у него есть дела. Добавьте к этому его участие в благотворительных комитетах, где он...

– Дорогая, спасибо за поддержку, – поблагодарил Венецию Бой. – Только, боюсь, Барти права. Я не могу похвастаться усердной работой. Не правда ли, постыдное признание для современного молодого человека?

– У меня есть подруга, которая считает, что работать должны все: и мужчины, и женщины, – сказала Барти. – В следующем поколении так оно и будет. Она говорит, что работа придает жизни смысл, а самому человеку – достоинство. Особенно женщинам.

– Совершенно верно! – воскликнул Бой. – А знаешь, очень интересная точка зрения. В высшей степени интересная. Я бы не прочь познакомиться с твоей подругой и поговорить о ее идеях. Что касается моей жизни, у меня есть планы.

– Неужели? – не выдержала Селия. – Пожалуйста, поделись с нами.

– Начнем с того, что мой отец не может вечно держать дела в своих руках. Я давно понимал: когда отец будет готов передать дела мне, я займу его место. И это время постепенно наступает. Я все больше времени провожу у него в кабинете. Правда, Венеция?

– Сушая правда, – ответила Венеция и покраснела.

«Но это же жестоко, – подумала Селия. – Жестоко и непростительно. Нашел время и место, чтобы задним числом объяснять жене причины своих постоянных отлучек. И без предупреждения, как удар наотмашь».

Селия сердито посмотрела на зятя:

– Я очень удивлена, что мы не слышали об этом раньше. Не далее как вчера я виделась с твоим отцом на обеде. Почему-то он ничего не сказал о твоём вхождении в его дела.

– А вот я не удивлен, – ничуть не смутился Бой. – Отцу это дается непросто. Не очень-то хочется признаваться, что тащить фирму на своих стареющих плечах становится все тяжелее. Наверняка такие мысли посещали и вас с Оливером. Правда, леди Селия? Думаю, вы поступите мудрее и заранее начнете готовить Джайлза.

* * *

«А ведь вывернулся, проныра, – подумала о Бое Барти. – И счет в его пользу». Она не питала большой любви к Венеции. В детстве Барти достаточно настрадалась от ее пухленьких ручек. И все же Венеция заслуживала лучшего. Барти стало невыносимо оставаться дальше за столом; она чувствовала все унижение и боль Венеции.

– Я дико извиняюсь, – сказала Барти, – но мне пора. Утром рано вставать. Работы целый воз. Надеюсь, вы меня отпустите?

– Конечно, – отозвался Оливер. – Не смеем тебя задерживать. Ты на машине?

– Нет. Джайлз меня подвез с работы.

– Я отвезу тебя домой, – вызвался Джайлз. – Буду только рад.

¹⁸ Корк-стрит – улица в Лондоне, где находится много художественных галерей.

Весь вечер он пребывал в угрюмом, отрешенном состоянии, не поддаваясь даже попыткам Боя его разговорить. С тех пор как Джайлз узнал о беременности сестры, их дружба с Боем буквально рассыпалась. Его бесило не только то, что Бой посмел так гадко поступить с Венецией, но и странное поведение родителей. Ему казалось, что они были даже рады спихнуть дочку замуж.

– В этом нет необходимости, – возразила Селия. Она уже справилась с собой и говорила ровным, ледяным тоном. – Так у нас все торжество развалится. Дэниелз отвезет Барти. Он сейчас свободен. Спокойной ночи, дорогая. – Селия подставила щеку для поцелуя.

«Будь на моем месте Джайлз, – подумала она, – его бы обязательно спросили, что это за работа, почему он так копается и нужна ли помощь». Несмотря на то что издательство давало ей место под солнцем, Барти искренне сочувствовала Джайлзу.

Ей было непривычно сознавать, что она сейчас счастливее, нежели Литтоны. Но как ни странно, это ее совсем не радовало. Должно быть, она любила их сильнее, чем ей казалось. Потом она вспомнила о желании Боя познакомиться с Абби. Стоит ли их знакомить? Хотя, наверное, было бы весело посмотреть, как Абби за считанные минуты сдерет с этого повесы весь лоск.

Глава 6

Себастьян был очень, очень сердит. Пандора поглядывала на него. Мрачный, угрюмый, чужой. Он сидел, закрывшись газетой, на вопросы отвечал односложно. Завтракать не стал. Сегодня он не хотел ни яичницы с беконом, ни поджаренных ломтиков хлеба. Даже от кофе отказался. Пандора впервые пожалела о своем замужестве, а следом ощутила волну раздражения.

Она никак не ждала такой оскорбительной реакции на то, о чем она ему рассказала. Абсурдное поведение, свойственное капризному, избалованному ребенку. Но тогда получается, что он и есть абсурдный, капризный, избалованный ребенок. И она любила все эти черты его характера, какими бы тяжелыми они ни были.

– Себастьян...

– Не сейчас, Пандора. Я читаю.

– Приношу свои глубочайшие извинения, что помешала тебе. Но...

– Пандора!

– Я помню свое имя.

У них никогда еще не было крупных ссор. Вечные препирательства по поводу того, где жить и в каком саду праздновать Рождество, не в счет. И вдруг... Пандора не знала, как ей поступить.

Себастьян отложил газету, посмотрел на жену и нахмурился:

– Пойду-ка я, пожалуй, прогуляюсь.

– Иди. А я пойду на работу.

– Не забудь, что вечером у меня лекция. В Лондоне.

– Я помню. – Она взглянула на Себастьяна, глаза которого были совсем чужими. –

Пожалуй, я на нее не приеду.

Себастьян несколько секунд пристально смотрел на нее.

– Ну, это уже слишком! – Он встал и покинул дом, громко хлопнув дверью.

* * *

Недоумевающая и расстроенная, Пандора собралась и пошла на работу. Она не сомневалась: к полудню Себастьян обязательно явится к ней в библиотеку с громадным букетом цветов. Попросит прощения, скажет, что был не прав и что он любит ее. Но Себастьян не пришел. Рабочий день закончился. Пандора подумала, что муж, должно быть, ждет ее дома. Будет виновато смотреть, просить, чтобы поехала вместе с ним в Лондон. Однако в доме было пусто. Себастьян не оставил ей даже записки. Должно быть, позвонит из Лондона. Она представила его виноватый голос, извинения, сбивчивые признания в любви.

Пандора поужинала, послушала радио, затем уселась читать книгу. Телефон молчал. Она приняла ванну и легла в постель. Теперь уже ей стало тревожно. Ее пугало молчание Себастьяна и, конечно же, его реакция: злая, неоправданно жестокая. Можно подумать, будто она совершила что-то ужасное.

А она ведь ничего ужасного не совершила. Просто сказала ему. Думала, он обрадуется не меньше ее. Ведь это такая потрясающая новость: у них будет ребенок.

* * *

– Он просто чудо! Чудо! – воскликнула Мод. – Честное слово, таких красивых маленьких мальчиков я еще не видела. Можно мне его подержать?

– Конечно. Бери, – с улыбкой разрешила Венеция. Сейчас кратчайший путь к ее сердцу вел через Генри. – Надеюсь, он не испортит тебе платье какой-нибудь своей «неожиданностью». Мод, прости, что говорю о таких вещах, но малыша только что покормили.

– Не волнуйся! – Мод улыбнулась и прикрыла колени салфеткой, протянутой ей Венецией. – Мне говорили, что такое бывает у всех малышек.

Мод баюкала Генри, а Венеция разглядывала двоюродную сестру. Явно не красавица, но чертовски привлекательна. Эти рыжие волосы, зеленые глаза. Да и фигура у нее замечательная: высокая, худощавая, но с большой грудью. И какая дивная кожа: бледная, почти прозрачная, усыпанная такими милыми веснушками. И руки у Мод тоже красивые: очень белые и узкие. Она протянула двоюродному племяннику свой длинный палец. Генри захватил палец пухлым кулачком и радостно улыбнулся.

– Ну вот, теперь у меня есть друг на всю жизнь. Знаешь, Венеция, я так рада, что приехала сюда. Зря мы не выбрались к вам раньше.

– А как проходило плавание?

– Замечательно. Я очень люблю океанские лайнеры. Помню, как папа впервые привел меня на корабль. Я тогда была совсем маленькой и подумала, что это плавучий дворец. Представляешь, зал в корабельной столовой большой, как в ресторане. И оркестр играет во время обеда. А какая там изумительная парная. Обожаю парную. Просто чудо.

– Твоему отцу тоже понравилось путешествие?

– Да. Но у него бывают приступы морской болезни. Бедный папочка. Он просил передать, что, скорее всего, приедет завтра, когда оправится. А я не могла дождаться. Адель сказала, что к чаю тоже появится. Знаешь, я в восторге от твоего младшего братика. Просто джентльмен в миниатюре. Сказал, что тоже хочет приехать на чай. Адель, наверное, ходит по магазинам или еще где-то.

– Думаю, по магазинам, – ответила Венеция. – Боюсь, ей сейчас тоскливо. И одиноко. Мы скучаем друг по другу.

– Я еще понимаю, что она скучает по тебе, – сказала Мод, – но вряд ли у тебя есть время скучать по ней.

– Представь себе, я по ней скучаю. – Венецию всегда удивляло, что люди не понимают особенностей близнецов. – Адель для меня важнее, чем кто-либо. Естественно, за исключением Генри.

– Ну и наверное, думаю, за исключением твоего элегантного мужа. Венеция, он у тебя такой обаятельный. Адель показывала мне свадебные фотографии.

– Да, – сухо вато согласилась Венеция. – Очень обаятельный.

– Но Джайлз, пожалуй, обаятельнее.

– Джайлз? Ты считаешь Джайлза обаятельным?

– Невероятно обаятельным. По-моему, он очень похож на твою маму. Те же удивительные темные глаза, восхитительный нос. Он такой очаровательный... Настоящий англичанин.

– Я и забыла, что он всегда тебе нравился, – усмехнулась Венеция. – Помню, когда тебе было лет девять, ты говорила, что хочешь выйти за него замуж.

– Я такое говорила? Наверное. Уже и не помню. Но даже если бы я и хотела, это невозможно: он ведь мой двоюродный брат. В Америке такие браки запрещены. А какой у вас потрясающий дом. Я им просто восхищаюсь. Кто это вам делал? Я про интерьер.

– Джеральд Уэллсли¹⁹.

– Я так и думала. Узнала его стиль. Все в листовом серебре. Это просто шикарно. Очень мудро было с вашей стороны выбрать его для оформления дома.

– Надо же, Мод, как хорошо ты разбираешься в таких вещах, – засмеялась Венеция. – Меня удивляет, что ты вообще слышала о нем.

– Конечно слышала. Не забывай, я же собираюсь стать архитектором.

– Совсем забыла... А вот и наша Адель. Адель, дорогая, я так рада тебя видеть. Правда здорово, что Мод приехала в Лондон?

– Это просто божественно, – ответила Адель, целуя сестру. – Привет, Генри? Как ты сегодня? Венеция, я купила нам в «Вуллэндсе» просто убийственно красивые блузки. Шелковые и очень длинные. Тебе они понравятся. Как увидела, просто удержаться не смогла.

* * *

– Тебе уже лучше? – спросил Оливер вошедшего в гостиную старшего брата.

– Значительно лучше, спасибо. Морская болезнь – мое проклятие. Мешает общаться с родными. И погода была вполне сносная, но все равно.

– Вскоре ты сможешь летать в Англию, – сказала Селия. – Мистер Хинклер²⁰ уже запросто летает в Австралию. Всего за пятнадцать дней! Уму непостижимо. Оливер, а сколько туда плыть морем?

– Шесть или семь недель – это самое малое, – ответил Оливер. – Я уверен: скоро начнутся пассажирские полеты в Америку. Роберт, что желаешь? Чаю? Или бренди?

– Лучше чаю, – ответил Роберт. – Ну, как дела в вашем издательстве?

– Я бы сказал, на редкость успешно, – отозвался Оливер. – У нас впечатляющий список публикуемых книг. Выпускаем литературу по широкому кругу тем. И что забавно, очень ощутимый доход дает именно выпуск учебной литературы. Ты согласна, Селия?

– Да, – лаконично ответила Селия.

Она не любила скучный перечень книг для внеклассного чтения по литературе, атласы и таблицы логарифмов. Всем этим в издательстве заведовал Джайлз и, надо сказать, справлялся весьма умело. Но и это не радовало Селию, а служило лишним подтверждением того, что ее сын – преимущественно исполнитель, лишенный столь ценимого ею редакторского чутья.

– С нами все сильнее начинают конкурировать немцы, – заметил Оливер. – Они становятся новой силой, и не только в издательском мире, а в мире вообще. Странная ирония, правда?

– Я слышал от Фелисити, что нью-йоркский филиал издательства процветает.

– Так оно и есть. Стюарт Бейли – очень способный молодой человек. Но у вас вся страна охвачена процветанием. Меня не перестает удивлять подъем, переживаемый Америкой. Думаю, на твоём месте я был бы немного осторожнее. В Англии картина не столь радужная. У нас чертовски высокий уровень безработицы. Все это началось много лет назад, когда и здесь был послевоенный подъем. Экономика – как двигатель. Ее опасно перегревать.

– Конечно. Но ведь это было прямым следствием войны, – возразил Роберт. – Вспомни, какое громадное количество разного рода премиальных акций выпускалось в войну. У нас это время было годами стабильности и роста. Думаю, наш финансовый бум начнет плавно снижаться. Рынок ценных бумаг не может постоянно расти столь бешеными темпами. Но я абсолютно уверен: серьезных проблем у нас не будет.

¹⁹ Джеральд Уэллсли (1885–1972) – английский дипломат и архитектор, герцог Веллингтонский.

²⁰ Берт Хинклер (1892–1933) – австралийский летчик, прославившийся своими сверхдальними перелетами.

– Это ты так считаешь, или это общее настроение большинства американцев?
– Можно сказать, что так. Есть, конечно, единичные паникеры, однако...
– Сам знаешь, мы в Старом Свете уже испытали несколько толчков.
– А что думает твой пасынок? – спросила Селия. – Он ведь большая шишка на Уолл-стрит.

– Что думает он, мне неизвестно, – ответил Роберт. – Мы с Лоренсом до сих пор практически не общаемся. Похоже, он никогда не простит мне женитьбу на его матери, и здесь я бессилен что-либо изменить. Зато меня очень радует Джейми и, конечно же, моя любимая Мод. Мы втроем – маленькая счастливая семья. Как бы то ни было, а мой собственный бизнес пока только процветает. Должен признаться, что это не совсем согласуется с общей картиной в строительстве, но мы с Джоном уверены в успехе.

– Как он? А как Фелисити? Уверена, что она остается все такой же идеальной женой. – В голосе Селии появились новые и довольно нервные интонации.

– Да они оба хорошо поживают. Ее стихи нравятся людям всех возрастов и социальных категорий. Она постоянно выступает с публичными чтениями на разных женских собраниях.

– Представляю, какое удовлетворение ей это приносит, – сказала Селия. – Автору очень важно ощущать интерес читателей.

– Думаю, тут нечто большее, чем интерес, – отозвался Роберт. – Просто она успешная поэтесса. На прошлой неделе ей присудили какую-то премию.

– Ах, эти премии за поэзию, – усмехнулась Селия. – Их такое множество, что чуть ли не каждую неделю кому-то и за что-то присуждают премию.

– Селия, – мягко одернул жену Оливер, – Фелисити много работает и пишет по-настоящему талантливые стихи. Не будем принижать ее успех.

– Я ни в коем случае не хочу принижать ее успех, – возразила Селия. – Если уж на то пошло, это я открыла Фелисити.

– Конечно ты, – подтвердил Роберт, – и она этого никогда не забудет. Между прочим, молодой Кайл тоже делает стремительные успехи. Он уже старший редактор в «Даблдей». Считают, что у него большой талант. Джон и Фелисити всегда будут помнить, как вы помогли мальчику с его первой работой. И он сам, естественно.

– Но я всего-навсего написал письмо, – заметил Оливер.

– Письмо письму рознь, – возразил Роберт. – Фелисити постоянно говорит, что просто мечтает принять вас у себя, когда вы будете в Нью-Йорке. Можете рассчитывать на гостеприимство с королевским размахом.

– Думаю, Оливеру куда целесообразнее отправиться в Нью-Йорк одному, – сказала Селия. – Нам нельзя обоим уезжать из Лондона. Не на кого оставить здешний «Литтонс».

– Даже на ММ не рискнете? А потом, Джайлз уже совсем взрослый. Кстати, как у него дела? Мне он кажется очень знающим.

– Хотела бы с тобой согласиться, – вздохнула Селия, – но боюсь, что в профессиональном плане Джайлз – источник постоянного разочарования. Он совсем не похож на молодого мистера Бруера. У него нет настоящего редакторского чутья. Он не ощущает творческую сторону издательского дела. Разве не так, Оливер?

– Ты же знаешь, Селия: я больше жизни ценю возможность возражать тебе всегда и по любому поводу. – Оливер произнес это в шутку, но его синие глаза смотрели на жену холодно и жестко.

* * *

– Дорогая, ну пожалуйста, прости меня. Пожалуйста. Я отчаянно виноват. Я вел себя отратительно, словно мерзопакостный избалованный ребенок. Сам не могу поверить.

– Да, Себастьян, – довольно холодно ответила Пандора. – Именно так это и выглядело. Если бы нас кто-то слышал, они бы и подумали, будто я призналась тебе, что завела любовника.

– Но, дорогая, милая моя Пандора, в чем-то ты недалеко от истины. И пожалуйста, не смотри на меня так. Я изо всех сил стараюсь помириться с тобой.

– Думаю, ты мог бы приложить побольше стараний. И для начала – принести мне теплого молока. Будущим матерям нужно пить много молока. А еще они нуждаются в повышенном внимании и заботе.

– Конечно. А я ведь даже не спросил, как ты тебя чувствуешь. С запозданием спрашиваю сейчас. Дорогая, как ты?

– Чувствую я себя прекрасно, – бодрым тоном ответила Пандора. – Немного устала, и только. А теперь иди и согрей мне молока. Потом, надеюсь, мы сможем поговорить более осмысленно, чем в прошлый раз.

– Я пытаюсь думать осмысленно. Честное слово, – сказал Себастьян.

Он сел на кровать рядом с нею и стал нежно теребить ее длинные темно-рыжие волосы. Под вечер Пандора вернулась из библиотеки и увидела, что Себастьян ждет ее с огромным букетом белых роз, склоненной головой и таким искренним раскаянием на лице, что Генри Ирвинг²¹ был бы посрамлен. Она довольно холодно поздоровалась с мужем и поднялась наверх, чтобы принять ванну и лечь. Себастьян поднялся следом, осторожно постучав, прежде чем войти.

– Думаю, тебе и по части осмысленности нужно приложить больше стараний, – сказала Пандора. – Себастьян, я не могу тебя понять. Большинство мужей просто ликует, когда жены сообщают им, что ждут ребенка.

– Я не «большинство мужей», – сразу же отреагировал Себастьян. – И прошу тебя, не употребляй этого жуткого выражения «ждут ребенка».

– А как прикажешь выражаться? Сказать «женщины с начинкой»? Или, хуже того, «брюхатенькие»? Так это лексикон близняшек.

– Обратная сторона той же медали. Единственное приемлемое для меня слово – это французское *enceinte*. В нем ощущается какая-то пристойность.

– Хорошо, я сказала тебе, что я *enceinte*. Теперь попытайся мне объяснить, почему это тебя так расстроило?

– Я не желаю тебя ни с кем делить, – без обиняков ответил Себастьян. – Я так сильно тебя люблю, что хочу, чтобы ты вся была моя. Мы дивно прожили целый год. Мне не хочется, чтобы половина твоего разума была направлена на кого-то другого. Знаю, глупо так говорить, но я ничего не могу с собой поделать. Конечно, потом я привыкну к неизбежности случившегося и научусь любить маленького молокососа, но в то утро, когда ты мне сказала, я просто испугался, что теряю тебя.

– Но, Себастьян, как ты можешь потерять меня из-за ребенка? Ведь это твой ребенок. Точнее, наш. Ребенок, которого мы вместе сотворили.

– Дорогая, я знаю. Уверен, ребенок родится красивым, очаровательным, изумительным и все такое, хотя признаюсь тебе: я нахожу маленьких детей весьма непривлекательными. Но со временем они становятся все интереснее. Это я тоже знаю.

– Тогда в чем же...

– Потому что мы с тобой договорились, что детей у нас не будет. Во всяком случае, в течение долгого времени. Мы ведь хотели быть вместе. Вдвоем, в нашем... как бы это назвать?... в нашем личном мире. Пандора, с тех пор как я тебя встретил, мне не хотелось ни смотреть на других женщин, ни говорить с ними, ни находиться с ними рядом. Я ведь

²¹ Генри Ирвинг – знаменитый английский актер Викторианской эпохи.

даже еще толком не начал познавать тебя, твой мир. Каждый день я узнаю что-то новое, и это усиливает мою любовь к тебе. А теперь, похоже, я должен делить тебя. С малышом.

– Себастьян, я не знаю, как это получилось. Клянусь тебе, я аккуратно предохранялась. Я не сделала это намеренно... если такая мысль пришла тебе в голову.

– Нет, что ты. Такой мысли мне в голову не приходило. Но...

– И потом, насколько я помню, ты сам играл очень активную роль в сотворении этого ребенка. По-моему, я даже знаю, когда это произошло. В Лондоне, после нашего возвращения из театра. Мы тогда ходили на «Богему». Потом мы легли... Ты заснул, а я лежала и слушала музыку, звучавшую у меня в голове. Арию «O sage mieu». Я слушала эту внутреннюю музыку и думала, как у нас все замечательно. У нас было жаркое любовное слияние. Ты тогда был в ударе. Я получила редкостное наслаждение. Дорогой, ну пожалуйста, постарайся обрадоваться этому событию.

– Постараюсь, – пообещал Себастьян, наклоняясь и целуя жену. – Я буду очень усердно стараться. Может, для тебя я тогда и был в ударе, но я практически не почувствовал ничего особенного. Не стану тебе лгать. Я тоже помню «Богему» и вечер после спектакля. Это уже в прошлом. Теперь для меня главное – заботиться о тебе. Что нужно делать, чтобы ты оставалась здоровой и сильной? Думаю, тебе нужно уйти с работы. У тебя появится больше свободного времени. Мы бы с тобой каждый день вместе обедали.

– Не уверена, что мне хочется каждый день вместе обедать, – со смехом сказала Пандора. – И потом, за едой я люблю читать, причем чтобы мне не мешали, – добавила она, увидев, что Себастьян уже открыл рот, приготовившись возражать. – Но ты прав. Доктор посоветовал мне оставить работу. Считается, что для рождения первенца я уже достаточно стара. Мне понадобится много отдыхать, есть массу свежих овощей и все такое.

– А когда... когда ребенок должен родиться? – спросил Себастьян.

– В мае. По мнению доктора, в самом начале мая. Думаю, нам пока не стоит никому об этом рассказывать. Ты согласен? Я хотела бы сохранить это в тайне. По крайней мере, первое время. Поднимется шумиха, а я такие вещи плохо переношу. И я просто с ужасом думаю, как к этому отнесется Селия и что она скажет.

– Да, – согласился Себастьян, и его лицо помрачнело. – Тут есть чему ужасаться.

* * *

– Хелло, Барти. Ты еще помнишь меня?

Мод стояла в дверном проеме тесного кабинета и улыбалась. Барти тоже улыбнулась ей. Ей всегда нравилась Мод.

– Конечно помню. И очень рада тебя видеть.

– И я тоже рада. У тебя найдется свободная минутка или ты очень занята?

– В общем-то...

Барти действительно была очень занята.

– О'кей, – сказала Мод, сразу поняв, что явилась не вовремя.

– Знаешь, на меня сейчас действительно навалилось много работы. Сроки подгоняют. Потом я освобожусь.

– Да ты не волнуйся, я же понимаю. Слушай, мы тут с Джайлзом шикарное местечко наметили для ланча. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

– Не могу. Честное слово. Прости. А вот после работы – с удовольствием. Могли бы пойти выпить горячего шоколада или чего-нибудь еще. Конечно, если к тому времени у тебя не появятся дела.

– Какие у меня дела? – улыбнулась Мод. – А горячий шоколад – это по мне. Обожаю его. И куда мы пойдем?

– Тут недалеко есть чайная «Лайонс-Корнер-хаус». Спроси Джайлза, может, и он захочет с нами пойти.

– Обязательно.

Горячий шоколад в «Лайонс-Корнер-хаус» незаметно превратился в ужин. Потом все трое отправились в кино, которое Мод на американский манер именovala «movies». Фильм назывался «Бродвейская мелодия». В этом году он получил премию Академии кинематографических искусств и наук. После кино пошли в квартиру Барти. Мод заявила, что просто умирает от желания увидеть, как Барти устроилась одна. Вскоре их стало четверо: зашла Абби. Снова пили горячий шоколад и говорили, говорили. У Абби и Мод нашлось много общих тем. Наверное, разговор продолжался бы и дальше, но Мод, спохватившись, посмотрела на часы и сказала, что ей нужно спешно возвращаться на Чейни-уок.

– Папа до сих пор считает, что мне четыре с половиной года, – рассмеялась Мод.

– Тебе еще повезло, – ответил Джайлз. – Моя мама думает, что мне и двух не исполнилось.

– Вам бы таких родителей, как у меня, – заметила Абби. – Они почти не вспоминали о моем существовании.

* * *

На следующее утро, когда Джайлз ушел, Роберт слегка попенял дочери:

– Где тебя носило почти до полуночи?

– Я вела интересные разговоры. С Джайлзом и Барти, – ответила Мод.

– Весь вечер?

– Нет, конечно. Сходили в киношку, потом пошли к Барти. Мне понравилось. Тесновато, но она постаралась. Очень уютно. Я была в восторге, и Джайлз тоже.

– И от чего, интересно, Джайлз был в восторге? – спросила вошедшая в комнату Селия.

– От апартаментов Барти. Ой, простите, я хотела сказать, от ее квартиры. Он говорил, что часто заходит туда после работы выпить горячего шоколада и поговорить. Слушайте, ну и умеет же она готовить горячий шоколад.

– Странно. Джайлз и Барти работают в одном здании. Неужели его еще тянет на разговоры с ней после работы? – удивилась Селия.

– Наверное. На работе ведь они заняты, там не до разговоров. Они очень дружат, – сказала Мод. – А когда у вас есть друзья, с ними никогда вдоволь не наговоришься. Да, а еще там была чудная девушка. Ее зовут Абби. Лучшая подруга Барти. Такая прелесть. Вы, наверное, с нею знакомы?

– Нет, не довелось, – ответила Селия. – Кое-кому из нас вместо разговоров приходится весь день заниматься делами. А сейчас мне пора. Я и так уже опаздываю. Мне сегодня предстоит тяжелый день. До вечера. Или ты опять исчезнешь к Барти? Естественно, ты уже взрослая и можешь делать, что считаешь нужным, однако...

– Сегодня, тетя Селия, я никуда не пойду. – Когда Селия ушла, Мод призналась отцу: – Наверное, я сболтнула лишнее. Думаю, не надо было ей рассказывать, что Джайлз ходит в апартамент Барти.

– А почему бы и нет? Беседы под горячий шоколад – весьма невинное занятие, – весело произнес Роберт. – Они же, считай, брат и сестра.

– Не совсем, – задумчиво возразила Мод. – По правде говоря, совсем даже нет. Знаешь, папа, Джайлз испытывает к Барти далеко не братские чувства. Он ее явно обожает. Что бы она ни делала, он с нее глаз не сводит.

– Ты читаешь слишком много любовных романов, – засмеялся Роберт. – Кстати, а как по-твоему, Барти тоже смотрит на Джайлза с обожанием?

– Если хочешь знать, я вообще не читаю любовных романов, – обиделась Мод. – А Барти... Нет, не думаю. Для нее Джайлз и впрямь что-то вроде брата. Все силы Барти направлены на карьеру. Ты же знаешь, она очень амбициозна. Совершенно удивительная девушка.

– Согласен, удивительная. Обаятельная, интересная. И красивая. Если Джайлз в нее влюблен, я его вполне понимаю. Однако, учитывая все существующие обстоятельства, думаю, было бы лучше, если бы ты ошиблась в своих предположениях.

– Тогда до вечера, папа.

* * *

– Добрый день, Себастьян, – сказала Селия. Ее голос в телефонной трубке был на удивление мягок. – Не будешь ли ты любезен в течение ближайших нескольких дней навестить наше издательство? Нам нужно обсудить встречи и чтения, связанные с продвижением десятой книги «Меридиана времен» в рождественский период. Обычно мы обсуждали выход твоих новых книг гораздо раньше. Да ты и сам знаешь. Ты сейчас столько времени проводишь в Оксфорде, и эта твоя... недосыгаемость... она создает определенные трудности.

– Прошу прощения, если тебе это создает трудности. – Голос Себастьяна звучал раздраженно. – Может, нам с Пандорой бросить Оксфорд и постоянно жить в Лондоне, чтобы быть более досягаемыми для тебя?

– Не помешало бы.

– Ты понимаешь, я пошутил. Пандора любит и свой дом, и свою работу. Ты об этом тоже знаешь. Я постараюсь выбраться в Лондон. Правда, на этой неделе у меня вряд ли получится.

Ему не хотелось оставлять Пандору одну. Ее часто тошнило. Все былые силы куда-то подевались. Пандора постоянно жаловалась на усталость.

– Так что, нам решать эти вопросы без тебя? – спросила Селия.

– Нет. Ни в коем случае.

– Тогда, – голос Селии стал заметно жестче, – тебе необходимо приехать. Прости, если нарушаю твои планы. Или у тебя возникли серьезные трудности?

– Нет, что ты. Никаких трудностей. Просто у Пандоры... В общем, есть некоторые проблемы и...

– Проблемы? Какого характера?

– Разумеется, профессионального.

Боже, как было бы здорово, если бы его вранье оказалось правдой и все проблемы Пандоры были бы простыми и легко контролируемыми.

– Мне больно это слышать. Должно быть, ее проблемы действительно очень серьезные, раз ты ставишь их выше своей работы.

– Селия, они не такие уж и серьезные, – возразил Себастьян, изо всех сил стараясь говорить спокойно. – Но в течение ближайших нескольких дней я хочу быть здесь, рядом с ней. Всего доброго.

* * *

В тот же день Селия получила письмо из книжного магазина «Фойлз», что на Черинг-Кросс-роуд. Письмо было написано от руки и содержало вопрос: согласен ли Себастьян быть почетным гостем на одном из их знаменитых литературных обедов в ноябре? Леди Селию просили непременно дать ответ в течение ближайших двадцати четырех часов...

* * *

Когда зазвонил телефон, Пандора дремала, сидя у камина. Себастьян вышел, чтобы купить семги. Это была единственная пища, которую желудок Пандоры принимал на ужин. Им звонили не слишком часто, и Пандора, недоумевая, кто же потревожил ее дрему, спустилась вниз, сняла трубку и села на ступеньку, чтобы не говорить стоя.

– Пандора? Добрый день. Это Селия. Как поживаете? Я была очень обеспокоена, услышав, что у вас проблемы.

– У меня... проблемы?

Неужели Себастьян проболтался ей про ребенка?

– Да. Себастьян говорил, что очень тревожится за вас. Наверное, у него есть основания.

– Он вам так и сказал? – осторожно спросила Пандора.

– Да. Отказывается ехать в Лондон, тогда как ему необходимо быть на очень важной встрече. Он очень предан вам. Кстати, он сейчас дома?

– Нет, Селия. Боюсь, в данный момент его нет. Он...

– Хорошо. Вас не затруднит передать ему, чтобы позвонил мне, когда вернется? Это очень важно. Передайте ему, что возник еще один вопрос, который мне нужно с ним обсудить.

Пандора пыталась себя уверить, что Селия звонит по важному делу. Ей действительно необходимо присутствие Себастьяна на какой-то там встрече. Ведь она его издатель и редактор. Они должны поддерживать регулярные контакты. Пандора пообещала Селии, что непременно передаст мужу ее просьбу.

– Если можно, не могли бы вы подробнее рассказать о сути дела? Так мне будет легче передать ему вашу просьбу, а вам не понадобится тратить время на объяснения.

– Увы, подробнее не получится. Вопрос слишком сложный. Просто попросите Себастьяна мне позвонить. И желаю вам скорейшего решения ваших проблем.

– Селия...

Пандора слышала, как ее голос становится таким же холодным, как у Селии. Она вдруг рассердилась на Себастьяна: не только за то, что он все-таки разболтал Селии их тайну, которую они договорились хранить. Еще больше ее разозлило, в каких выражениях это было сделано.

– Селия, что бы Себастьян ни чувствовал по поводу... проблем, как он изволил выразиться, не думаю, что предстоящее появление на свет ребенка заслуживает таких корявых слов.

На другом конце провода воцарилась мертвая тишина.

– Ребенка? – переспросила Селия. – У вас будет ребенок?

– Да. Он ведь об этом вам рассказал?

– Нет, – почти шепотом ответила Селия. – Нет, Пандора. Он говорил о каких-то... профессиональных проблемах. Простите, я... не поняла. Так это же здорово. Примите мои поздравления. Всего вам доброго.

Пандора повесила трубку и долго сидела, поглядывая на аппарат. Ее снова одолевала тошнота. Значит, Себастьян ничего не сказал Селии о ребенке. Он солгал ей, причем весьма неуклюже. А теперь все узнают о том, о чем они с Себастьяном совсем не хотели рассказывать сейчас. И Себастьян рассердится на нее, очень рассердится.

* * *

Он не рассердился, но заметно опечалился.

– Какой у нее был голос? – спросил он жену.

Пандора, стараясь говорить максимально правдиво, ответила, что слегка удивленный, однако...

– А что она говорила потом?

– Да почти ничего. Поздравила меня. Это бы каждый сделал. Сказала, что это замечательное событие. Сомневаюсь, чтобы она была так уж расстроена известием.

– Я тоже надеюсь, что нет. – Себастьян подошел к окну и встал, вглядываясь в сумерки.

Пандору захлестнуло сильное раздражение. Ну почему ему так важно, *что* сказала Селия и *как* она к этому отнеслась? При чем тут вообще эта женщина?

– Себастьян, – тихо окликнула она мужа, стараясь не выдавать своего раздражения.

– Пандора, прошу тебя, не мешай. Мне нужно подумать.

Он повернулся, посмотрел на жену, затем вышел из гостиной. Пандора слышала скрип открывшейся двери кабинета. Позвякивание телефона в коридоре означало, что Себастьян собирается говорить с кабинетного аппарата. Не вытерпев, Пандора на цыпочках вышла в коридор и остановилась возле закрытой двери кабинета.

– Селия, прошу тебя, пожалуйста... – доносился оттуда громкий голос Себастьяна.

Потом голос стал совсем тихим, а слова – неразличимыми. Наконец Себастьян шумно опустил трубку на рычаг. Стало очень тихо. Пандора поспешила вернуться в гостиную и сесть в кресло.

Через какое-то время туда пришел и Себастьян. Опустившись на колени, он взял Пандору за руки.

– Пандора, прости меня, – начал он. – Есть кое-что, о чем я умолчал, когда рассказывал тебе о своем прошлом. Думаю, сейчас я должен тебе об этом рассказать. И пожалуйста, прости меня...

* * *

– А Пандоре-то нездоровится, – сказала Венеции Адель. – Себастьян вообще отказывается приезжать в Лондон. Мама разозлилась до крайности. Все время кричит на него по телефону.

– Откуда ты знаешь?

– Про то, что нездоровится, – от папы. А про мамины крики – от Джайлза.

– Слушай, а что, если Пандора...

– Вот-вот. Я тоже сразу об этом подумала.

– Как здорово!

– Еще как! А может, нам...

– Не уверена. Вот если...

– Нет, только не это.

* * *

– Леди Селия, мистер Брук на проводе.

– Миссис Гоулд, я же ясно вам сказала: сегодня я не принимаю ничьих звонков.

– Но...

– Миссис Гоулд, прошу вас...

* * *

– Селия, это Пандора. Могла бы я...

– Пандора, прошу меня великодушно простить, но сейчас у меня действительно нет времени говорить. Я крайне занята. Похоже, вам и вашему мужу трудно понять столь очевидный факт.

* * *

– Джайлз, ради бога, объясни мне наконец, что ты делаешь с рекламными планами книг из своего крайне скромного списка? Может, переводишь рекламу на арабский язык? Я уже который день жду от тебя готовой работы. Принеси их мне в том виде, в каком они есть, и если планы до сих пор не составлены, я сама их доделаю.

* * *

– Селия, я...

– ММ, не сейчас. Уж ты-то лучше, чем кто-либо, должна понимать, в каком я цейтноте. Ну почему в нашем издательстве нет ни одного человека, кто может самостоятельно делать работу?

* * *

– Тетя Селия...

– Барти, я иногда удивляюсь: слушаешь ли ты вообще то, что я тебе говорю. Я же ясно сказала: меня не беспокоить. Ты горячо уверяла меня, что справишься со всеми этими правками сама. Так реши: либо ты действительно сделаешь их сама, либо тебе нужна помощь. Тогда отдай их ММ. И хватит отнимать у меня время. Должна сказать, я ждала от тебя большего.

* * *

– Селия, мне бы все-таки хотелось поговорить с тобой об этом.

– Оливер, тут не о чем говорить. Совершенно не о чем. А если бы и было, ты бы все равно ничем не смог мне помочь.

– Дорогая, позволь мне все же усомниться.

– Оливер, позволяй себе сомневаться, сколько душе твоей угодно. К тебе это не имеет никакого отношения. Вообще никакого.

* * *

– Слушай, Абби, у нас в издательстве просто сумасшедший дом. Она...

– Кто?

– Тетя Селия. Кто же еще? Пребывает в перманентно отвратительном настроении: ни с кем не разговаривает, на всех кричит. Джайлз говорит, что и дома она такая же. Бедный

старина Уол, ему достается сильнее всех. И ведь он никогда не дает ей отпора. По-моему, это нечестно. До жути нечестно.

* * *

– Адель, мамуля опять плачет. Я ее спрашивал, в чем дело, а она даже не стала со мной говорить. Мне так неприятно, но что я могу сделать?

– Ничего, Кит. Ни ты, ни все мы. Нужно просто ждать, когда мамино настроение изменится. Она же не может вечно плакать. Хочешь пойти со мной в гости к Венеции?

– Я с удовольствием. На всякий случай возьму книжку, чтобы не скучать.

* * *

Ранним вечером, когда Селия сидела в своем домашнем кабинете, к ней вошла мать:

– Мне сказали, что ты дома. Ты, часом, не заболела?

– Нет. Ты же знаешь, мама, я никогда не болею.

– Я бы так не сказала. Вид у тебя такой, будто ты вот-вот свалишься. Черт побери, да что с тобой происходит? Венеция говорит, ты чем-то расстроена. Кит сообщил, что ты постоянно плачешь. Даже Оливер, уж на что скрытен, и тот признался, что ты не в себе.

– Похоже у меня в доме целая шпионская организация, поставляющая тебе сведения.

– Похоже что так. Но я люблю получать сведения из первых уст. Давай выкладывай, что с тобой. Пока не выговоришься, легче тебе не станет. Впрочем, я и сама могу догадаться. Это явно из-за ребенка Пандоры.

– Разумеется, нет.

– Селия, я ведь еще не выжила из ума. И то, что ты так бесишься, меня не удивляет. Тебе сейчас очень тяжело. Я тебе искренне сочувствую. Но тут ничего не поделаешь. Ты должна взять себя в руки. Так дальше продолжаться не может.

Селия сердито выдернула из рукава платья задравшуюся нитку.

– Оливер собирается в Нью-Йорк, и я не могу его упрекнуть. Но это... последняя соломинка. Просто не знаю, мама. Это так невероятно. Я до сих пор... до сих пор.

– Ну-ну, будет. – Леди Бекенхем обняла плачущую дочь и не слишком умело погладила ее по голове. – Понимаю, ты до сих пор не можешь в это поверить. Но самое лучшее для тебя – признать этот факт. Ты ведь умеешь смотреть фактам в лицо. Это одно из твоих достоинств. Однако этот факт ты упрямо не желаешь признавать. Ты поворачиваешься к нему спиной и лишь изводишь себя. Накручиваешь. Вообще-то, это не в твоём характере.

– Ты всерьез так думаешь?

– Конечно. Мне это ясно как день. Ты бежишь от самой себя.

– Но... уже не знаю, что и думать. Мне так мерзко внутри.

– А это, Селия, уже никуда не годится. У тебя хватает недостатков, но не помню, чтобы ты любила изводить себя и заниматься самоедством... Вот выплакалась, и легче стало. А теперь поедem со мной на Керзон-стрит и пообедаем в обществе Бекенхема. Такое впечатление, будто ты неделями голодала.

– Мне кусок в горло не лез, – сказала Селия, вытирая нос.

– И это очень плохо. Глупо гробить свое здоровье. А ты этим занималась очень усердно. И Оливеру незачем ехать в Нью-Йорк сейчас, оставляя тебя в таком состоянии. На твоём месте я попросила бы его отложить поездку. Он будет только рад.

– Нет, не будет, – слабо улынувшись, возразила Селия. – Ты даже не представляешь, сколько гадостей я ему наговорила за это время.

– Так перестань терзать мужа. Давай высморкайся как следует и пойдешь умойся. Вид у тебя как у служанки, которую бросил жених. Вот, все лицо опухло. Бекенхем будет рад тебя видеть. Он сейчас всю корпится над своими письмами. Готовит их для твоей книги. Ты вдохнула в него новую жизнь. Правда, не могу сказать, чтобы меня это сильно радовало, – добавила мать, улыбаясь Селии.

Селия тоже улыбнулась:

– Тебя это радует, мама. Ведь ты же его любишь.

– Полагаю, что да, – с некоторым удивлением сказала леди Бекенхем. – Когда-нибудь и ты будешь так же относиться к своему мужу.

– Ты всерьез так думаешь?

– Совершенно серьезно. Иначе с чего бы так взвилась из-за поездки Оливера в Нью-Йорк?

– Я уже сама не знаю, что и думать, – устало призналась Селия.

* * *

– До свидания, дорогая Мод. До свидания, дорогой дядя Роберт, – сказала Адель. – Как замечательно, что вы у нас погостили. Вы ведь приедете снова, правда? Дядя Роберт, я тебе желаю, чтобы океан был спокойным, как зеркало. Мод, успешного тебе поступления в Колледж Вассара. Уверена, тебе понравится там учиться.

– Надеюсь, – ответила Мод. – Я тебе обязательно напишу об этом. Папа, нам пора, а то пароход отплывет без нас.

– Да-да, я практически готов, – сказал Роберт. – И все-таки, Оливер, жаль, что ты не поплывешь с нами. Не откладывай свою поездку надолго, хорошо? Селия, надеюсь, что и ты приедешь. Джайлз сумеет управлять издательством в ваше отсутствие.

– Возможно, – улыбнулась Селия.

«Усталая, но все равно очень красивая», – подумал Роберт. Она была удивительной женщиной. Не слишком удобной для жизни в браке, но все равно удивительной.

– В следующий раз обязательно возьмите с собой Джейми, – попросила Адель. – Мне очень хочется его увидеть. И даже злого Лоренса.

* * *

– Ну и как вы смотрите на текущую ситуацию, сэр? – поинтересовался Лоренс.

Он всегда называл Дюка Карлайла сэром. Тому это очень льстило. Вот и сейчас Дюк улыбнулся и спросил:

– Вы вывели свои деньги из страны?

– Да. Почти все.

– Отлично. Одному Богу известно, когда именно произойдет взрыв. Но положение становится все более неустойчивым. Похоже, долго ждать не придется. Не мы одни чувствуем тревогу. Банки делают значительные займы у Федерального резерва и продолжают свои спекуляции. Всего за последнюю неделю сумма займов увеличилась на шестьдесят четыре миллиона долларов. Да вы и сами это знаете. А сведения такого рода – они, скажем так, будоражат людей. Достаточно посмотреть на рекламы в сегодняшних газетах. Уверен, вы их уже видели.

– «Устойчивый рост не собирается уходить». Вы про это? Видел. И подумал, что это ловкий ход.

– Разумеется, это не более чем уловка инвестиционных компаний. Но кого-то она хотя бы немного насторожит. Карточный домик стал слишком высоким. Достаточно легкого

толчка. Развязка близка. И когда наступит кризис... Обратите внимание, я говорю «когда», а не «если»... Так вот, когда наступит кризис, все пойдет как когда-то. Банкиры начнут заключать соглашения, как двадцать с лишним лет назад, когда ваш отец так успешно выдержал натиск кризиса. Отовсюду посыплются глупые заверения, начнутся лихорадочные продажи и напрасные увещевания не делать этого. На головы рядовых вкладчиков, словно бомбы, будут падать всевозможные советы и инструкции. Потом начнут призывать Бога и президента вмешаться. Но факт останется фактом: все больше акций станут стремительно обесцениваться, и все это кончится широкомасштабной финансовой катастрофой.

– А что бы вы посоветовали своим клиентам? Какие действия? – спросил Лоренс, глядя на собеседника.

Дюк улыбнулся. Такой жуткой улыбки Лоренс у него не видел. На симпатичном лице Дюка она выглядела почти что гримасой. Лоренсу подумалось, что Дюк сейчас похож на старого грифа, кружащего над местом потенциальной катастрофы и прикидывающего, когда и где спикировать за добычей, а потом, насытившись, снова взмыть вверх и неторопливо отправиться искать места новых пиршеств.

– Я посоветовал бы им действовать сразу в двух направлениях. Естественно, по моим собственным ощущениям, есть лишь одна мудрая стратегия: проявлять крайнюю осторожность и сдержанность ко всему, что творится на рынке. Мои клиенты достойны этого совета. – Дюк посмотрел на Лоренса, потом налил себе вина. – Но я к тому же еще и биржевой маклер. Мой бизнес – торговля на бирже. Я делаю деньги на продажах и покупках. Если клиент игнорирует мои советы, даваемые ему со всей искренностью, я не буду настаивать. Я должен действовать сообразно требованиям клиента. Если он спросит меня о прогнозах по определенным пакетам акций, я должен дать правдивый ответ. Акции сталелитейных компаний поднялись за последнюю неделю на двести шестьдесят два пункта. Акции «Дженерал электрик» – на триста девяносто шесть. Кто я такой, чтобы отговаривать своих клиентов от получения прибылей, когда цифры и факты столь их впечатляют? – Он потянулся и потрепал Лоренса по руке. – Мальчик мой, я рассказываю вам все это лишь потому, что вы мне нравитесь, и еще потому, что я любил вашего отца и восхищался им.

– Я вам очень признателен за ваши советы, – сказал Лоренс. – Спасибо, сэр. Мы должны продолжить наши разговоры.

– Непременно. Но только за закрытыми дверьми.

* * *

Пока Роберт и Мод плыли в Нью-Йорк, Атлантический океан был на удивление спокоен. Роберт даже смог сопровождать дочь в ее ежедневных утренних прогулках по кораблю. Мод совершала пять кругов, проходя, таким образом, милю. Он играл с нею в метание колец и палубный теннис, а днем устраивался на палубе в шезлонге, наслаждаясь осенним солнцем. Закутав ноги пледом, Роберт читал подаренные Оливером книги. Он даже мог наслаждаться великолепной корабельной кухней.

После обеда Мод обычно шла в танцевальный зал с кем-нибудь из молодых людей, а Роберт развлекался беседой с пассажирами. Большинство разговоров касалось финансового положения, выступления Роджера Бэбсона²² на Национальной конференции бизнеса. Он предсказывал ужасный кризис, который должен разразиться в самое ближайшее время. Кто-то называл эти предсказания абсурдными и утверждал, что вопреки легким колебаниям рынка дивиденды продолжают расти, а потому глупо поддаваться панике. Говорили о проч-

²² Роджер Бэбсон (1875–1967) – американский предприниматель и теоретик бизнеса. Знаменит тем, что еще 5 сентября 1929 г. предсказал масштабную и затяжную финансовую катастрофу, которая и разразилась через полтора месяца.

ной финансовой основе и процветании, достигнутых Америкой. Вспоминали прогноз председателя какого-то бостонского инвестиционного треста, сказавшего: «Если нас и ждет падение, то корпоративные инвесторы упадут на мягкую подушку». Говорили о том, что Бог, несомненно, любит Америку и дела в их прекрасном Новом Свете идут превосходно. На календаре была пятница, одиннадцатое октября.

* * *

В субботу, девятнадцатого октября, министр торговли заявил о трудностях в изыскании средств для содержания яхты «Корсар», подаренной правительству мистером Дж. П. Морганом, владельцем одноименного банка. Газеты пестрили сообщениями об ослаблении рынка и о падении торговли. К концу субботнего дня было продано три с половиной миллиона акций. В воскресенье «Таймс» сообщала о волне продаж.

* * *

На следующий день было продано уже шесть миллионов акций, но к концу дня положение на рынке стало улучшаться. Вторник показал дальнейшую стабилизацию. «Видите, – говорили вокруг, – все выправляется. Это был всего лишь небольшой спад. Скоро снова начнется рост».

Среда ознаменовалась новыми значительными потерями. Стоимость «синих фишек» – самых высокодоходных акций – падала вниз, словно гиришка отвеса. В четверг таких акций было уже почти тринадцать миллионов. К одиннадцати часам утра биржу охватила слепая паника. Даже Джесс Ливермор, снискавший славу «самого удачливого маклера с Уолл-стрит», всю продавал акции. Его поведение еще больше подхлестнуло панику. Перед биржей на Брод-стрит стала расти толпа перепуганных вкладчиков. Для их разгона пришлось вызывать полицию. В половине первого биржа закрылась.

В полдень несколько «подручных Бога» в лице самых крупных и влиятельных американских банкиров встретились и договорились о мерах по укреплению рынка. Паника начала стихать. Цены, несшиеся вниз, теперь столь же стремительно понеслись вверх.

По стране пронесся громкий вздох облегчения. Банкиры и биржевые маклеры продолжали уверять рядовых вкладчиков в фундаментальной устойчивости рынка. Крупные промышленники самоуверенно рассуждали о стабильности и процветании. В воскресных проповедях многие священники призывали паству извлечь урок из недавнего кризиса, к счастью быстро преодоленного, и вновь задуматься о духовных ценностях. Люди успокаивали друг друга, говорили, что у многих просто расшалились нервы, оттого и паника, а на самом деле это была буря в стакане воды. Но Лоренс Эллиотт, как и другие крупнейшие фигуры финансового мира, знал, что это не так. Подобно опытному шахматисту, он заранее вывел из-под удара все структуры своей компании и теперь, испытывая странное возбуждение, ждал дальнейшего развития событий.

* * *

В понедельник стоимость акций вновь начала падать, но оптимизм минувших дней позволил это стойко выдержать. Во вторник число продавцов акций на Уолл-стрит можно было сравнить с гигантской волной, накатывающей на пустынный берег. Акции никто не покупал.

* * *

В особняке Эллиотта на Пятой авеню Лоренс Эллиотт и Дюк Карлайл подняли бокалы за прозорливость Дюка и за спасение их обоих.

Глава 7

Сейчас он мог бы совершить убийство. Обстоятельства этому вполне способствовали. Он не помнил себя таким обозленным. И на Барти, и вообще на всех...

* * *

– Привет, Джайлз, – сказала она, поднимая голову от бумаг. – Что случилось? Вид у тебя жутко сердитый.

– Потому что я жутко сердит, – буркнул Джайлз.

– Почему? – уже не столь уверенно спросила Барти.

– Сейчас узнаешь почему. Потому что ты, Барти, частным образом пришла к моей матери с предложением, которое касалось издания книг. Ты сделала это не на редакторском собрании и не через обычные каналы и общепринятые процедуры...

– Боже мой, Джайлз! Откуда такой суконный язык? – Барти все еще думала, что он шутит. – Я и не подозревала о существовании в издательстве каких-то обычных каналов и общепринятых процедур.

– А стоило бы. Они действительно существуют.

– Но...

– И моя мать, ни с кем в издательстве не посоветовавшись, дает тебе свое согласие и предлагает заняться осуществлением твоих предложений. Твоим списком, который, как я понимаю, ты составляла единолично, тоже ни с кем не посоветовавшись...

– Боже мой! – Барти покраснела, ее большие глаза вспыхнули. – Джайлз, ты все не так понял.

– Неужели? Я так не думаю. Ты предлагала или не предлагала издать серию детективных романов?

– Да, предлагала. По весьма простой причине: детективные романы хорошо продаются. Романы Агаты Кристи расходятся... Даже не знаю, с чем сравнить скорость их продажи. Теперь и «Голланц» начал выпускать детективы. Мне показалось, что это хорошая идея.

– Но почему ты не спросила наше мнение: Генри, моего отца, ММ, мое, наконец? Наверное, спрашивать меня ты вообще сочла бесполезной тратой времени. В этом чертовом издательстве любое мое предложение воспринимают как поцелуй смерти.

– Джайлз, успокойся. Все было совсем не так, как тебе кажется. У нас с твоей матерью был разговор на уровне идеи.

– Надо же! И моя мать не предложила тебе обсудить твою идею с другими редакторами?

– В общем-то, нет. Пока рано что-либо обсуждать. Она просто предложила мне набросать план, подобрать авторов, прикинуть затраты, количество выпускаемых наименований, периодичность и так далее. И только.

– И только? Тебе поручают составить полный издательский график. Надо же, какой пустяк! И почему-то тебе одной, без консультаций с кем-либо.

Барти молчала, теребя листы корректуры на столе.

– Ну и как успехи? – спросил Джайлз. – Ты уже вся в новой работе? Воплощаешь свою идею? Составляешь собственный список?

– Джайлз, это вовсе не мой собственный список.

– А мне он видится именно таким, – сказал Джайлз. Дурацкое положение, в которое он себя поставил, полностью овладело им и теперь руководило его словами. – Ты же знаешь,

Барти, другим это не понравится. Эдгару, Генри. Они сразу увидят, что это такое на самом деле.

– И что же это такое на самом деле? – спросила Барти, и в ее голосе появилась странная интонация. Пожалуй, даже знакомая. Джайлз с ужасом подумал, что с такими интонациями говорит его мать. – Так расскажи, что они увидят?

– Отвратительный пример семейственности, – бросил он. – Фаворитизм. Ты всегда ходила у нее в любимчиках. Мать не уставала ставить тебя в пример и близняшкам, и мне. Говорила, какая ты старательная и трудолюбивая. А как она восхищалась твоими успехами в школе! Потом усердная ученица Барти выросла и превратилась в замечательного редактора: грамотного, инициативного. Я тебе скажу, почему она расточает все эти комплименты. Мать просто хочет доказать себе и окружающим, насколько она была права, как умно она поступила. Пусть другие говорят, что, забрав тебя от родной матери, она сделала непростительную ошибку. Ей важно доказать, что это была не ошибка, а благодеяние. Это было... – Джайлз умолк, сообразив наконец, что говорит.

Лицо Барти было совсем белым, глаза стали еще больше, а губы дрожали.

– Уходи, – сказала она. – Убирайся отсюда. Немедленно.

– Барти, я...

– Убирайся!

Джайлз вышел. Закрывая дверь, он увидел, что Барти спрятала лицо в ладонях. Она вдруг превратилась в маленькую несчастную девочку. Джайлза охватило запоздалое раскаяние. Оно отдалось болью во всем теле. Джайлз прошел к себе в кабинет, запер дверь на ключ. Что он наделал? И как он мог это сделать?

* * *

– Венеция, слушай. У меня сегодня был ну просто потрясающий телефонный разговор.

– С кем? С новым любовником?

– Увы, нет. Но он все равно чудо. Он был на вечеринке.

– У Друзиллы?

– Да. Он фотограф. Зовут Седрик. Седрик Рассел. Знала бы ты, сколько там было милых разговоров. Посплетничали, конечно. Я сказала, что нам, пожалуй, тоже стоит сделать прически, как у Друзиллы. А он ответил, что у нас был бы просто неотразимый вид. И еще он сказал, что хотел бы нас сфотографировать. С новыми прическами. Конечно, если мы их сделаем.

– Это будут снимки для «Вога»?

– Да. Ты же не откажешься сниматься, правда? Ты обязательно должна согласиться. Я от тебя не отстану.

– Делл, я себя отвратительно чувствую. Вялая и жутко уставшая. Похоже, я опять начинаю толстеть.

– Нет, Венеция, тебе это только кажется. Тогда ты выглядела просто удивительно. И выброси такие мысли из головы. Прошу тебя. Обязательно выброси.

* * *

Сначала был гневный возглас, донесшийся снизу. Его сменила длинная обличительная речь с редкими паузами, когда обвиняемый пытался защищаться или, по крайней мере, вставить слово. Затем громко хлопнула дверь, и наступила благословенная тишина.

Пандора приподнялась и перевернулась на бок, облегченно закрыв глаза. Но тишина длилась недолго. Дверь спальни распахнулась. Вошел Себастьян:

– Глупый, угрюмый невежда. Подумать только, кому я платил! Ему, этому тупице! Просто зла не хватает.

– Себастьян, – мягко сказала Пандора. – Себастьян, уверяю тебя, так ты не повесишь мое доверие к акушеру.

– Он больше не является твоим акушером. Кончилось его издевательство над нами. Гнать его надо в три шеи. Так я ему и сказал.

– Себастьян, это очень грубо с твоей стороны.

– Почему?

– Потому что я иного мнения о докторе Каванаге. Я прониклась к нему доверием. Помоему, он необычайно деликатный человек. Он умеет ободрить, обнадежить. И врач он очень знающий и опытный. Знал бы ты, у скольких нервных дам он принимал роды. И я хочу, чтобы он принимал роды у меня. Ты понял? Уж если на то пошло, то не он угрюмый, а ты.

– Ничего подобного. А если у меня испортилось настроение, так только из-за твоего стремления защищать этого шарлатана. Я правильно сделал, что его выгнал. Зачем дожидаться, когда он все испортит?

– Вот он-то как раз не испортит. Он сделает только лучше, – с непривычной для нее суровостью отчеканила Пандора. – Естественно, я нервничаю. Большинство женщин так себя ведут. Но я ценю, что он был честен со мной и не отделивался общими фразами. Он сразу сказал: скорее всего, роды будут тяжелыми, потому что плод большой, а я слишком маленькая и хрупкая. Он говорил, что из-за моего повышенного давления, возможно, придется стимулировать преждевременные роды. Поэтому доктор Каванаг считает, что мне необходимо рожать в клинике. Возможно, даже придется сделать кесарево сечение. И уж лучше я буду знать об этом и сумею морально подготовиться, чем выслушивать пустую успокоительную болтовню. От этих глупых слов я только сильнее нервничаю. Я с уважением отношусь к знаниям доктора Каванага и его опыту. Я была бы тебе крайне признательна, если бы ты немедленно позвонил ему и извинился за все свои грубости. А потом попросил бы его... если понадобится, стал бы его умолять и дальше оставаться моим акушером. Себастьян, мы не будем переезжать в Лондон, и потому я хочу, чтобы роды у меня принимал он. Просто глупо что-то менять, когда через два месяца мне рожать.

Себастьян нежно поцеловал ей руку:

– Прости, дорогая. Прости ради бога. Это все потому, что я очень боюсь за тебя. Мне больно видеть, как ты лежишь здесь, испытывая такие неудобства...

– Всего лишь неудобства, Себастьян, – раздраженно произнесла Пандора. – Это беременность, а не смертельная болезнь. Есть куда худшие состояния, чем целый день лежать в постели, читать и есть деликатесы, которые тебе готовят. Новый повар – просто чудо.

– Ну вот, я хоть что-то сделал правильно.

– Ты очень многое делаешь правильно, – сказала Пандора, приподнимаясь, чтобы поцеловать мужа.

– Боже мой, – прошептал Себастьян, запрокидывая голову. – Как жаль, что я не могу вместо тебя выносить этого ребенка.

– Да, это было бы здорово. Я бы согласилась. К сожалению, наука еще не продвинулась так далеко. А сейчас самым лучшим твоим поступком будет звонок доктору Каванагу. Должно быть, он уже вернулся в свой кабинет. Скажи ему, что я отказываюсь рожать без его помощи. Знаешь, пожалуй, я лучше напишу ему записку и ты ее отнесешь. Надеюсь, что еще не слишком поздно. А то ведь он уже сейчас может договариваться с другой пациенткой.

* * *

В тот день Барти не появилась на работе. Обуреваемый раскаянием, Джайлз несколько раз проходил мимо ее кабинета. Ему хотелось, чтобы она снова сидела за столом, возясь с корректурой. Хотелось увидеть ее торопливую улыбку, какой она награждала его, когда он заглядывал к ней в кабинет. Но увы, кабинет Барти по-прежнему пустовал.

– Мисс Миллер заболела, – сказал ему старший редактор Эдгар Грин, с легким раздражением наблюдая за хождениями Джайлза по коридору. – Кажется, у нее грипп.

Джайлз поплелся в свой кабинет и снова углубился в суммы доходов от зарубежных продаж, подсчетом которых занимался все утро, делая ошибку за ошибкой. К четырем часам он оставил это невыносимое занятие и поспешил на Рассел-сквер.

* * *

Адель сидела в гримерной фотостудии, разглядывая себя в зеркало, пока парикмахер трудился над ее волосами, создавая ряды аккуратных локонов. Точно такие же были у шикарной блондинки Друзиллы Уиттингстоун. Эту прическу Друзилла привезла из Парижа, от знаменитого парикмахера Антуана. Адель прислушивалась к словам журналистки из «Вога», обсуждавшей, какую косметику ей хотелось бы видеть на лицах близняшек.

– Побольше пудры. Помада темная. И пожалуйста, тени для век.

В углу на металлической стойке висели белые атласные платья. Адель поглядывала на них, думая, какое бы ей лучше подошло. Ею овладело странное ощущение, как будто она вернулась домой. Их с Венецией фотографировали постоянно, едва они появились на свет. Некоторые снимки делали известные фотографы. Помнится, когда им исполнилось восемнадцать, Сесил Битон сделал изумительную серию снимков. Тогда они только входили во взрослую жизнь. А светский фотограф Ленар снял их в строгих платьях, в которых они затем отправились во дворец и были представлены королю и королеве. Дороти Уилдинг запечатлела их в белых платьях, когда они собирались на бал к королеве Шарлотте.

Но сегодня все было по-другому. Сегодня это воспринималось не как развлечение, а как нечто более серьезное, похожее на работу. Сегодня главными были не Адель и Венеция, а их прически. Они должны были нравиться не самим себе, а парикмахеру Фабрису, трудившемуся над их волосами. И не только ему; в первую очередь – редактору отдела красоты, заказавшей снимки для страниц своего журнала. Естественно, и Седрику тоже – восхитительному, почти легендарному фотографу, снимавшему для журналов мод.

И хотя все, кто окружал близняшек, были очень добры и вежливы с ними, Адель чувствовала себя не столько Аделью Литтон, сколько предметом, позволяющим наилучшим образом продемонстрировать прическу и косметику. И ей это нравилось.

После парикмахерских кресел их усадили на высокие табуреты, поставив сзади белые экраны, и попросили подождать, пока Седрик объяснит ассистенту, как расположить громоздкие софиты. Сам он разглядывал сестер через объектив своего фотоаппарата.

Редактор отдела красоты заявила, что ей нужно освещение, которое давало бы очень высокий контраст.

– Седрик, это должно быть что-то вроде снимков Гerti Лоренс, сделанных Полом Танкреем. Мне нужен драматизм и высокое звучание.

Седрику редакторские пожелания не понравились. Он сказал, что свет будет устанавливать по своему усмотрению. Его упрямство не понравилось редактору отдела красоты. Она так и норовила заглянуть в объектив фотокамеры, но Седрик ей этого не разрешал. Чем ближе к полудню двигалось время, тем больше напрягался фотограф. Софиты светили

очень ярко. Адели становилось все жарче. Она боялась, что от пота ее лицо начнет блестеть. Бедняжка Венеция еще тяжелее переносила жару и уже дважды отпрашивалась в туалет. Нараставшее раздражение Седрика, невзирая на все его старания, выплеснулось наружу. Он накричал на парикмахера, заставив того снова поработать над локонами, а редактора отдела красоты заставил пудрить сестрам лица. Да, бедная Венеция. Только-только успела очухаться после рождения Генри и уже снова беременна...

– Так, девушки, а теперь сидите очень, очень спокойно. Выражение лица – серьезное. Пожалуйста, никаких улыбок, – сказал Седрик, нажимая кнопку спускового тросика фотокамеры. Он выпрямился и улыбнулся близняшкам. – Прекрасно, – сказал он. – Прекрасно и изысканно. Теперь прошу подготовиться ко второму снимку. Да, очень мило, вот так, а теперь...

Он сделал еще несколько снимков. Время тянулось еле-еле. Ассистент суеился возле камеры, убирая заснятые пластинки и вставляя новые. Он же без конца передвигал софиты. Парикмахер поправлял им локоны, редактор отдела красоты пудрила им носы и щеки. Седрик следил за всем этим через открытую заднюю стенку своего аппарата. Потом Венеция не выдержала. Извинившись, она сказала, что опять должна ненадолго отлучиться, сползла с табурета и удалилась в направлении гримерной. Адель чувствовала: Седрик близок к новому взрыву. Чтобы немного отвлечь фотографа, она в шутку спросила, а не поставить ли у них за спиной зеркало.

– Тогда бы мы еще раз удвоились.

– Удвоились? – переспросила редактор «Вога».

– Да. Это было бы...

– И вас бы уже стало не двое, а четверо, – сказал Седрик. – Интересный ход. Красота, усиленная отражением. Что ж, попробуем. Это подчеркнет красоту ваших причесок. Правда, не все, что мы видим глазами, в точности передается камерой. Но идея стоит усилий.

Венеция вернулась и тихо уселась на свой табурет. Склонив голову набок, Седрик всматривался в близняшек.

– У меня тут возникла идея, – извиняющимся тоном пояснила Адель. Она видела, что сестра заметно устала. – Поставить сзади нас зеркало. И тогда нас будет уже четверо.

Венеция недоуменно посмотрела на нее:

– Я что-то не понимаю. И боюсь. Нас только двое. И в этом весь смысл. Мы двойняшки, а не четверняшки.

– Увы, – усмехнулся Седрик. – Тогда бы в зеркале вас было восемь... Впрочем, если поставить два зеркала, тогда... Конечно, придется полностью переустанавливать свет. Майкл, Майкл! Идите сюда. У меня возникла новая идея. Фабрис, поправьте волосы нашим гостям. Начните с миссис Уорвик.

* * *

У Джайлза отлегло от сердца: дверь ему открыла сама Барти. Он был почти уверен, что нарвется на агрессивную Абби. На Барти был старый, изрядно поношенный свитер и длинная юбка. Лицо бледное, в глазах – никакого блеска.

– Здравствуй, – произнесла она.

– Здравствуй, Барти. Ты позволишь мне войти?

– Сомневаюсь, что тебе вообще стоило сюда приходить, – сказала она.

– Барти, прошу тебя. Я всего лишь... хочу попросить прощения.

– А разве для этого нужно было приходить?

– Нет, – смутился Джайлз. – Наверное, нет.

– Тогда зачем пришел?

Джайлз глотнул воздуха:

– Я... я невероятно виноват перед тобой. Мне даже не выразить, насколько виноват.

– Спасибо, что понимаешь.

– Пожалуйста, прости меня.

Она помолчала, потом сказала тихим, вежливым тоном:

– Сомневаюсь, что я смогу это сделать.

– Барти, ну пожалуйста... – Джайлза охватила паника. – Я понимаю, сколько ужасных гадостей я тебе наговорил. Все мои слова были мерзкими, но особенно... особенно о...

– Да. Особенно об этом.

– Но может, ты все-таки позволишь мне ненадолго войти? Барти, я вовсе не хотел тебя обидеть. Честное слово, у меня этого и в мыслях не было. Я говорил жестокие, ужасные слова, но лишь потому, что сам находился в подавленном состоянии.

– Знаю, – задумчиво ответила Барти, – но ты сказал правду. Я имею в виду не мой разговор с твоей матерью о выпуске детективных романов. Можно часами спорить, надо это было делать или нет. Но ведь ты сказал еще и о другом. И это правда. И теперь... я даже не знаю, смогу ли вообще вернуться в издательство. Особенно после того, как ты развернул передо мной всю картину.

В эту секунду Джайлз почувствовал, будто и он подхватил грипп. Он приложил руку ко лбу, стараясь успокоиться. В горле стоял ком, который он с усилием проглотил.

– Барти...

– Не надо, Джайлз. Не надо повторять, что ты имел в виду совсем не это. Имел или не имел, очень многие согласятся с тобой. Вероятно, кто-то где-то постоянно говорит то же, что и ты.

– Никто об этом не говорит. Клянусь тебе.

– Возможно, не напрямую, – вздохнула Барти. – Или не говорят тебе. Ведь ты один из Литтонов. – В ее устах эта фамилия прозвучала с насмешливо-презрительным оттенком. – Но ты сказал правду, потому-то мне сейчас так худо. Ты заставил меня увидеть то, чего я старалась не замечать. То, что я социальный эксперимент леди Селии Литтон. И какой удачный эксперимент. Какое благотворное влияние он оказал на мою жизнь. – У нее вдруг дрогнули губы. Глаза наполнились слезами. Она всхлипнула и посмотрела на него. – И каково мне сознавать себя предметом этого эксперимента?.. Джайлз, мне не хочется дальше разговаривать. Прошу тебя, уходи.

Джайлз ушел. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным.

* * *

– Как здорово мы все это придумали. – Адель радостно улыбалась.

Седрик держал ее за руку. Измученная Венеция уехала домой. Съемки заняли почти весь день.

– Рад, что вы придерживаетесь такого мнения, – отозвался Седрик и тоже улыбнулся.

Фотографии были сделаны и увезены редактором отдела красоты. Теперь ничто не мешало Седрику еще раз насладиться солнечным очарованием Адели. Сейчас она была такой же, как на вечеринке у Друзиллы.

– Большинство женщин, которых мне приходится фотографировать, скучают и нервничают. Вы обе проявили чудеса терпения. Зеркала – замечательная идея.

– Вы так всерьез подумали?

– Совершенно серьезно.

– Знаете, мне здесь очень понравилось. Наверное, вы чаще снимаете профессиональных фотомоделей. Вы умеете сделать так, чтобы те, кого вы фотографируете, не уставали и не падали с табуретов.

– Иногда, – сказал Седрик, вставляя сигарету в длинный черный мундштук. – Но вы бы знали, каких трудов мне стоит добиться правильного выражения лица, правильного взгляда. Наконец, найти подходящую девушку. Конечно, есть профессиональные фотомодели. Но у многих, очень у многих из них скучные, заурядные лица. Когда возможно, я предпочитаю фотографировать не их, а девушек, наделенных естественной красотой. Таких, как вы. – Фотограф снова улыбнулся. – Конечно, для больших фотосессий, где демонстрируются моды, мы стремимся пользоваться услугами профессиональных моделей.

– И где же вы их находите? На вечеринках, балах, приемах?

– Нет. Обычно они приходят к нам по рекомендациям журнальных редакторов. Редакторы их знают, постоянно видят на показах мод. Но очень часто эти девушки совсем не фотогеничны. Иногда мы приглашаем молодых актрис. С ними бывает интересно работать. Словом, приходится тратить уйму времени, прежде чем найдешь нужное лицо. И конечно, немалую роль играет умело подобранный реквизит.

– Реквизит?

– Да. Вроде сегодняшних зеркал. Нам повезло, что в моем ателье есть зеркала. Но так бывает далеко не всегда. Мне нравится заполнять мои снимки всевозможными предметами: столиками, вазами, цветами. Иногда очень к месту оказывается пепельница или лампа. Все это делает снимок интереснее. У него появляется характер. Завтра у меня опять будет съемка. Придется повозиться с волосами. Боюсь, что у той девушки они не такие роскошные, как у вас. И потом, мне нужна... статуэтка. Достаточно небольшая, но очень своеобразная. Ее я поставлю на столик, рядом с моделью. Волосы у девушки будут прямыми, сильно отличающимися от ваших. Статуэтка должна быть ее эхом. А я до сих пор так и не собрался отправиться на поиски этой штучки. С вашего позволения, я сделаю это сейчас.

– Не торопитесь. – Адель одалила его улыбкой. – У меня есть именно то, что вам нужно. Во всяком случае, я так думаю. Бронзовая статуэтка Чипаруса²³. Ну что, я попала в точку? – торжествуя спросила Адель. – Завтра же вам ее привезу. Или даже сегодня, если вы...

– Моя дражайшая Адель, – расцвел Седрик Рассел, – ваше сегодняшнее появление оказалось не просто удачной съемкой. Похоже, само провидение послало вас мне. Я с радостью воспользуюсь вашим предложением и вашей статуэткой. Но не сегодня. Знаете, очень не хочется оставлять на ночь в ателье чужие вещи, да еще такие ценные. И потом, понравится ли вашим родителям, что вы заберите из дому их вещь, пусть и на время? Мое имя им ничего не говорит.

– Не беспокойтесь, – непринужденно возразила Адель. – Родители не станут возражать. Ни капельки. Статуэтка стоит в одной из наших гостиных. К ней так привыкли, что даже не обращают на нее внимания. Завтра я вам ее привезу. И не ищите ничего другого.

* * *

Адель гнала машину, торопясь поскорее попасть домой. События прошедшего дня по-прежнему держали ее в радостном волнении. Приехав, она взбежала на второй этаж и открыла дверь гостиной, где находилась статуэтка – изумительная фигурка из бронзы и слоновой кости, изображающая девушку в облегающем костюме и шляпе-«колокол». Казалось,

²³ Деметр Чипарус (1888–1947) – французский скульптор румынского происхождения, крупнейший скульптор эпохи ар-деко.

скульптор остановил время и запечатлел ее в танцевальном па. Адель щелкнула выключателем, подошла к столику, где стояла статуэтка, и сказала, разговаривая сама с собой:

– Да. То, что надо. Ты там будешь выглядеть очень эффектно.

За спиной раздалось покашливание. Адель обернулась и увидела Джайлза.

– Боже мой! Чего это ты тут сидишь впотьмах? Почему не умножаешь состояние издательского дома «Литтонс»?

– Черта с два я способен умножить их состояние, – мрачно ответил Джайлз. – Оно умножится, даже если я не буду соваться в издательские дела.

– Прости, Джайлз. – Адель с сочувствием поглядела на брата. – А здесь тебе лучше?

– Нет, ничуть, – произнес он. – Совсем нет.

Он вдруг спрятал лицо в ладонях. Испуганная Адель подбежала к нему и обняла за плечи:

– Джайлз! Бедный ты наш мальчик. Что у тебя стряслось?

– Этого я тебе сказать не могу. Не могу, и все.

– Можешь. Что бы ни случилось. Я же твоя сестра. Помнишь, сколько всего я тебе рассказывала? И про мисс Дэвис, которая сидела в туалете, а я видела ее сквозь щель в двери. И про мамини с папой разговоры на разные темы. И хвасталась, как издевалась над Барти, пока Нэнни не видела.

Джайлз болезненно поморщился:

– Прошу тебя, только не надо про издевательства над Барти.

– Ну, это дело прошлое. А раньше мы обе доводили Барти. Зато сейчас у нее все в порядке. Пожалуй, она счастливее многих из нас.

– Ошибаешься, – возразил Джайлз. – У нее совсем не все в порядке. Даже и близко нет. А виноват в этом только я.

Адель взглянула на брата и потребовала:

– Давай выкладывай все как есть.

* * *

«Боже, он вернулся», – подумала Барти. Это мог быть только Джайлз. Абби уже заходила, пыталась утешить ее, потом ушла, сказав, что собирается с родителями в театр. Кто еще может прийти в такое время? Уже почти восемь вечера. Поздновато для визитов. Она решила не открывать, но звонок зазвенел снова. Звонивший долго держал палец на кнопке. Если трезвон не прекратится, у нее могут быть неприятности с квартирной хозяйкой. Вздыхнув, Барти пошла вниз открывать.

– Зачем ты пришел? – спросила она, чуть приоткрыв дверь. – Я тебе все сказала. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Но перед нею был не Джайлз, а Адель.

Они молча поднялись наверх.

– А миленькая у тебя квартирка, – улыбаясь, сказала Адель, снимая перчатки, а затем пальто и шляпу.

– Спасибо, Адель. Не сочти меня грубой, но я ужасно устала и...

– Не волнуйся, я ненадолго. Обещаю. Джайлз не знает, что я поехала к тебе. Он бы меня убил, если бы узнал. Хочешь сигарету?

Барти покачала головой и принесла из кухни пепельницу.

– Послушай. – Адель глубоко затянулась и выпустила облако дыма. – Я знаю, что Джайлз тебе сказал. Гадко с его стороны. Очень гадко.

– Ты всерьез так думаешь?

– Да. Всерьез.

– Но он сказал правду.

– Сомневаюсь, – бодро возразила Адель.

– Как это понимать?

– Барти, не надо быть такой... такой обидчивой. Никто там не шепчется по углам, не говорит, что твои дела потому и идут так успешно, что мама взяла тебя под свое крылышко и трясется над тобой. – (Барти вздрогнула, но промолчала.) – Уж лучше бы шептались. Это бы чуточку сбило с нас спесь.

– Я что-то не понимаю, о чем ты говоришь.

– Пойми, в издательстве не думают, будто твои успехи связаны с тем, что ты мамина протеже. Никто так не думает. Там знают: у тебя все здорово получается, потому что ты умна и работаешь, не жалея сил. В «Литтонс» нужно постоянно доказывать, что ты чего-то стоишь. Потому я туда и не рвусь. Вот тогда бы там точно начались сплетни. В издательстве к тебе такое же отношение, как было в Оксфорде. Ведь тамошняя ученая свора дала тебе диплом с отличием за твои мозги и усердие, а не потому, что ты... Надеюсь, ты понимаешь, что я имела в виду.

Барти молчала.

– Послушай, – продолжала Адель, наклоняясь вперед. – Мне не следовало говорить тебе все это. Но подумай, каково сейчас Джайлзу. Ты же сама знаешь: его дела в издательстве не ах. Представляешь, как больно ему видеть, что ты там настоящая звезда?

– Я вовсе не звезда, – нервно возразила Барти.

– Ну, тогда звездочка. Работаешь без нареканий, полная голова идей.

– Но...

– Барти, пожалуйста, ну не будь дурой. Не захлопывай дверь у Джайлза перед носом. Он себе места не находит. А ведь он просто обожает тебя.

– Что-то я в этом очень сомневаюсь, – с трудом улыбнулась Барти.

– Зря сомневаешься. Слышала бы ты, что по этому поводу сказала Мод. Она считает, что он в тебя влюблен.

– Адель, да перестань! Это же смешно.

– Знаю. Мод – очень романтическая особа. Но в чем-то она права. Ты очень нравишься Джайлзу. Пойми: его все время бьют по самолюбию. Барти, мама третирует его не только на работе, но и дома. Он сорвался на тебе, потому что ему было совсем тошно.

– Адель, а ты действительно приехала ко мне, не обсудив этот разговор с Джайлзом? – спросила Барти, недоверчиво глядя на нее.

– С чего ты взяла? Нет, конечно. Думаешь, я могла бы сказать Джайлзу все то, что говорю тебе? Но ему сейчас паршиво... В общем, мне пора. – Адель встала, взяла пальто. – Тут такое дело... Венеция себя плоховато чувствует. Опять она брюхатенькая, бедняжка. – Адель посмотрела на Барти и, помешкав, добавила: – Я знаю: должно быть, это трудно – быть на твоём месте... учитывая обстоятельства. Но иногда, при тех же обстоятельствах, быть на нашем месте еще тяжелее. Подумай об этом, Барти. Спокойной ночи.

Барти стояла, глядя вслед уехавшей машине. Она вспоминала другое время, теперь уже далекое. Время, когда близняшки были неправдоподобно добры к ней и заботливы. Это было, когда ее отца убили на войне. Помнится, тогда ее очень тронула столь неожиданная перемена в их отношении. Похоже, история повторялась.

* * *

На следующий день, придя на работу, Джайлз прошел мимо кабинета Барти, надеясь, что она там. Кабинет был пуст. Вдохнув, Джайлз отправился в свой кабинет и шумно захлопнул дверь.

Где-то через час, когда он уже погрузился в работу, раздался негромкий стук в дверь. Джайлз поднял голову и увидел Барту. Она была бледная и очень серьезная, но ее глаза глядели мягче и дружелюбнее.

– Привет.

– Привет, Барти, – осторожно ответил Джайлз.

– Я подумала... может, сходим вместе на ланч. Там и поговорим, – предложила она.

– С удовольствием, – сказал он. – Это было бы великолепно, но не могу. Прости меня, ради бога. Мне скоро ехать с отцом к печатникам. Надо же...

Она улыбнулась, и вдруг он увидел перед собой прежнюю Барти: теплую, дружелюбную, веселую.

– Да не смотри ты так трагично. Это еще не конец света. Давай завтра.

– Нет, лучше сегодня, – возразил Джайлз. – А что, если я... приглашу тебя на ужин?

– Если к тому времени ты освободишься, я не против. Думаю, мы неплохо проведем время.

* * *

Утром Адель привезла в ателье Седрика обещанную статуэтку. Атмосфера показалась ей еще напряженнее, чем вчера. Похоже, сегодня здесь шла настоящая война между редактором отдела красоты и парикмахером. Редактор требовала сделать модели пробор. Парикмахер отказывался. Модель – одна из актрис, о которых вчера говорил Седрик, – сидела надувшись. Фотограф чуть не плакал. Он так обрадовался приезду Адели, что даже обнял ее и поцеловал:

– Как я рад, что вы приехали. Ой, какая дивная вещица. Именно то, что мне и хотелось. Идемте, поставим ее на стол и, пока в гримерной идет бой, поищем для нее наиболее удачный ракурс.

Он повел Адель в ателье, где уже стоял круглый столик с резными ножками, накрытый бархатной скатертью, а рядом – низкий стул. Седрик поставил статуэтку. Оба внимательно пригляделись.

– Отлично, – одобрил Седрик. – Почти отлично. Вы не находите? – Он помолчал и добавил: – Вот только...

– Только что?

– Только стол не совсем подходит. Я лишь сейчас это понял. Он не годится для вашей статуэтки. Слишком...

– Тяжелый? Темный?

– Вот-вот. Этой бронзовой девушке требуется что-то светлое. Возможно, стекло.

– Стекло и хром?

– Да. Совершенно верно. Только вряд ли в другой гостиной вашего дома стоит нужный мне столик.

– Увы, – вздохнула Адель. – У нас дома таких точно нет. Зато есть у моей сестры. Стекло и хром. Он даже меньше этого. Я попрошу у нее для съемки.

– Вы уверены, что она согласится?

– Абсолютно. Я сейчас же поеду. Столик влезет в мою машину. Я вернусь раньше...

– Раньше, чем кончится война в гримерной?

– Гораздо раньше, – со смехом пообещала Адель.

* * *

Когда Адель приехала на Беркли-сквер, Венеции дома не оказалось. Дворецкий провел ее в гостиную – просторную, удивительно красивую комнату, настоящую симфонию белизны и хрома. Для обустройства гостиной Бой пригласил ультрамодного декоратора, лорда Джеральда Уэллсли. Тот покрыл все стены и потолок листовым серебром, а каминную вытяжку – зеркальными квадратами. Вся мебель была исключительно современной: белые кожаные диваны, стеклянные столы с хромированными ножками, изумительной красоты шкаф из клена, трубчатые светильники, тоже отливающие хромом. На стене висел портрет Венеции, написанный Рексом Уистлером. Художник изобразил ее в белом атласном платье на фоне неправдоподобно зеленого леса. В одном из углов стоял белый рояль, на котором Бой любил после обеда поиграть джаз. Играл он весьма хорошо. На рояле стоял набросок углем, тоже, кстати, умело сделанный: Венеция, нежно глядящая на новорожденного Генри. Рисование углем было одним из недавних увлечений Боя. Он нарисовал Кита и подарил Селии.

– Венеция у портнихи. Заказывает очередное грандиозное платье, – сказал Бой, входя в гостиную. – Во всяком случае, я так понял. Чем могу служить?

– Дай мне напрокат маленький стеклянный столик, – выпалила Адель.

– Столик? Никак на Литтонов обрушились столь сильные финансовые беды, что тебя послали просить мебель во временное пользование?

Адель захихикала. Ей очень многое не нравилось в Бое, но в остроумии ему не откажешь.

– Нет. С Литтонами пока все в порядке. А стол понадобился не мне. Фотографу, у которого мы с Венецией были вчера. Круглый столик на хромированных ножках. Например, тот, у окна. – Она махнула рукой. – Всего на несколько часов. Сегодня же и верну.

– Сомневаюсь, что мне хочется помогать этому фотографу, – сказал Бой. – Венеция вчера вернулась чуть живая.

– Это я виновата, – призналась Адель. – Все закончилось бы раньше, но потом мне в голову стали приходить разные идеи. Ну, как можно еще обыграть интерьер. Вот мы и задержались.

– А сегодня ты носишься по Лондону, выискивая для него реквизит? Уж не крутит ли тобой этот джентльмен?

– Нет, конечно.

– Зря. Таких искренних помощниц еще надо поискать. Ладно, это твое дело. Столик я тебе одолжу. Но на чем ты его повезешь?

– На своей машине.

– В твою игрушку он не влезет. Я отвезу на своей. Знаешь, мне вдруг стало любопытно. Хочу познакомиться с этим фотографом. Он обладает великим даром убеждения.

* * *

Через полчаса Бой уже втаскивал столик в ателье Седрика Рассела, не преминув заявить, что фотограф должен заплатить ему и Адели за работу.

– Я слышал, Адель и вчера вам помогала.

– Не то слово, – ответил Седрик. – Она мне вчера очень помогла.

– Тогда тем более, талант не должен оставаться неознагражденным. – Бой подмигнул Адели. – Не буду вам мешать. Я потом пришлю машину забрать стол. Когда закончишь, можешь позвонить Венеции. Пока, дорогая.

Бой наградил Адель торопливым поцелуем, помахал рукой фотографу и исчез.

– Какой очаровательный человек, – заметил Седрик.

– Бывает, – усмехнулась Адель.

– Он явно в большом восторге от вас.

– Он в большом восторге от себя самого, – поправила Адель.

– Понимаю, – улынулся Седрик. – Что ж, это совсем неплохая черта. Нам всем нужно придерживаться своих стандартов. А сейчас – возвращаемся к работе. – Он поставил статуэтку на стеклянный столик, отошел и удовлетворенно хлопнул в ладоши. – Замечательно. Просто замечательно. Пожалуйста, не уходите. Возможно, мне снова понадобится ваша помощь.

– Я никуда не тороплюсь, – сказала Адель. – Я обожаю вам помогать. Это такое удовольствие.

Седрик задумчиво посмотрел на нее:

– А вам не хотелось бы продолжить это удовольствие? Уже на более регулярной основе?

– Вы предлагаете мне работу? – напрямую спросила Адель, глядя ему в глаза.

– Нет, было бы вульгарным предлагать вам работу. Давайте назовем это... поручением. Когда мне понадобится что-то из реквизита, я попрошу вас мне это найти. Время от времени. И за это я буду вам платить. Что бы вы сказали об этом?

– Я бы все-таки назвала это работой. И сказала бы вам «да».

* * *

– Это был дивный вечер, – сказала Барти. – Большое тебе спасибо, Джайлз. И место очень милое.

– Я рад, что тебе здесь нравится. Мне тоже. Нет этой модной шумихи.

– Да. – Барти улыбнулась ему.

Сегодня она была очень довольна собой. Ее чувство удовлетворенности не в последнюю очередь проистекало от нового, будоражащего ощущения уверенности в себе. Собираясь сюда, она постоянно слышала внутри голос Адели, сказавшей, что Джайлз ее «просто обожает». И еще: «Мод считает, что он в тебя влюблен». Конечно, это было далеко не так, и Барти сочла слова Адели обычной болтовней близняшек. Но ведь и она сама замечала, что нравится Джайлзу. Он ценил ее общество. Теперь же, получив неожиданное подтверждение из уст Адели, Барти увидела себя совсем в ином свете: привлекательной, умеющей владеть собой.

Она даже позволила себе ненадолго предаться фантазиям. Допустим, Мод оказалась права: Джайлз ее любит, а она отвечает ему взаимностью. Вот была бы ирония! Потом ее мысли переместились к Селии – как та отреагировала бы, узнав об этом, и какие шаги предприняла бы. Даже на уровне фантазии Барти стало не по себе. К счастью, ей было не о чем волноваться. Да, она очень симпатизировала Джайлзу, однако ее чувства к нему не назывались любовью. И сексуального влечения к нему у нее тоже не было. Пусть она все еще оставалась девственницей, но она знала, какие ощущения вызывает зов плоти. Джайлз не вызовет у нее таких ощущений и через сто лет. Он был и навсегда останется одним из лучших ее друзей, кому она может излить душу. Поэтому ей вовсе не хотелось, чтобы он становился ее любовником. Тем не менее ей было приятно сознавать, что она ему так сильно нравится.

Его извинения она прервала быстро и не без обаяния, заявив, что в его упреках достаточно оснований. Да, она переоценила себя и сказала, что теперь сожалеет о разговоре с Селией и о своей идее выпуска детективных романов, поданных столь «экзотическим» образом. Больше они на эту тему не говорили. Нашлось достаточно тем, чтобы поболтать и посмеяться. Были и темы, которые отнюдь не вызывали смеха: Великая депрессия и необы-

валый рост безработицы. Когда Джайлз простился с нею у двери ее дома на Рассел-сквер, Бартти слегка поцеловала его, пожелала спокойной ночи и пошла наверх. Спать она леглась, чувствуя себя необычайно счастливой.

Глава 8

«Где и можно увидеть любовь, – часто думала Барти, – так это в доме Пандоры, когда они с Себастьяном вместе, в ее комнате». Нынешней весной эта комната стала основным обиталищем Пандоры. Барти тоже проводила здесь немало времени. Она любила Пандору, а Себастьяна обожала с детства. Оба говорили ей, что из всех гостей она самая желанная. Теперь, когда беременность Пандоры приближалась к заветной черте, Барти приезжала к ним довольно рано. Иногда к ланчу. Оливер охотно отпускал ее с работы.

– Ты делаешь приятное не только им, но и мне, – говорил он. – Я знаю: Себастьян беспокоится за жену и за свою работу. Когда ты у них, Пандора счастлива, а он может уйти в кабинет и работать, не испытывая беспокойства или чувства вины. Если хочешь, возьми с собой корректуру и работай в их доме. Пойми, Барти, это ведь ненадолго, а я буду тебе очень признателен.

Барти ответила, что она ничуть не против такого предложения. А вот Селия, как ей показалось, была очень даже против, хотя на словах все отрицала.

Комната Пандоры находилась на первом этаже. Будущая мать упорно именovala ее домом Себастьяна в Примроуз-Хилл. Погода была на редкость солнечной и теплой, и очень часто французские окна, выходящие в сад и увешанные горшками с глициниями, не закрывались весь день. В комнате было много и других цветов. Себастьян считал это своей миссией, тем немногим, чем он мог скрасить нынешнюю жизнь Пандоры. Не менее трех раз в неделю ей привозили большие букеты белых тюльпанов, нарциссов и ландышей. Цветы стояли в вазах, банках и кувшинах везде, где только находилось для них место.

Комната эта была не спальней, а большой гостиной с очень красивым камином. Сюда перенесли просторную двуспальную кровать, потеснив несколько столиков и пару массивных стульев эпохи английского ампира. Стены украшали любимые викторианские акварели Пандоры, изображавшие сельские пейзажи. Обычно Себастьян располагался рядом в шезлонге и читал жене, нередко и ночью, когда той не спалось. Иногда он просто лежал, держа ее за руку, разговаривая и споря с нею. Они обожали спорить. Себастьян любил пересказывать Пандоре сплетни, услышанные от друзей в клубе «Гаррик», куда он по-прежнему навещался два-три раза в неделю. Пандора сама настаивала на этом.

Себастьян был счастлив просто находиться рядом с женой: беседовать, негромко читать, слушать концерт по радио или просто сидеть и держать ее за руку.

Барти до сих пор удивлялась перемене, произошедшей с Себастьяном минувшим летом. Он научился быть спокойным и не взрываться от каждого слова жены, научился обуздывать свою нервозность и нетерпение. Барти искренне смеялась, когда Себастьян слегка посетовал, что приходящая уборщица, наводя порядок в его кабинете, вытерла стол и смешала листы, написанные сегодня, со вчерашними. Прежде для него это было бы преступлением, равносильным убийству.

– Но потом я вернусь к своим прежним привычкам, дорогая, – говорил он Барти. – Когда эта зверюшка родится и Пандора снова станет моей, я немедленно прекращу быть хорошим.

Почему-то Себастьян называл будущего ребенка зверюшкой, за что ему сильно доставалось от Пандоры. В ответ он лишь улыбался и говорил, что у него нет другого названия для существа, доставляющего столько страданий его жене.

* * *

А Пандора действительно страдала, причем сильно. Плод был очень крупным для ее миниатюрного организма. Любое занятие, даже самое легкое, через несколько минут вызывало у нее скачок кровяного давления, и у нее распухали руки и ноги. Она не могла спать. В довершение ко всем этим бедам тело Пандоры покрылось сыпью, донимавшей ее, особенно ночью. И все же Пандора не теряла присутствия духа. У нее была карточка-календарь, где она помечала оставшиеся дни беременности.

– По крайней мере, я знаю, что двадцатое мая – предельный срок. Если я не рожу до этого дня, доктор прибегнет к стимуляции... Барті, дорогая, передайте мне эти подушки. Мои двухчасовые.

С течением дня количество подушек возрастало, поскольку возрастал и дискомфорт, испытываемый Пандорой.

– Это нужно просто принять, – говорила она. – Я так хочу этого ребенка. Он ведь останется со мной на всю жизнь, а несколько ужасных месяцев беременности – просто пустяк. Они потом забудутся. Если честно, мне думается, что Себастьян страдает сильнее, чем я.

* * *

– И ты называешь это работой? – спросила Селия.

Ее тон и выражение лица были на редкость презрительными.

– Да, – ответила матери Адель. – Я называю это работой.

– Бегать по Лондону и выклянчивать разные вещи?

– Не разные, а нужные. И не выклянчивать, а брать напрокат.

– Так. Адель, ты получила очень хорошее образование. Конечно, не настолько хорошее, как должна бы, поскольку решила не поступать в университет. Но ты училась в прекрасной школе и окончила ее с прекрасными оценками. Ты очень смышленная девушка. И теперь ты хочешь посвятить всю жизнь выполнению прихотей какого-то... какого-то фотографа?

* * *

– Представляешь, у нее слово «фотограф» прозвучало совсем как «порнограф». – Адель со смехом пересказывала Венеции свой разговор с матерью. – Рассердилась она на меня до жути, – с оттенком самодовольства добавила Адель. – А я ей говорю: да, я хочу этим заниматься. Только это не прихоти, а творческие поручения. Возможно, потом я найду себе какое-нибудь другое занятие. А она презрительно фыркнула, бросила мне, что они с папой очень недовольны, что я выросла такой, и ушла.

– А что было потом?

– Ничего особенного. В конце концов, это моя жизнь. Я знаю, у меня все здорово получится. К завтрашнему дню мне нужно найти целую грудку чемоданов от Виттона и полосатую ткань. Идея, кстати, была моя. У Ноэля Кауарда в его ателье такая же, поэтому...

– Поэтому тебе, видно, придется попотеть, – заметила Венеция.

– Ничуть. Нужно лишь немного пошевелить мозгами. Магазин Виттона охотно даст чемоданы напрокат, потому что журнал... Я говорю про «Харперс базар»...

– Обожаю «Харперс». Думаю, там это будет потрясающе смотреться.

– Вот и я о том же. В любом случае им это только на руку. Под фото будет написано: «Чемоданы от Виттона». А ткань можно будет добыть в «Суон и Эдгар». Мне придется немного их поугovarивать.

– Если хочешь знать мое мнение – это чертовски умно с твоей стороны! – воскликнула Венеция.

– Тут не столько ум, сколько, как говорит Седрик, «иметь глаз», – возразила Адель. – А у нас с ним глаз одинаковый. Нам нравятся одни и те же вещи. И это станет основанием моей работы. Постучи по дереву. Понимаешь, если для съемки он просит меня достать цветы и говорит, каким будет интерьер, то я уже точно знаю, какие цветы ему привезти.

– И ты всерьез собираешься на него работать?

– Нет, конечно. То есть какое-то время. Но я надеюсь, что моя известность быстро вырастет. Ведь не знаешь, как распространяется слава о тебе.

– Уверена, ты быстро добьешься успеха.

– Во всяком случае, я нахожусь в потоке настоящей светской жизни. Мне всегда ужасно хотелось знакомиться с людьми. Иногда попадаются просто потрясающие экземпляры. Я тут недавно встречалась с Сибил Коулфлекс. Спрашивала у нее совета насчет обоев. Мы же с ней целую вечность не виделись. У нее потрясающие работы. Она сотрудничает с этим милашкой Джоном Фаулером... В общем, для меня это новое дело. Девушка делает себе карьеру. Поскольку никаких перспективных мужей на горизонте не наблюдается и...

– Может, ты выйдешь за Седрика, – смеясь, предположила Венеция. – Он ведь явно тебя обожает.

– Феи замуж не выходят.

– Некоторые выходят.

– Вряд ли за Седрика. Он вообще не намерен на ком-либо жениться. Он просто любит развлекаться. А теперь слушай...

– Знаешь, женитьба на тебе была бы отличным развлечением. Хотела бы я на это посмотреть, – сказала Венеция. Она улыбалась, но глаза у нее оставались печальными.

* * *

Она не была счастлива. Фактически она почти забыла, что это такое. Она посмотрела правде в глаза, хотя и не до конца смирилась с этой правдой: да, Бой совсем к ней охладел. Она со страхом думала, что он ей изменяет. Внешне в его поведении ничто не изменилось. Бой оставался тактичным и внимательным. А его отцовская забота о Генри вообще была выше всяких похвал. Уж если на то пошло, многие ли отцы старались обязательно присутствовать при ежевечернем купании своих чад и умели поменять подгузник? Это отчасти утешало Венецию, но не избавляло от острого чувства неудовлетворенности. Она была не совсем уверена, продолжает ли сама любить Боя. Она по-прежнему восхищалась им, хотя чувство сумасшедшей влюбленности уже прошло.

Конечно, общего между ними было мало. Венеция давно поняла: Бой – настоящий интеллект. Он читал почти все, что появлялось. Он обожал музыку, в особенности оперу. Он живо интересовался и очень хорошо разбирался в современной живописи. Иногда он приглашал к себе художников. Венеции они казались скучными. Сыпали мудреными, непонятными ей словечками, говорили о вещах, о которых она не имела и отдаленного представления.

И в интимных отношениях с мужем у Венеции не было полной ясности. Поначалу ей было не насытиться сексом с Боем. Опытный, неутомимый, в постели он был нежным и проявлял чудеса изобретательности. Даже сейчас, когда она позволяла близость, Бой мог вознести ее на вершины наслаждения. Но такие моменты были редки. Лежа с мужем, Венеция

ощущала незримое присутствие его любовницы. Возможно, даже нескольких. Это унижало ее и гасило желания. Ей все больше нравилось спать одной.

Счастливым такое состояние никак не назовешь. Но Венеция и сама толком не знала, чего же она хочет. Новая беременность лишь усугубляла разброд в ее мыслях. Венецию шатало между желанием сохранить статус-кво и продолжать вести роскошный, беззаботный образ жизни, когда у нее самой есть определенное положение в обществе, а у ее детей – надежная крыша над головой, и желанием вырваться из этого унижительного и безрадостного существования, в которое превратился ее брак.

Венеция часто думала, что, если бы не Генри и не Адель, она бы наверняка сошла с ума.

* * *

Абби нашла себе новую работу.

– Это гораздо лучше, чем учить сопливых девчонок с одинаковыми кудряшками и такими же одинаковыми, тупыми, ограниченными няньками, – заявила она Барти.

Правда, новым местом работы ее подруги была не привилегированная женская школа, о которой та мечтала, а начальная школа в Брикстоне.

– Там, конечно, все будет по-другому, причем в худшую сторону. Самое ужасное – никто из этих ребят никогда не держал книжек в руках. Я уже не говорю об их умении читать. Директриса сказала, что блохи и гниды не редкость. И знаешь, что еще она добавила? Я должна научиться отличать, какие ссадины мальчишка заработал, упав на игровой площадке, а какие оставил отцовский ремень.

Барти молчала. Одним из самых ранних ее воспоминаний был отцовский ремень, пляшущий по спинам и задам ее братьев. Ее саму мать била тяжелыми деревянными щипцами, которыми в другое время вытаскивала белье из бака, где оно кипятилось. Такое случалось редко. Сильвия распускала руки лишь от отчаяния. Но именно это в конечном итоге привело Барти в дом на Чейни-уок и сделало воспитанницей Литтонов.

– С другой стороны, это изумительное место. Совсем близко от дома, и мне оно чем-то нравится. Меня давно интересовали дети из этого социального слоя. Они все растут в громадной семье под названием «улица». Естественно, никто там с них пылинки не сдувает. Но попадаются очень смысленные ребята. Некоторые из них действительно хотят учиться. Барти, мне просто не терпится взяться за эту работу.

* * *

Барти рассказала Селии о новой работе своей подруги и обрисовала положение, в котором находится тамошняя школа. Как она и ожидала, Селия отнеслась к этому с искренним интересом и тут же предложила отправить в школу объемистый ящик с книгами.

– Если твоей подруге еще понадобятся книги, пусть обращается без стеснения.

Абби это удивило.

– Я же тебе говорила: леди Селия – очень добрая и щедрая женщина.

– Похоже, что так. Я должна написать ей благодарственное письмо.

– Ты лучше сама приди к ней и поблагодари, – предложила Барти. – Селия это любит. Но должна тебя предупредить: в разговоре с нею ты не заметишь, как согласишься написать книгу о своем опыте учительской работы в школе для бедняков.

Абби задумалась.

– Знаешь, совсем неплохая затея. Если эта леди Селия и в самом деле такая, какой ты ее живописуешь, я буду рада с нею познакомиться. Интересно взглянуть на удивительного человека.

– Скажем так: частично удивительного, – засмеялась Барти. – Но не целиком. В последнее время она пребывает в отвратительном настроении. Постоянно ругается с бедным Себастьяном. Кричит, что он срывает сроки.

– Сомневаюсь, что мои новые ученики вообще слышали о «Меридиане», – сказала Абби.

– Даже если не слышали, уверена, Себастьян не откажется прислать тебе несколько экземпляров своих книг. Может, даже приедет и устроит беседу с юными читателями. Дети обожают такие беседы. Я бывала на нескольких. Себастьян умеет сделать книгу живой. У него чтение превращается в своеобразный спектакль. Когда он рассказывает о летающих рыбах, о подводных лошадях или детях-королях, такое ощущение, будто все они перед тобой.

– Надо же, как интересно, – сказала Абби. – Ты всерьез считаешь, что он мог бы приехать в нашу школу?

– Если я его попрошу, то приедет, – ответила Барти. – Но только после того, как родится их ребенок. Сейчас он весь в тревогах за Пандору и ни о чем другом думать не может.

– Ничего удивительного. Но знаешь, я даже представить себе не могу, как можно все это пережить. – Абби содрогнулась. – Я про беременность и роды. А ты это можешь представить?

– Нет, – призналась Барти. – Совсем не могу. Но ведь когда-то нам это придется не только представлять. Ты согласна?

– Пусть это «когда-то» наступит как можно позже, – отозвалась Абби. – Вообще-то, я думаю, что дети у меня будут приемные.

* * *

– Если тебе потом снова захочется детей, придется взять приемных, – заявил Себастьян. – Больше я такого не вынесу.

– Надо же, он не вынесет! – воскликнула Пандора. – Себастьян, я...

– Дорогая, я просто решил немного тебя подразнить. Люблю, когда ты сердишься. В любом случае одного ребенка нам вполне достаточно. Я был единственным сыном у родителей и в полной мере получал их любовь.

– Не удивляюсь. Ты бы не потерпел соперников. А представь, у нас родится двойня. Близнецы, как Венеция и Адель.

Себастьян с ужасом посмотрел на жену:

– Я даже и не думал об этом. Неужели у тебя внутри не один, а целых два зверька? Тогда понятно, почему у тебя такой большой живот. Боже милостивый, как ты только...

– Себастьян, успокойся, – сказала Пандора. – Там только один ребенок. У доктора возникали такие мысли. Но он умеет распознать, когда один ребенок, а когда двойня. Он постоянно выслушивал мой живот. Два сердца он обязательно услышал бы. Но там только одно.

– Врачи не всегда могут обнаружить двойню. Наверное, Селия знает. Надо спросить у нее.

– Селия ничего не знает, – возразила Пандора. – Она мне так и сказала.

– Так и сказала? Когда?

– Когда в прошлый раз приезжала меня навестить. Она не слишком тактично заметила, что я слишком громоздкая... Я передаю тебе ее слова. Тоже спросила, не жду ли я двойню, а затем рассказала, как рожала Венецию и Адель.

– Ты мне не говорила.

– Как ты, должно быть, заметил, я предпочитаю не говорить с тобой о Селии, – холодно произнесла Пандора.

Себастьян молча наклонился к жене и поцеловал ее:

– Я невероятно тебя люблю. Сам не перестаю удивляться, до чего же я тебя люблю и как мне повезло, что я тебя встретил. Я не заслуживаю такого счастья.

– Вероятно, не заслуживаешь, – согласилась Пандора. – Между прочим, настало время для моих восьмичасовых подушек. Спина болит.

– Сильно?

– Достаточно сильно. Но результат стоит моих мучений. Это я тоже знаю.

– Да уж, – мрачно пробормотал Себастьян.

* * *

ММ признавала всю абсурдность подобной страсти. И к кому! К мальчишке, шестнадцатилетнему мальчишке. Она дошла до того, что потакала своему дурацкому восхищению от одного только его вида и звука его голоса. Гордон без конца поддразнивал ее по этому поводу. А ведь многие мужья проявили бы ревность. Делить женщину с ее ребенком от другого мужчины, да еще с таким ребенком, которого она любила почти слепо. Хвала небесам, Джей не был испорчен материнским обожанием. Сознывая эту опасность, ММ сражалась с ней на протяжении всего его детства. Она держала себя с сыном строже, чем большинство матерей; правильнее сказать – чем большинство матерей в ее положении. Слишком многие женщины, которых война сделала вдовами, сосредоточили свою жизнь вокруг сыновей, цепляясь за них, ревнуя к друзьям, не умея проявить строгость и вообще боясь упрекнуть хоть одним словом.

Конечно, ей очень помог Гордон. Он искренне полюбил Джей, и у них с самого начала нашлось на удивление много общих интересов: дикая природа, прежде всего птицы, фотограмирование и, конечно же, игрушечные железные дороги фирмы «Хорнби». Если бы кто-нибудь сказал ММ, что, когда ее сыну исполнится шестнадцать, они с Гордоном будут проводить в «железнодорожной комнате» по многу часов, переводя стрелки, загоня товарные вагоны на запасные пути, пуская пассажирские через туннели, поднимая семафоры и так далее... она бы не поверила. Это было настолько по-детски, что вызывало в ней с трудом сдерживаемое раздражение. То ли дело выходные на высокогорных шотландских лугах, где они следили за полетом кондоров и орлов. Или поездка в Африку охотиться на крупную дичь – сын даже копил на это деньги. Или часы, проводимые в темной комнате, где Джей и Гордон проявляли фотографии. Все это нравилось ММ, казалось ей полезными развлечениями, дающими пищу для ума и выход юношеской энергии. Но чтобы двое взрослых людей – рост Джей приближался к шести футам – считали возню с игрушечными поездами не только игрой, но и вполне серьезным занятием... здесь у ММ просто не было слов, чтобы выразить свое отчаяние.

* * *

– Привет, мама! – крикнул ей Джей, выскакивая из поезда, на сей раз настоящего.

У ММ сладко защемило сердце. Джей, учившийся в Винчестерском колледже, получил разрешение уехать на несколько дней домой. Глядя на сына, она думала, что он выглядит не только взрослее сверстников, но и гораздо красивее их. Джей подбежал к ней и наградил коротким поцелуем.

Теперь, когда она видела сына реже, при каждой встрече с ним она замечала, что Джей становится все больше похож на Джаго. Тот же кельтский тип лица с темными вьющимися волосами и синими глазами, тот же квадратный подбородок. Джей во многом унаследовал и фигуру Джаго, который не отличался высоким ростом. На самом деле он был даже ниже, чем

ММ. Зато у него были широкие плечи, крупные ладони и такие же крупные ступни. Всякий раз, встречая сына, ММ думала, как горд был бы Джаго. Ему бы не верилось, что его сын может оказаться таким способным к учебе и в то же время таким простым в общении, что он начисто лишен спеси и зазнайства. Она хорошо потрудились над воспитанием сына, да и Гордон тоже. Пожалуй, его заслуг здесь больше. Женщина способна дать сыну далеко не все; мальчишке нужен отец. Джею исполнилось шесть, когда в его жизни появился Гордон со своим мягким обаянием, юмором и чувством справедливости. Все эти качества он в нужной пропорции передал Джею.

– Как поживаешь? – спросил Джей, беря мать под руку. – Ты так элегантно выглядишь.

– Джей, не говори глупостей! Когда это я выглядела элегантно? Да любая мать на этом перроне выглядит элегантнее меня.

– Нет, они выглядят совсем не так, – серьезно возразил Джей. – Возможно, моднее. Но мне нравится, как ты одеваешься. В твоей одежде... есть здравый смысл. Некоторые из этих женщин своим видом приводят в замешательство. Посмотри вон на ту даму...

ММ посмотрела. Женщина была одета так, как, скорее всего, оделась бы Селия, отправившись встречать сына: узкое облегающее платье, затейливая соломенная шляпка, а на шее – длинная нитка жемчуга. В сравнении с нарядом незнакомки, строгость одежды ММ, словно не имеющей привязанности к эпохе, и могла показаться воплощением здравого смысла. Но надолго ли? Очень скоро Джей начнет взирать на таких женщин с нескрываемым восхищением. Возможно, его даже потянет к ним.

– Что ж, я рада, что ты такого мнения о моей одежде, – сказала ММ. – А теперь идем к машине. Я оставила ее за углом.

– Ты без Барти? – с заметной грустью спросил Джей.

Барти он просто обожал.

– Без. Но она обещала прийти сегодня вечером на ужин. И Кит тоже. Я знаю, ты будешь рад видеть и его. Барти попросила разрешения привести свою подругу Абби. Ты ее помнишь? Она учительница.

– Конечно помню. Это очень здорово, – обрадовался Джей. – Абби мне нравится. Когда ты сказала, что Барти попросила разрешения прийти не одна... я немного испугался, что она может привести молодого человека.

– Джей, – прежним суровым тоном произнесла ММ. – Рано или поздно у Барти появятся молодые люди. Она же не обещала тебе дождаться, когда ты вырастешь.

– А почему бы и нет? – спросил Джей, сопроводив вопрос типично отцовской улыбкой, которую правильнее было бы назвать самонасмешкой. – Как-никак, она спасла мне жизнь. Ну и Себастьян тоже. Одного этого достаточно, чтобы не отпускать ее от себя.

* * *

– Себастьян!

– Да, дорогая. – Себастьян оторвался от книги и улыбнулся жене. Было восемь часов вечера. Он только что закрыл французские окна. – Тебе подложить еще одну подушку?

– Нет, спасибо. Я думала, что она мне понадобится, но сейчас чувствую, что нет. Прости, что помешала тебе читать.

– Это не помеха. Если подушка все-таки понадобится, обязательно скажи.

– Скажу.

Пандора изменила положение. Ну вот, началось: ее обычные вечерние боли. Теперь они приходили в виде судорог. Ее ноги постоянно сводило судорогой, и они будили ее, прерывая столь драгоценный и нужный ей сон. С таким большим животом не наклонишься и не помассируешь ногу. Боль, которая пришла к ней сейчас, лишь напоминала судороги, но была

слабее. Гораздо слабее. Пандора снова взяла книгу – одну из тех, что прислала Селия. Издательство «Литтонс» теперь выпускало детективы. Пандора незаметно пристрастилась к ним – этим историям, способным удерживать внимание и не требующим чрезмерного умственного напряжения.

Пандору всегда удивляла в Селии коммерческая жилка. Познакомившись с такой женщиной, побеседовав с нею, увидев ее на обеде, можно было подумать, что все издаваемые ею книги относятся к числу серьезных, интеллектуальных произведений вроде всеми любимой серии «Биографика». Но ухо Селии умело чутко улавливать запросы публики. Этот дар проявился у нее в годы войны, когда издательство могло выжить, издавая лишь то, что будет покупаться. И Селия создала серию «Письма», которая была рассчитана на широкие массы и пользовалась совершенно немислимой популярностью. Эта серия практически спасла «Литтонс» от разорения. И вот теперь новое поветрие – детективные романы. Интерес к ним охватил все слои населения. Селия объясняла это стремлением к эскапизму, стремлением людей убежать от страшных реалий экономической депрессии. То же стремление сотнями и тысячами гнало их в залы кинематографа – забыться в сладких грезах голливудских музыкальных комедий... Черт, опять спазмы...

* * *

– Что значит, она спасла тебе жизнь? – спросила Абби и тут же ответила на вопрос ММ: – Да, миссис Робинсон, еще по порции всего, что на столе. Я ужасно голодна, а ваш пирог просто изумителен.

Абби улыбнулась ММ и всем, кто был за столом. Гордон явно проникся к ней симпатией. В гости она пришла в белой рубашке, черном пиджаке и брюках. С прической «аля Кристофер Робин» Абби вполне можно было принять за мальчишку, что, впрочем, не лишало ее привлекательности. «Она понравилась им всем, – думала Барти. – И они все ей тоже понравились». От этой мысли Барти стало очень хорошо на душе.

– Просто пальчики оближешь, – сказал Джей. – Мама, ты изумительно готовишь.

– ММ, пирог – это действительно ваше произведение? – спросила Барти. – А я думала, вы терпеть не можете стоять у плиты.

– Что ты, я обожаю готовить, – ответила ММ. – Вот только мне вечно не хватает времени, чтобы приобрести достаточно навыков. Когда мы с Джем после войны жили в Эшингеме, там я готовила почти постоянно. А этот пирог я обычно пеку по субботам, особенно когда Джей приезжает домой.

– И заставляешь дуться нашу повариху, – добавил Гордон. – Моя жена выгоняет ее с кухни, все самое интересное делает сама, а поварихе достается потом замечать рассыпанную муку и отскребать противень.

– Совсем как тетя Селия у себя в кабинете, – заметила Барти и тут же покраснела, увидев, как все повернулись в ее сторону, и услышав их смех. – Простите. Я не должна была так говорить. Гордон, пожалуйста, больше не наливайте мне вина.

– Обязательно налью, – отозвался Гордон Робинсон. – Я просто обязан это сделать. Обожаю, когда у людей развязываются языки, в том числе и твой.

– Барти, расскажи про спасение жизни Джея, – попросила Абби.

– Я сам расскажу, – вызвался Джей. – Понимаешь, я лежал в больнице после того, как Гордон сбил меня на своем автомобиле. Конечно, я был сам виноват. Выскочил у него перед самой машиной. Дело в том, что меня тогда похитили.

– Похитили? Какая удивительная история! – воскликнула Абби. – Впервые вижу человека, которого похищали.

– Началось с того, что я убежал, – продолжил Джей. – Мне было ужасно скучно в Лондоне. Я скучал по Эшингему. Там было так чудесно, но моя отчаянно жестокая мать увезла меня оттуда. – Джей улыбнулся и подмигнул ММ. – Я был тогда совсем маленький и боялся переходить дорогу. Какой-то человек вызвался мне помочь, но вместо этого куда-то меня потащил. Одному Богу известно, что могло бы со мной случиться, если бы я не сумел вырваться. Я вырвался, бросился бежать и угодил прямо под колеса машины Гордона. Но он ни при чем. Он в тот момент ехал со скоростью пять миль в час. Увы, машина меня все-таки сбила, и я попал в больницу. А там мне стало плохо. Врачи даже боялись, что я, как говорят, откину копыта. Меня все время тянуло спать, а спать как раз было нельзя. Требовалось, чтобы я постоянно находился в сознании. И тогда Барти приехала в больницу с тетей Селией и привезла книгу Себастьяна. Она читала мне несколько часов подряд, а утром мне стало лучше. Вот такая толстая книга была. Правда, Барти?

– Да, Джей, книга была очень толстая. – Барти улыбнулась Джею.

Драма той ночи впечаталась в личную историю их обоих, создав нерушимые узы дружбы. Случившееся было важным для нее по многим причинам. Она не только спасла жизнь Джею, но и впервые сыграла собственную роль в семье Литтон, став полноценной силой в этом семействе. Селия, которая там тоже присутствовала, потом всегда говорила, уверенная, что это известно каждому: случившееся той ночью не только исцелило ее душевные раны, но и помогло принять ее личную ситуацию.

– Какая удивительная история, – произнесла Абби.

– Еще бы не удивительная! С тех пор мы с Барти – самые лучшие друзья. Только мне всегда приходилось делить ее с Джайлзом.

Раздался звонок в дверь, затем из коридора донесся громкий голос. Бой? Черт побери, недоумевала Барти, а он чего заявился? ММ его не приглашала.

– Бой! – воскликнула ММ и встала, целуя его. – Как мило с твоей стороны. Чем мы обязаны такой чести?

– Венеция отыскала несколько новых детских книжек и хотела, чтобы вы на них взглянули. В свой клуб я все равно езжу мимо вас, вот и взялся их завезти... Джей, дружище, рад тебя видеть. Как успехи в колледже? Привет, Кит. Привет, Барти. А это, наверное, и есть Абби? Слушайте, этим вечером я буквально напал на золотую жилу. Я столько слышал про вас.

– Неужели? – засмеялась Абби. – И что же вы про меня слышали?

Барти довольно хмуро посмотрела на подругу. В голосе Абби появились странные нотки. Если не знать характер Абби, можно было бы сказать, что она кокетничает с Боем.

– Что слышал? Сейчас припомню... – Бой взял протянутый Гордоном бокал вина, обошел вокруг стола и остановился напротив Абби. – Итак, вы, конечно же, пугающе умна. Далее, у вас очень интересные родители. И амбициозное желание стать директрисой Итона.

– Не совсем так, – возразила Абби, – хотя идея интригующая. Все эти милые маленькие мальчишки. – Она улыбнулась Бою какой-то сонной улыбкой. – Но нет. Я мечтаю о школе для девочек. Хорошей средней школе, чтобы они приходили ко мне еще совсем маленькими и я помогала бы расширять их кругозор. Видеть, как каждая из них растет и добивается успеха.

– Замечательные слова. Я полон восхищения. А где вы преподаете сейчас?

– В начальной школе на Эдж-стрит. Это в Брикстоне, – засмеялась Абби. – Далеко не та школа, о которой я мечтаю.

– Пожалуй, вы занимаетесь важным делом. Вы встречаете этих мальчишек и девчонок на самой первой ступени, и от вас зависит, захотят ли они пойти в среднюю школу. И начните готовить документы для назначения стипендий вашим ученикам.

– Удивительно, что вы знаете о стипендиях, – сказала Абби.

– Знаю, поскольку мой отец возглавляет крупную благотворительную организацию. Она помогает детям из бедных семей. По крайней мере, на начальном этапе. Назначает стипендии, оказывает другие виды помощи.

– Что, серьезно? – удивилась Барти. – Я и не знала.

– Видишь ли, Барти, Уорвики не совсем уж беспутное семейство. Хотя, наверное, тебе приятнее думать именно так. – Бой улыбнулся Барти, затем снова повернулся к Абби. Она сидела, глядя прямо на него, уперев подбородок в ладони. Ее большие зеленые глаза сияли. – Если хотите, чтобы я замолвил словечко о вашей школе на предмет стипендий, просто дайте мне знать, – добавил Бой. – Мой отец очень открыт к подобным просьбам. Я говорю серьезно. – Он снова улыбнулся Абби.

«А ведь она ему нравится, – подумала Барти. – Он находит Абби привлекательной. Ему всегда нравились умные женщины. Селия об этом часто говорила, тактично подразумевая, что Венеция отнюдь не из их числа».

– Даже не знаю, что и сказать. Это очень любезно с вашей стороны. Возможно... возможно, я действительно обращусь к вам.

– Обращайтесь без стеснения. Барти расскажет, как меня найти. Или вот, возьмите мою визитную карточку.

– Спасибо. Огромное вам спасибо.

Бой залпом допил вино.

– Мне пора. Если я опоздаю, то наслушаюсь от Венеции разных разностей.

«Как будто его хоть сколько-то волнует, что скажет Венеция», – подумала Барти.

– Всем приятного вечера. Был рад всех вас увидеть. И особенно был рад познакомиться с вами, Абби.

Она ничего не сказала, только улыбнулась ему этой новой, сонной улыбкой.

* * *

После ухода Боя некоторое время все молчали, потом Абби сказала:

– А он совсем не такой, каким я его себе представляла.

– Он исключительно обаятельный человек, – подхватила ММ. – Даже я не могу ему не симпатизировать.

– Да, очень обаятельный, – согласилась Абби и, словно спохватившись, поспешила переменить тему. – В вашей семье полно обаятельных мужчин. Тот же Себастьян.

– Он не совсем семья, – возразила ММ, – но...

– Барти называет его почетным Литтоном. Удивительно, как он соответствует своим книгам. Он сам яркий и сильный человек. Я так боялась, что он вдруг окажется каким-нибудь тщедушным человечком. А он такой красивый, по-другому не скажешь. И конечно же, очень обаятельный. Мне думается, в его личности есть что-то магическое. – Абби взглянула на ММ и вдруг улыбнулась. – Вам он не нравится?

ММ бросила на гостью ответный взгляд, и ее темные глаза неожиданно сделались серьезными.

– Мне он очень нравится, – торопливо произнесла ММ. – Только не позволяйте себе подпадать под его обаяние, Абби. Боюсь, это происходит довольно легко. Вы точно подметили: он обладает магией. Правильнее сказать, чарами. Сильными чарами.

* * *

– Скажи, а миссис Робинсон не была сама влюблена в Себастьяна? – спросила Абби, когда они ехали домой. – Мне показалось, у нее и сейчас сохраняются к нему сильные чувства.

– Кто? ММ? Ни в коем случае. Себастьян не тот типаж мужчины, в которого она могла бы влюбиться.

Голос Барти звучал немного холодно. Ее шокировала та скорость, с какой интеллектуальная, свободомыслящая Абби превратилась во флиртующую девицу.

– Мне показалось, ММ говорила о нем весьма эмоционально, – не унималась Абби.

– Конечно, мне не следует тебе этого говорить... Это все вино Гордона... Но я иногда думала, что... Ну, в общем, что тетя Селия и Себастьян были в весьма близких отношениях. Конечно, это было давным-давно. И мне кажется, ММ, как сестре Уола, это не нравилось.

– Слушай, а с чего ты вдруг заговорила про Селию и Себастьяна?

– Сама не знаю. Мне не проследить почему. Но когда он жил в Лондоне и часто бывал у Литтонов, она становилась другой. Мягче. Счастливее. Уступчивее. А он бывал у них очень и очень часто. Взрослые почему-то всегда думают, что дети не замечают подобных вещей. Но дети замечают, поскольку свободного времени у них много, а занятий мало. Наблюдать за взрослыми – любимое развлечение детей.

– Надо же! Как интересно. Ты говорила об этом с Джайлзом?

– Нет, конечно. Ведь Селия – его мать. Джайлза это невероятно расстроило бы, даже на уровне предположения. Он обожает мать. Как бы она его ни третировала, он шагу ступить без нее не может.

Какое-то время они молчали, потом Абби сказала:

– Я думала, что Бой Уорвик – просто интересный человек. А он оказался... таким удивительным. Честно говоря, он самый привлекательный мужчина, каких мне доводилось встречать.

– Так это очевидный факт, – бросила Барти.

– Только не для меня. Я же его увидела впервые. Барти, не сердись на меня.

– Я не сержусь. Просто хочу сказать, что ты не видишь дальше его обаяния.

– Он же не виноват, что такой обаятельный, – вступилась за Боя Абби.

– В этом – не виноват. Но он очень гадко обращается с бедной Венецией.

– В каком смысле гадко?

– В самом обычном, присущем многим мужьям. Он прилюдно унижает жену, не выказывает ей ни малейшего уважения.

– Может, она не заслуживает его уважения? Вдруг она не верна мужу?

– Этого я не знаю, но не удивилась бы. Он коварный человек, Абби. Мне он ничуть не нравится.

– Наверное, коварство как раз и делает его таким привлекательным, – сказала Абби. – Барти, не смотри на меня, как классная дама. Давай поговорим на другую тему. Расскажи об отце Джея. Что он был за человек?

– Я его никогда не видела. Я тогда была совсем маленькой. Знаю только, что его убили в самом начале войны.

– Сколько тебе тогда было? Семь? И он так и не вернулся домой? Мне это кажется весьма странным.

– Абби, – начала Барти, – когда ты получше узнаешь Литтонов, тебе многое в них покажется весьма странным.

* * *

Судороги становились все сильнее. Пандора подалась вперед, медленно, с трудом спустила ноги на пол. Себастьян поднял голову, все еще наполовину пребывая в своей книге.

– Дорогая, тебе что, плохо?

– Нет. Со мной все в порядке. Просто хочу немного подвигаться.

Пандора улыбнулась ему, потом встала. Ее ночная сорочка была слегка мокрой. Пандора взглянула вниз и... вдруг застыла, оцепенев от ледящего ужаса.

– Боже мой, – пробормотала она. – Себастьян, боже мой...

Он медленно поднял голову, наполовину удивленный, наполовину встревоженный ее словами.

– Дорогая, что...

Потом увидел и он, и его лицо стала белым, как простыня, на которой лежала Пандора. Но сейчас по простыне расплывалось большое блестящее пятно ярко-красной крови.

* * *

Следующие несколько часов он запомнил на всю жизнь. Нет, на всю вечность.

Страх, сковывающий его сердце. Ужас в глазах Пандоры. Ее отчаянные попытки сохранить спокойствие. Судороги, быстро перешедшие в родовые схватки. Десять минут, которые они оба ждали прихода акушера и которые показались им бесконечными. Сдавленные стоны Пандоры, когда они ехали в машине «скорой помощи». Ее рука, цепляющаяся за его руку, когда он бежал рядом с каталкой в операционную. Внезапная тишина, когда началось действие анестезии. Потом их разлучили, и потянулось нескончаемое ожидание. Он сидел, обхватив голову руками, и молился Богу, в которого не верил, прося Бога сохранить ей жизнь и одновременно готовясь к жизни без нее, готовясь к потере последней и самой сильной его любви. Он проклинал биологию, которая сотворила этого нежелательного ребенка, проклинал рождение этого жуткого комочка живой плоти. Он жадно ловил известия, любую мелочь, долетавшую из того залитого ярким светом помещения, где жизнь и смерть пытались обмануть друг друга... Потом дверь открылась, и на пороге появился хирург, лицо его было непроницаемо. Снова напряжение, к которому добавилась чудовищная усталость. Снова бесконечное молчание, и наконец слова:

– Мистер Брук, у вас дочь. Ваша жена чувствует себя хорошо и настолько спокойно, насколько этого можно ожидать.

Глава 9

– Они собираются назвать ребенка Изабеллой. Сокращенно Белла, – сообщила Селия. – Думаю, потому, что она... – Селия замолчала, будто ей не хватало сил докончить фразу, – ...такая красивая²⁴.

– Очаровательная, – сказал Оливер.

– Удивлена, что ты так считаешь. По мне – ребенок как ребенок.

– Только не говори об этом ее родителям. И все-таки какая она на вид?

– Как и все новорожденные младенцы. Уродливая.

– Дорогая, а про близняшек ты говорила совсем другое.

– Говорю тебе: уродливое маленькое существо. Конечно, потом она станет красавицей, но сейчас я этого сказать не могу.

– А как Пандора?

– Вполне хорошо себя чувствует. До смешного горда. Можно подумать, будто до нее никто не рожал детей. А Себастьян вообще ведет себя смешно: ребенка как будто не замечает, сидит возле постели, крепко держит Пандору за руку, словно она чудесным образом спаслась от ужасной опасности.

– Отчасти это, наверное, так, – примирительно сказал Оливер. – А теперь, дорогая, не обратится ли нам к другим делам? Прежде всего к издательским.

– С удовольствием переключу свой разум на другие дела, – отозвалась Селия. – Подумаешь, ребенок.

* * *

– Бекенхем, жена Себастьяна родила дочь.

– Кто, дорогая? Кто родил дочь?

– Пандора, жена Себастьяна Брука. Ты должен ее помнить. Она...

– А-а, да-да, конечно помню. Такая маленькая, миленькая женщина. Глаза красивые. Что ж, приятная новость. Конечно, лучше бы это был мальчик, но...

– Бекенхем, не все устаиваются чести продолжать свой род. По-моему, Себастьян этого не заслужил. Селия мне только что звонила. От нее я и узнала. Я сегодня хочу ее повидать.

– Кого? Новорожденную?

– Нет, конечно. Селию.

– Черт побери, неужели из-за того, что жена Себастьяна родила ребенка, тебе приспичило увидаться с Селией?

– Даже если бы я и взяла на себя труд тебе объяснить, ты бы все равно не понял. Так что обойдусь без объяснений. К обеду вернусь.

* * *

– Ох, Себастьян, какая чудесная новость! Мы с Аделью так рады и горды за вас обоих. Девочки гораздо приятнее мальчиков. Особенно когда вырастают. Я надеюсь, что теперь у меня будет девочка. Когда нам можно навестить Пандору? Завтра? Отлично. Только скажите,

²⁴ От итальянского «bella» – «красавица».

в какое время. Передайте Пандоре наши наилучшие пожелания и, конечно, нашу огромную любовь.

* * *

– Абби, Пандора родила дочку. Правда, здорово? Обе чувствуют себя на редкость хорошо. Я так рада за них. Словно камень с души свалился. Мне разрешили сегодня навестить Пандору. Правда, ненадолго, всего на несколько минут. Но я успею передать ей, как мы обе ее любим. Ты согласна?

* * *

– Дорогая, потрясающая новость из Англии. Пандора родила дочь. Обе чувствуют себя хорошо. Назвали Изабеллой Лили, в честь тебя. Что ты думаешь об этом?

– Что я могу думать, Джек? Это замечательно. Как только закончим фильм, поедем домой и повидаем ее.

– Я с удовольствием.

* * *

– Кит, дружище, хочешь завтра поехать со мной навестить Пандору? Пандору и ее малышку? Можем сделать это, когда у тебя закончатся уроки. Я пошлю за тобой Дэниелза, он тебя привезет прямо в больницу, там и встретимся.

– Как здорово, Джайлз. Я обязательно поеду. Жаль, конечно, что не мальчик. Я бы с ним играл.

* * *

– Папа, Адель прислала телеграмму. Помнишь Пандору? Такая миниатюрная, симпатичная женщина, жена Себастьяна Брука. Она родила очаровательную девочку.

– Мод, откуда ты знаешь, что девочка очаровательная?

– Все новорожденные младенцы очаровательны. Я так за нее рада. Обязательно пошлю Пандоре поздравительную телеграмму. Пап, ты не думаешь, что это отличный предлог для новой поездки в Англию?

– Едва ли, Мод. Эти люди – близкие друзья семьи, но не родственники. И...

– Знаю, знаю. Сейчас у нас не столько денег, как раньше. Я пошутила. Но в одном ты ошибаешься. Они часть семьи. Все говорят, что Себастьян – часть семейства Литтон. Как это здорово! Даже плакать хочется от радости.

* * *

– Знаешь, Гордон, она показалась мне очень милым ребенком. Не скажу, что особой красавицей, но девочка спокойная и приятная. А главное – Пандора хорошо себя чувствует. Что касается Себастьяна, мне даже не передать, как он выглядит. Ну разве не странно, что новорожденные дети одним своим появлением в мире способны принести счастье?

* * *

– Я не помню, чтобы был так счастлив. Я и не надеялся, что буду так счастлив. Никогда. Бог оказался на редкость добр ко мне. А теперь, дорогая, я хочу, чтобы ты отдохнула. Слишком много посетителей. Я бы даже сказал, чересчур много. Пусть старшая медсестра и говорит, что это нормально. Ей легко говорить. А ты выглядишь совсем усталой. Вон как побледнела. Ложись и возьми меня за руку. Пока ты спишь, я буду сидеть рядом. И потом тоже. Мне невыносима сама мысль покинуть тебя хотя бы на время. Наконец-то ты вернулась ко мне. Закрой глазки, дорогая, и ни о чем не думай. Малышка чувствует себя превосходно. Я только что заходил к ней в палату. Я сейчас тебя поцелую, а потом, моя дорогая, ты будешь спать. Крепко спать, любимая. Спасибо, что ты есть.

* * *

Сегодня Селия задержалась на работе. Ей хорошо работалось, когда издательство пустело. И, как назло, в этой тишине раздался звонок у входной двери. Селия решила не обращать на него внимания. Нечего беспокоить ее по пустякам. Оливер поехал на обед, все сотрудники ушли более часа назад. Благословенная тишина. Селия любила оставаться одна. В такие моменты ей казалось, что время целиком принадлежит ей. А сейчас ей требовалось много времени, очень много. Рукопись биографии Шарлотты и Эмили Бронте, представленная леди Анабеллой, была на удивление сырой и требовала значительной правки. Сделать это надо было тактично, но конструктивно. Задача не из легких.

Звонок повторился, потом еще раз. Селия нахмурилась. Наверняка посыльный с гранками из типографии. Но ведь должны же печатники знать, что это надо делать до пяти вечера. Видно, наборщики торопились успеть до выходных. Селия уже имела разговор с управляющим типографии и все четко растолковала. Лучше всего их не баловать. Пусть тащат гранки назад. Может, научатся ценить не только свое, но и чужое время.

Опять звонок. Долгий, протяжный. Придется все-таки спускаться вниз. Ну что за наглость! Опять звонят, и каждый раз все дольше и требовательнее. Это уже никуда не годится.

Наверное, она ошиблась, и это не посыльный из типографии, а почтальон с телеграммой. Или личное послание от леди Анабеллы. Должно быть, почувствовала, что Селия недовольна ее работой. Она и раньше посылала сюда свою служанку с записками. Иногда к записке добавлялись цветы. Наверное, это от нее. Хотя служанка обычно звонила очень осторожно, даже робко, и вид у этой бедняжки был какой-то изможденный, будто она работала сутками. Так может звонить шофер. Вероятно, сегодня записку привез он.

Селия открыла дверь. На пороге стоял не посыльный из типографии, не почтальон, не пугливая служанка леди Анабеллы и даже не ее шофер. На пороге стоял Себастьян. Стоял и просто смотрел на нее, не в силах вымолвить не слова.

– Селия, – наконец произнес он, и его голос был странным, тяжелым и начисто лишенным эмоций. – Селия, позволь мне войти. Пожалуйста. Пандора... Она... Умерла.

Глава 10

– Это ужасно, – заявила Мод. – Ужасно и чудовищно. Столько бедных, обездоленных людей. Они голодают, и ты это знаешь.

– Не преувеличивай, дорогая, не голодают, – возразил Роберт. – Да, времена нынче тяжелые, но...

– Папа, они голодают. И их семьи тоже. Самое ужасное – у них нет никаких надежд. Знаешь, сколько приходится стоять в очереди за бесплатным обедом? От четырех до пяти часов. Можешь себе это представить?

Роберт молчал. Он смотрел на дочь, ощущая некоторую неловкость. Мод не преувеличивала. Чудовищная бедность, словно эпидемия, захлестнула Нью-Йорк. Он вспомнил фотографию, быстро ставшую знаменитой: Таймс-сквер, опоясанная несколькими кольцами очереди за миской бесплатного супа – благотворительной акции одной из газет. Люди стоят, опустив головы и понутив плечи, а мимо них в шикарных машинах и дорогих одеждах беспечно проезжают другие люди. Жуткий символ расточительства и упадка. На каждом углу люди с одинаковыми плакатами: «Ищу работу». Любую, дающую хотя бы малейший шанс остаться на плаву.

– Да, это скверно, – сказал наконец Роберт. – Я согласен.

– Тогда мы должны что-то сделать. Мы могли бы принять этих людей, дать им работу.

– Мод, мы никак не можем «принять этих людей».

– Почему? Мы легко могли бы нанять дополнительную прислугу. У нас два громадных дома. Неужели у тебя не найдется для них работы? Даже неквалифицированной?

– Нет, Мод. Я не могу это сделать. Я тебе уже объяснял неоднократно. Я тоже переживаю тяжелые времена. Все мои контракты разорваны.

– Папа, да как ты можешь такое говорить? Это мы-то переживаем тяжелые времена? Да мы выбрасываем больше еды, чем множеству семей хватило бы на несколько дней.

– Мод, когда ты станешь чуточку старше, ты приобретешь более реалистичный взгляд на все эти вещи. Да, серьезные трудности нас вроде бы не затронули. Но я потерял значительные суммы. Все было бы гораздо хуже, если бы мне не посоветовали вывести деньги из страны и продать акции несколько раньше, чем начался обвал на бирже. Мы сейчас живем на заграничные инвестиции и на активы, которые мне удалось сохранить. Джон очень беспокоится по поводу нашего ближайшего будущего. Я тоже. Вместо того чтобы брать на работу новых людей, нам придется увольнять всех, кто уже работает. И такое положение не только в Соединенных Штатах. Кризис охватил весь мир, и это надо понимать.

– Да, но в Европе – в той же Англии, в Германии – правительства выдают неимущим пособия. А у нас они просят подаяние и голодают. Но больше всего меня злит мысль о том, что Лоренс сидит себе в своем дворце и ему ровным счетом наплевать, что происходит вокруг.

– Мод, я уверен: он тоже потерял кучу денег. Почти все банкиры разорились.

– И когда я думаю об этом, у меня просто сердце разрывается. Почему он не предупредил людей? Он и другие банкиры? Почему люди не пошли и просто не забрали свои деньги? Это гадко, гадко и чудовищно, но все эти банкиры и биржевые маклеры, такие как Лоренс, – они самые гадкие из всех. Мне невероятно стыдно за него. Стыдно, что я хоть как-то связана с ним.

* * *

– Десятая книга «Меридиана времен» – просто потрясающая вещь, – сказала Селия.

Она говорила с чувством глубокого облегчения, какое бывает у людей, сумевших уцелеть при серьезной аварии или излечившихся от почти смертельной болезни.

– Слава богу, – произнес Оливер, глядя на жену. – И одному Богу известно, как Себастьян сумел закончить эту книгу.

– Не говори глупостей, Оливер, – оборвала его Селия. – Работа – лучшее лекарство от боли.

– Неужели? – спросил он, улыбаясь своей обманчиво-туманной, милой улыбкой. – Наверное, тебе это известно.

Селия оставила его слова без ответа.

– Больше всего я боялась, что книга получится плохой. Не хотелось бы печатать слабую вещь и потом получать язвительные рецензии. Со времени публикации его предыдущей книги прошло три года. Читатели ждали шедевра. Представляю, как переживал бы Себастьян, если бы мы отказались печатать его книгу и объяснили причину.

– Но к счастью, все обошлось. Ты уже сообщила ему об успехе?

– В двух словах. Я пригласила его сегодня на ужин. Надеюсь, ты не против?

– Селия, даже если бы я сказал, что против, это что-то изменило бы?

Селия весьма странно посмотрела на него:

– Но я знала, что ты не станешь возражать.

* * *

– За десятую книгу «Меридиана», – произнес Оливер, поднимая рюмку.

– За десятую, – отозвался Себастьян. – Надеюсь, с книгой все нормально.

– Селия говорит, это просто чудо.

Себастьян замолчал, потом угрюмо произнес:

– Она вряд ли сказала бы что-то другое... учитывая обстоятельства.

– Мой дорогой Себастьян, когда дело касается издания книг, Селия говорит только правду.

На Себастьяна смотрели выцветшие синие глаза. Смотрели очень спокойно, без каких-либо эмоций. Писатель помолчал еще немного.

– Оливер, ты очень добр ко мне. Больше, чем я того заслуживаю.

– Мы должны заботиться о наших авторах, – уже менее серьезным тоном произнес Оливер. – Наше издательство в большом долгу перед тобой.

– Я лишь хочу... – начал Себастьян и замолчал.

Оливер понял его молчание и взялся за бутылку портвейна.

– Еще рюмку?

– Пожалуй, нет... Ну, если самую малость.

Оливер налил ему полную рюмку.

* * *

После смерти Пандоры Себастьян сильно пил.

Это кошмарное состояние продолжалось дни, недели, месяцы. Первую неделю или чуть больше Себастьян прожил на Чейни-уок. В кровать он не ложился, а лишь ненадолго засыпал на каком-нибудь диване. Он день и ночь бродил по дому, иногда выходил на улицу, где с бешеной скоростью вышагивал вдоль набережной, потом снова возвращался, словно уставший, преследуемый зверь, ищущий себе нору.

Селия почти не отходила от него. Оливер слышал, как они о чем-то говорят за закрытыми дверями. Эти разговоры велись в разных комнатах, ибо обычная непоседливость Себастьяна значительно возросла и он нигде не мог оставаться подолгу.

Адель и Джайлз, боясь оказаться свидетелями переживаемых Себастьяном мучений, старались держаться от него как можно дальше. Джайлз ограничивался словами сочувствия, произносимыми скороговоркой, Адель – торопливыми объятиями и поцелуями, после чего спешила к себе в комнату. Зато Кит оказался на удивление смелее и крепче своих брата и сестры. Едва Себастьян появился у них дома, мальчик обнял писателя и сказал:

– Я вам очень, очень сочувствую.

Себастьян долго стоял, обнимая Кита, спрятав свою крупную голову в его волосах, затем посмотрел на него и увидел в синих глазах мальчишки слезы искреннего сочувствия.

После этого, где бы они ни встречались: в коридоре, на лестнице или даже на ступеньках крыльца, на котором Себастьяну понравилось сидеть и курить, глядя на реку, Кит неизменно спрашивал писателя, хочет ли тот побыть один или не возражает против его общества. Кит с одинаковой легкостью принимал любой ответ. Когда они оказывались вместе, Кит молча сидел, а отвечал, только если Себастьян заговаривал с ним, но чаще просто прислонялся к его руке и опускал голову ему на плечо.

– Это так мило, – рассказывала Венеции Адель. – Когда Кит рядом с Себастьяном, он похож на щенка, который ластится к хозяину. Они и раньше прекрасно ладили. Но Киту всего десять лет. Просто удивительно, что он знает, как себя вести в такой ситуации. Жаль, я этого не знаю. Бедный, бедный Себастьян. Я еще ни у кого не видела такого бесконечного страдания.

* * *

Похороны были самым жутким днем. Многие участники этой церемонии признавались, что не помнят ничего более ужасного. Себастьян мужественно держался, когда гроб внесли в церковь. Во время службы он стоял неподвижно и смотрел прямо перед собой. Рядом с ним были Селия и Кит. Себастьян попросил, чтобы службу проводили без музыки, сказав, что просто не выдержит. Однако тишина оказалась ничуть не лучше, превратившись для него в воплощение боли.

Себастьян оставался молчаливым до последнего момента, когда гроб приготовились закрыть и опустить в могилу. День выдался прекрасный. Где-то в глубине кладбища щебетали птицы. Сквозь листву пробивались солнечные лучи. Даже когда Себастьян положил в гроб букетик белых цветов – любимых цветов Пандоры, – он еще владел собой. Но когда прозвучали слова, подводящие черту, когда он услышал, что ее «предают земле, ибо земля к земле, пепел к пеплу и прах ко праху»... Себастьян зарыдал. Громко, отчаянно. Он продолжал стоять, глядя на гроб и понимая, что видит Пандору в последний раз. Его большие плечи вздрагивали, а слезы текли по лицу, как у маленького мальчика. Рядом стоял маленький мальчик, который взял Себастьяна за руку, нежно поцеловал, потом посмотрел на Пандору, усыпанную цветами, и прижался головой к руке взрослого. Так они и стояли, Кит и Себастьян, стояли долго, а птицы продолжали петь в кладбищенской тишине. Постепенно рыдания Себастьяна стихли, и наконец Кит очень осторожно повел его к выходу с кладбища.

* * *

Пандору убил тромб. Небольшой сгусток крови, быстро поднявшийся по артерии ее хрупкого тела к сердцу. Ее смерть была мгновенной и тихой. Это произошло всего через неделю после рождения малютки Изабеллы. В тот день Пандоре сказали, что на следую-

щей неделе ее выпишут домой. Себастьян находился рядом. Пандора попросила принести ей ребенка. Себастьян подошел к колыбели, поднял дочь на руки, и в это время со стороны кровати донесся слабый звук. Себастьян снова уложил ребенка, метнулся к жене, но Пандора уже покинула этот мир. Пришедший врач стал говорить, что смерть рожениц в первые дни и недели после родов – явление не такое уж и редкое. Врач пытался успокоить Себастьяна, а заодно и защититься от вспышки яростного гнева, охватившего писателя. Персонал больницы недоумевал, почему он винит в случившемся их. Медицина еще не научилась выявлять тромбы, не говоря уже том, чтобы их лечить.

Крича, исторгая проклятия и угрозы, Себастьян наконец покинул больницу, но через несколько часов вернулся, грозясь подать на врачей в суд. Потом он стал угрожать им расправой: медсестрам, хирургу, акушерке. Только Селия смогла успокоить его и заставить понять, что в такой ситуации никто и ничто не могли бы спасти Пандору. Малышку Себастьян оставил в больнице, отказываясь говорить о ней. Он даже смотреть не мог на свою дочь. Когда строптивого отца все же заставили понять, что ребенок не может дальше оставаться в больнице и что он, как-никак, несет за дочь ответственность, он отправил за Изабеллой акушерку и няню, взятую еще Пандорой. Едва небольшая процессия прибыла к нему в дом, Себастьян ушел и вернулся лишь спустя несколько часов.

– Это просто ужасно, – рассказывала матери Селия, все еще находившаяся под впечатлением своего разговора с няней. – Представляешь, он даже отказывается находиться с нею в одной комнате. Ему невыносимо ее присутствие. Я это могу понять, вполне могу, но дальше его поведение становится опасным. Он и сам сойдет с ума, и ребенка заставит страдать.

– Ребенок пока не страдает, – возразила леди Бекенхем. – Она еще ничего не понимает и не запомнит этих дней. Селия, дай ему время, пусть привыкнет к неизбежности случившегося. Тебе не нужно пытаться решить все немедленно. Скажи тем женщинам, чтобы следили за ребенком. Их для того и наняли. А об эмоциональном благополучии девочки можешь не волноваться. По-моему, сейчас по этому поводу поднимают слишком много шума. Новорожденный ребенок ничем не отличается от новорожденного детеныша животного. Пища и тепло – это все, что ему надо. Вскоре после твоего рождения я решила взять реванш за все месяцы заточения в четырех стенах. Мы с Бекенхемом несколько недель путешествовали, и ты, как видишь, не умерла без нас от тоски. По-моему, стоит только сожалеть, что кормилицы нынче вышли из моды. Так что перестань суетиться из-за ребенка и сосредоточь все внимание на Себастьяне. Остальное решится само собой.

Но в этом леди Бекенхем ошибалась.

* * *

Кит повадился заходить к Себастьяну на чай, благо дом в Примроуз-Хилл был неподалеку от его школы. В один из таких тихих и теплых осенних дней, когда они пили чай в саду, няня привезла туда коляску с Изабеллой и взяла ребенка на руки. Себастьян тут же поспешил в дом, сказав Киту, что у него есть замечательный торт, который он сейчас принесет. Когда писатель вернулся, Кит держал малышку на руках, а та улыбалась ему и дергала за галстук.

– Надеюсь, вы не будете возражать. Мне хотелось ее как следует рассмотреть.

– Да, конечно, – пробормотал Себастьян. – Когда закончишь, положи ее на место.

Он говорил так, словно речь шла не о ребенке, а об игрушке, которой забавлялся Кит. Кит понес Изабеллу к своему стулу и усадил к себе на колени.

– Какая она красивая, – сказал он. – Обычно младенцы бывают страшненькие, а она нет. Себастьян лишь пожал плечами и взял газету.

Стало тихо. Кит размахивал галстуком перед носиком Изабеллы. Она схватила галстук. Кит осторожно вытащил галстук из крошечных пальчиков, потом снова помахал им. На этот

раз она схватила крепче и издала звук, характерный для очень маленьких детей, – нечто среднее между бульканьем и смехом. Кит тоже засмеялся.

– А она вырастет сильной. Посмотрите, Себастьян, как она хватается за мой галстук. Вы только посмотрите.

– Что?

– Я сказал: посмотрите, какой сильной она вырастет.

Себастьян не отреагировал. Кит продолжал играть с Изабеллой, потом вновь оторвал писателя от его газеты:

– А у нее начинают появляться волосики. Наверное, потому она и красивее других младенцев. У нее будут такие же волосы, как у Пандоры. Того же цвета.

Себастьян кивнул, хмуро глядя в газету.

– И глаза у нее как у Пандоры, – не унимался Кит. – Точно такие же. Должно быть, вам это приятно. – (Себастьян пожал плечами.) – Что, неприятно?

– О чем ты?

– Я говорил, разве это не здорово? То, что ваша дочь – вылитая Пандора?

– Не совсем, – возразил Себастьян. Он полез в карман за носовым платком и высморкался.

Кит внимательно смотрел на него поверх головки Изабеллы:

– Я понимаю, какие у вас чувства к этой малышке. Вы думаете: если бы не она, то сейчас Пандора сидела бы рядом с нами.

– Кит, может, мы прекратим разговор на эту тему?

– Извините. Но...

– Кит, хватит!

Кит встал и понес Изабеллу по саду, показывая ей то яблоки, растущие на ветвях, то щебечущих птиц. Потом он отнес девочку в коляску и встал, молча глядя на Себастьяна:

– Я бы хотел вам кое-что сказать.

– О чем?

– О ком. Об Изабелле. Вы, наверное, знаете, что Генри зовет ее Иззи. Мне это нравился. Лучше, чем Белла.

– В самом деле?

– Да. Думаю, я тоже буду ее звать так. Я уже говорил: Иззи вызывает у вас не самые приятные чувства. Но ведь она у вас есть.

– Да, есть, – лаконично ответил Себастьян.

– Знаете, я тут думал, что ведь мы могли лишиться и ее. Я хочу сказать, она ведь тоже могла умереть.

– Кит, ради бога...

– По крайней мере, у вас хоть что-то осталось от Пандоры. В общем-то, не что-то, а очень даже много. По-моему, это важно.

Себастьян вдруг встал. Лицо у него было белым, напряженным от гнева.

– Заткнись! – потребовал он. – Немедленно закрой рот, Кит. Я не собираюсь вести этот непотребный разговор.

Кит смотрел на писателя, наполовину испуганный, но твердо решивший защищать свою позицию.

– Разговор совсем не непотребный. Я всего лишь пытался помочь. Я...

– Так знай, что твои попытки имеют прямо противоположный результат. К тебе это никак не относится. Но мне противно слушать, как ты болтаешь вздор, скорее всего повторяя чужие слова, потому что сам ты еще не дорос до понимания таких вещей. От Пандоры у меня не осталось ничего. Абсолютно ничего. И уж явно ничего от нее нет в этом ребенке.

И если ты не прекратишь говорить на эту тему, лучше уходи и не возвращайся до тех пор, пока немного не поумнеешь.

Кит спокойно выдержал его разгневанный взгляд:

– Простите меня, Себастьян. Пожалуйста, простите. Конечно, я не понимаю. Вы правы: наверное, я еще слишком мал. Наверное, сейчас мне лучше уйти. Но прошу вас, позвольте и дальше навещать вас. Я очень люблю бывать здесь. Обещаю, больше я не скажу об этом ни слова.

Себастьян вздохнул. Потом медленно, с трудом, опустился на стул, будто дряхлый старик.

– Да-да, конечно, ты можешь приходить. Прости меня. Я не должен был на тебя кричать. Тебя не затруднит сходить на кухню и попросить повариху сделать нам еще чая?

– И отрезать нам еще по куску этого восхитительного торта? – с надеждой спросил Кит.

* * *

Вечером, когда настало время укладывать Изабеллу спать, няня постучалась в дверь писательского кабинета:

– Мистер Брук, малышке пора баиньки. Я подумала, что вы захотите пожелать ей спокойной ночи.

Несколько секунд Себастьян молча глядел на нее, а потом...

– Послушайте, няня, я буду вам признателен, если вы прекратите каждый вечер устраивать этот спектакль. У меня нет желания говорить ребенку «спокойной ночи». Надеюсь, она хорошо спит и без моих пожеланий и не доставляет вам хлопот.

Женщина покраснела. Чувствовалось, отповедь Себастьяна ее потрясла. Ее учили, как вести себя с разгневанными родителями, но не говорили, что отец может категорически отказываться пожелать спокойной ночи собственной дочери. Ее женская интуиция тоже молчала.

– В таком случае спокойной ночи вам, мистер Брук, – наконец сказала она.

* * *

Спустя несколько часов после этого события бедная няня и миссис Конли, экономка Себастьяна, пили какао.

– Не знаю, что и делать, – жаловалась няня. – В такой обстановке я долго не выдержу. Он буквально ненавидит своего ребенка. Это ужасно. По-моему, это даже гадко.

– Да, это ужасно, – согласилась миссис Конли. – Но если бы видели его вместе с покойной миссис Брук, видели бы, как он ее любил, вы бы лучше поняли его нынешнее состояние. Он просто боготворил жену. Поклонялся ей. Для него ничего не существовало, кроме нее и, конечно, его рукописей. Слава богу, у него остался ребенок.

– Все, конечно, так. Но у ребенка должен быть хотя бы один родитель. Страшно подумать, в какой обстановке придется расти этой девочке.

– Быть может, к тому времени мистер Брук переменится, – сказала миссис Конли. – Она вылитая мать. Только не знаю, поможет ли это нашему писателю или, наоборот, повредит. Да, вылитая Пандора: те же глаза, тот же цвет волос, та же улыбка. Няня, прошу вас, не уходите из этого дома. Вы – это все, что у нее сейчас есть, у бедного ягнечка. Вы и я, конечно. Да еще маленький Кит. Он сильно привязался к малышке. Странно для мальчишки его возраста.

Няня согласилась. Да, странно, но Кит показался ей умным не по годам. Хорошо, она останется, хотя ей и очень трудно.

– Чем-то это похоже на семью, где родители постоянно ссорятся, но только хуже, – вздохнула няня и пошла в детскую взглянуть на Изабеллу.

Малышка спала, лежа на спине. Одна ручонка находилась у нее за головой, другой она нежно обнимала себя за шею, отчего ее головка покоилась на руке. Если бы это видел Себастьян, он сказал бы, что в такой же позе любила спать Пандора...

Глава 11

– Ее зовут Хелена. Хелена Даффилд-Браун. Ей двадцать пять. Отец у нее из делового мира. Они живут в Челси. Хочешь знать что-нибудь еще? – заняв оборонительную позицию, спросил у матери Джайлз.

– Дорогой, не надо говорить с таким напряжением в голосе. Я просто поинтересовалась, кто эта девушка. Мне вчера показалось, что ты очень увлекся ею.

– Мама, я танцевал с нею один или два раза.

– Вообще-то, пять, – радостно сверкая глазами, поправила брата Адель.

– Замолчи, сестрица. Мне пора на работу. Надо узнать у Эдгара, как дела с детективной серией.

– А разве не Барти занимается ею? – спросила Селия.

– Редакторской частью – да. Но не планированием объема продаж.

– А что ты скажешь, Джайлз, по поводу этого планирования?

– Мама, я пока не знаю. Мне нужно переговорить с Эдгаром. Прошу прощения, я спешу.

* * *

– Боже, какой он нервный, – заметила Селия, когда Джайлз ушел.

– А ты бы почаще оставляла его в покое, – тихо посоветовала Адель. – Доверила бы ему заниматься его работой.

– Адель, когда тебе надоест быть на посылках у этого фотографа и ты придешь работать в издательство и если такое случится, тогда ты будешь вправе высказывать свое мнение об издательских делах. Пока же...

– Извини, мама. Давай лучше поговорим о Хелене. Он явно запал на нее. И это замечательно. Первая девушка, с которой у него получилось общение. Впрочем, нет, не первая.

– А кто тогда первая?

– Я хотела сказать, что Барти, но она, конечно же, не в счет.

– Разумеется, Барти не в счет. Фактически она член нашей семьи. Вряд ли Джайлз испытывает к ней какие-то серьезные чувства.

– Почему бы и нет? – спросила Адель. – Барти – очень милая девушка. И, что главное, в настоящем родстве с нами не состоит.

– Что ж, в обоих случаях вынуждена согласиться с тобой. Но представить, будто Джайлз может влюбиться в Барти, – это абсурд. Чепуха. Ладно, мы сейчас говорим не о ней, а об этой Даффилд-Браун. На вид приятная, хотя и крупновата фигурой. Лесли Даффилд-Браун, случайно, не ее отец?

– Понятия не имею. Может, Венеция знает. А в чем дело?

– Да в том, что он ужасный человек. В войну сколотил деньги на продаже металлического лома. До сих пор метит получить рыцарское звание. Сомневаюсь, что нам нужны такие родственники.

– Мама, Джайлз всего-навсего несколько раз потанцевал с этой несчастной девицей. Давай пока не будем беспокоиться насчет родства с тем семейством.

* * *

– Да, Лесли Даффилд-Браун – ее отец, – сказала Венеция. – Противный человек. Наша мама назвала бы его вульгарным. Распутник, не без этого... Ой, больно! У моего ребенка начали резаться зубки.

– Она прелесть, – улынулась Адель, глядя на темноволосую головку Элспет. – Правда, здорово иметь дочку?

– Еще как. Жду не дожусь, когда смогу покупать ей платья.

– Бедная малышка Иззи, – с грустью в голосе произнесла Адель. – Похоже, ее появлению никто не рад, и это так отвратительно.

– Ты что, видела ее недавно?

– Нет. Себастьян не больно-то жалуется гостей. Ему не нравится, когда люди приходят навестить Иззи. Он сразу раздражается и уходит из дому. У меня нет предлога, чтобы там появиться. А вот Барти бывает часто: приносит ему корректуру, что-то с ним обсуждает. Она говорила, что Иззи – просто чудо, а не ребенок. Везде бегает, лепечет без умолку, а Себастьян почти не разговаривает с дочерью. Представляешь, девочка растет, и рядом – никого, кто любил бы ее.

– Пандора бы в ней...

– Знаю. Абсолютно. Слушай, а ведь у Иззи вскоре будет день рождения. Представляю, какой «праздник» устроит ей родной папочка.

– Я попрошу, чтобы ее отпустили к нам погостить. Мальчишки ее обожают. Устроим чай для детей. Уверена, Себастьян на это согласится.

– Отличная мысль. Мы можем и Кита позвать. Вот кто души в ней не чаёт. Он почти все время там. Единственное нормальное общение, которое видит Иззи, – с ним. По-моему, Себастьян позволяет Киту заделывать эту брешь.

– Когда на следующий год он пойдет в другую школу, Иззи будет по нему скучать... Ру, так нельзя обращаться с младшей сестренкой! Она тебе не кукла, а живой человек.

Второго сына Венеции звали Уильям, но еще за несколько месяцев до рождения его прозвали Ру, потому что он, словно кенгуру, прыгал в материнском чреве. Сейчас Ру нехотя убрал руки с сестринской шеи и пошел к лошадке-качалке, на которой восседал Генри. Подойдя, он что есть силы потрянул лошадку:

– Слезай, Генри!

– Не слезу.

– Слезешь!

– Нет. Мапочка, скажи ему. Он дерется. Скажи ему, чтобы отстал от меня.

– Ребята, а ну, прекратите! Адель, крикни няню... А, вы уже здесь. Пожалуйста, уведите мальчишек на прогулку. Я уложу Элспет. Благодарю... Адель, я уже и забыла, каково быть самой собой, просто женщиной, а не материнской машиной. Как тебе сейчас?

– Одиноко, – лаконично ответила Адель.

– А знаешь, мне иногда тоже бывает одиноко, – призналась Венеция, тяжело глядя на сестру своими темными глазами.

– Как у тебя с Боем?

– Внешне – все прекрасно. Просто он охладил ко мне. Он не понимает, как я устаю. Представляешь, сегодня спросил, не поеду ли я с ним вечером в оперу. В оперу! Пора бы ему понимать такие вещи.

– Конечно, пора бы. Если это опера Вагнера, на которую собирается мама, она длится почти пять часов... Мне еще нужно найти несколько подсвечников. Вечером увидимся. Если Боя не будет, я останусь.

Адель поцеловала сестру в макушку, а когда обернулась, увидела, что Венеция одной рукой гладит Элспет по голове, другой вытирает глаза.

* * *

– Думаю, это кое-что подтверждает, – со вздохом произнес Оливер.

– Только то, что значение премии обесценивается.

– Ты так считаешь?

– Да.

– А что бы ты сказала, если бы ее присудили Гаю Уорсли?

– Что? Нобелевскую премию? За «Бьюхананов»? То же самое. Это полный абсурд. Когда на премию претендует слишком много талантливых произведений, я бы скорее присудила ее Ивлину Во, а не Голсуорси.

– Селия, сомневаюсь, что Нобелевскую премию присуждают писателям-сатирикам. Но я бы не стал с тобой спорить. Конечно, «Ситуэллы» больше заслуживают премии, чем любая из книг. Ничего, когда-нибудь и мы получим Нобелевскую премию. Хотя я всерьез думал, что...

– Да, знаю. Такая замечательная книга. Не расстраивайся, это лишь доказывает, что в отборочном комитете заседают глупцы.

У издательства «Литтонс» появился новый автор – романистка Нэнси Артур, пишущая в стиле Вирджинии Вулф. Она написала превосходный многоплановый роман «Помните их» – о нескольких женщинах в годы войны. Ее произведение получило хвалебные отзывы. Оливер всерьез рассчитывал, что Артур удостоится Нобелевской премии, и теперь был сильно раздосадован.

– Дождемся следующего года, – сказала Селия, нежно целуя мужа. – А теперь мне нужно быстренько съездить домой и переодеться, – поспешно добавила она.

– Куда это ты собралась в середине дня?

– Оливер, я же тебе говорила. Неужели забыл? Я иду в Ковент-Гарден. Начало в четверть шестого. Мне просто фантастически повезло, что Синтия Арден сегодня не сможет пойти.

– Зато бедняжке Синтии фантастически не повезло. Но я рад за тебя. «Гибель богов». Представляю, с каким блеском пройдет опера. Даже завидую.

– Оливер, в прошлом месяце, когда мы слушали «Золото Рейна», ты заснул. Вряд ли тебе захотелось бы позориться сегодня. А Синтии можешь не сочувствовать. Она не любительница опер и еще меньше любит покидать свой загородный дом. Для бедняжки Банни это так тяжело.

* * *

Вечер в Ковент-Гардене превзошел все ожидания. Это был последний вечер Вагнеровского фестиваля 1932 года. В зале собрались самые ревностные и стойкие поклонники оперного искусства. Партию Брунгильды пела Фрида Ляйдер, партию Зигфрида – Лауриц Мельхиор. Оркестром дирижировал сэр Томас Бичем. Впрочем, публика состояла не только из поклонников оперы и творчества Вагнера. Здесь был каждый, кто хоть что-то значил в светских кругах Лондона. Неплохой повод на других посмотреть и себя показать, встретиться и посплетничать, развлечься самому и развлечь друзей.

Это был настоящий праздник для глаз. В мире, где все больше мужчин посещали театры, надев смокинги, приятно было увидеть белые галстуки и черные фраки, длинные платья, изысканные драгоценности и даже, невзирая на теплую погоду, меховые пелерины,

боа и накидки. Словом, это было удовольствие для тех, кто понимал толк и ценил подобные вещи.

Разумеется, за стенами театра продолжалась Великая депрессия, ударившая по бедным гораздо сильнее, чем по богатым. Недаром журнал «Вог» советовал: «Если вы не лишились денег, сделайте вид, что с вами это произошло». Явная демонстрация своего богатства, как в прежние времена, теперь считалась неподобающей. Что еще удивительнее, теперь работали даже весьма богатые люди. Самым впечатляющим примером была леди Диана Купер, открывшая цветочный магазин на Беркли-сквер.

Но сегодня в зале Ковент-Гардена собравшиеся открыто выставляли напоказ свой недостаток.

Пока под потолком медленно гасли люстры и сэр Томас неторопливо шел к дирижерскому пульта, леди Селия Литтон, вооружившись театральным биноклем, рассматривала блистательное общество. Неожиданно она заметила Боя Уорвика, в последнюю минуту появившегося в ложе. Его сопровождала молодая женщина в белом платье. Бинокль позволял Селии увидеть не только это. У спутницы Боя были темные волосы. Наверное, он рассчитывал, что его никто не заметит. В таком случае ее зять оказался глупее, чем она ожидала. Будучи женатым, позволить себе прийти в Ковент-Гарден с чужой женщиной, да еще на такой спектакль. Селии это представлялось верхом дерзости. В ней стала подниматься волна гнева. Изменять жене втихомолку – это одно, но открыто демонстрировать высшему лондонскому обществу свою любовницу – совсем другое.

Такое поведение было нехарактерным для Боя. Даже очень нехарактерным. Невзирая на его частые отлучки из дому и интуитивные подозрения Венеции, прямых доказательств его супружеской неверности не существовало. Наоборот, многие считали его идеальным мужем и заботливым отцом. Селия решила в антракте зайти к нему в ложу и ясно выразить свое недовольство. В ложе Бой и его спутница находились одни. Зазвучали первые такты увертюры. Темноволосая женщина подалась вперед, чтобы лучше видеть сцену, и на фоне освещенного рампой пространства Селия увидела ее волевой профиль. Женщина была ей незнакома, однако... Селия сосредоточила внимание на сцене, решив пока наслаждаться тем, ради чего сюда пришла. Антракт все равно наступит, и тогда ей многое станет понятно.

* * *

Бой Уорвик был не только большим любителем оперы. Не меньшее удовольствие ему доставляло разглядывание публики. Когда началось первое действие и зал угомонился, Бой взял театральный бинокль и стал глядеть по сторонам... Ну и вечер! В этом зале сегодня собрался весь цвет и свет Лондона. Конечно, с его стороны приходить сюда было чистым безумием, но у него имелись свои причины. И потом, он тщательно выбрал время, чтобы прийти перед самым началом. Никто не должен был их увидеть.

И вдруг в ложе, что находилась почти напротив, Бой заметил свою тещу. Это был дурной знак. Бой ведь специально выяснял, собирается ли она на этот спектакль, и Селия сказала, что нет. Потому-то он и решил рискнуть. Должно быть, Селию пригласили в последнюю минуту. Видела ли она его? Либо да, либо нет. Похоже, что нет. Судя по ее позе, она была целиком поглощена музыкой.

Боя удивил и даже заинтриговал спутник его тещи – лорд Арден, сподвижник и близкий друг Освальда Мосли²⁵, активный сторонник недавно созданной Мосли фашистской партии. Лорд Арден открыто восторгался обещаниями последнего явить миру «нечто новое и опасное».

²⁵ Освальд Мосли (1896–1980) – английский аристократ, политик, основатель Британского союза фашистов.

Первое действие закончилось. Сказав лорду Ардену, что ей нужно ненадолго отлучиться, Селия отправилась в ложу к Бою.

Ложа была пуста. Все время, пока шла опера, Селия поглядывала в том направлении, но Бой и его спутница больше не появлялись.

* * *

Любовь Джайлза к Хелене Даффилд-Браун тоже была для него работой, которой он занимался с огромным усердием. Девушка была очень миловидной: выющиеся темно-каштановые волосы, большие карие глаза, хорошая фигура. Возможно, она не могла похвастаться элегантной худощавостью, как близняшки и множество других молодых женщин. У Хелены была немодная нынче большая грудь и узкая талия, отчего она предпочитала носить более женственную одежду. Днем – юбку и жакет или слегка приталенное платье из джерси. Даже ее вечерние наряды учитывали особенности фигуры. Узкие, облегающие платья, которые носили его сестры, были не для нее. В Хелене, помимо внешности, Джайлза привлекал ее природный ум. Она не училась в университете, зато с отличием окончила школу и делала переводы для отца, фирма которого торговала алюминиевыми кастрюлями и сковородками по всей Европе.

Но Джайлзу намного важнее было то обстоятельство, что Хелена находила его очень интеллектуальным. Сама она проявляла горячий интерес к событиям в стране и мире, внимательно читала газеты и не менее внимательно слушала радио. Она часто спрашивала мнение Джайлза по поводу тех или иных текущих событий, интересовалась, что он думает о состоянии экономики и положении безработных, о целесообразности или нецелесообразности коалиционного правительства, о росте фашистского движения в Германии. Хелена не скрывала, что ей чрезвычайно важно знать мнение Джайлза.

Она была чуть моложе Барти. Джайлз не переставал удивляться и испытывал большое облегчение по поводу того, что Хелена оставалась незамужней и даже ни разу не была с кем-либо помолвлена. Он находил ее достаточно старомодной. Хелена нигде не работала, а это означало, что она выбрала для себя более традиционный путь, чем великое множество современных женщин. Она и не скрывала этого. Как-то она весьма искренне призналась Джайлзу, что считает истинной карьерой женщины замужество и материнство. Джайлз, весьма очарованный подобной точкой зрения, с трепетом думал о том, как к этому отнесется и что скажет его мать.

Больше всего на свете ему хотелось любить и быть любимым. Он знал, что с раннего детства служил для своей матери источником недовольства. Селия считала его симпатичным, но отнюдь не таким красивым, как близняшки, достаточно сообразительным, но не отличающимся блистательным умом, как Кит. Естественно, не таким интересным, как Барти, – весьма сомнительная тема для разговоров за семейным обедом. Джайлз не мог тягаться с Боем обаянием и знанием светских сплетен, а по части спортивных достижений уступал юному Джею. Впрочем, и за пределами семьи Джайлз чувствовал себя неуверенно, понимая, что недотягивает до «магии» Литтонов. Ему недоставало их успеха в обществе и их профессионального блеска.

Оказавшись в гостиной дома Даффилдов-Браунов, сидя за их обеденным столом, Джайлз с удивлением обнаружил, что является предметом интереса. На него смотрели как на человека умного и, как ни странно, не лишнего лоска. Однако вместо радости это лишь добавляло ему переживаний. Джайлз сознавал: он тянется к семье Хелены и к ней самой не столько из-за его чувств к ней, сколько из-за внимания, которое ему оказывают в этом доме.

Потом он стал убеждать себя, что должен получше узнать Хелену, причем как можно быстрее, а это, в свою очередь, усилило его восхищение ею и ее качествами. В конце июня

Хелене исполнилось двадцать шесть лет. Торжество планировалось в загородном доме близ Доркинга, и Хелена спросила Джайлза, придет ли он.

– Графство Суррей... Боже, да это же пригород Лондона, – сказала Селия, впервые услышав о местонахождении дома Даффилдов.

Джайлз понял: он должен определиться в своем отношении к Хелене. Девушка явно любит его, и было бы нечестно поддерживать ее в этом, если он не может ответить ей взаимностью. Джайлз усердно пытался убедить себя в том, что ему нужны более близкие и более длительные отношения с Хеленой, однако что-то его удерживало. В его жизни существовал вопрос, по которому он до сих пор не принял решения и который не мог отодвинуть.

Этот вопрос касался его чувств к Барти.

* * *

Если бы не работа, она сошла бы с ума. Такая мысль часто посещала Адель в эти дни, когда она отчаянно искала любовь. Это казалось невозможным, безнадежным занятием. За всю свою взрослую жизнь (а ей уже исполнилось двадцать два) она лишь однажды встретила мужчину, наиболее полно отвечавшего ее желаниям и потребностям. Она знакомилась, флиртовала, очаровывала десятки блистательных богатых молодых людей. Кое с кем из них она была бы даже не прочь улечься в постель. Но все эти отношения, едва начавшись, почти сразу заканчивались. Адель искала чего-то более глубокого, нежели внешнее обаяние, чего-то более значительного, нежели комплименты, и чего-то более ответственного, нежели флирт. Она даже не знала, что это такое; знала только, что до сих пор это от нее ускользало. Единственным, по ее мнению, кто мог бы дать ей желаемое, был Люк Либерман, но он теперь стал недостижим. После очередной поездки в Париж отец рассказал, что познакомился с женой Люка.

– Приятная женщина. Пожалуй, даже красивая. Кажется, работает у кого-то из кутюрье.

После слов отца Адель почувствовала боль и злость, хотя и понимала, насколько это глупо. Люка она решила вычеркнуть из своих мыслей.

Она по-прежнему оставалась девственницей, и этот факт то удивлял, то тревожил ее. Адель, как и большинство ее сверстниц, была заинтригована представлениями о сексе и с нетерпением хотела перевести теоретические знания в плоскость практики. И в то же время она, как и большинство ее сверстниц, беспокоилась о возможных последствиях. Венеция, невзирая на все попытки предохраняться, снова была беременна. Это обстоятельство действовало на Адель отрезвляюще. Рисковать собой она не собиралась.

* * *

Седрик хотя бы постоянно занимал ее поручениями и отвлекал от мыслей о своей несчастной участи. Он стал ее лучшим другом, заботящимся о ней и ее благополучии. Он живо интересовался тем, что она делает, во что одевается, с кем встречается и как развивается ее очередной роман. Он умел рассмешить Адель, поднять ей настроение и боевой дух. Они могли часами разговаривать, препарируя отношения друг друга.

– Нет, Седрик, только не этот. Он совсем вам не подходит, – говорила Адель. – Он же, простите, мальчик на содержании.

– Адель, не тратьте время на этого зануду. Он вгонит вас в неимоверную скуку. Нет ничего ужаснее, чем находиться рядом со скучным человеком.

– Старая дева – вот я кто, – призналась фотографу Адель в один из дней, когда они сидели за чаем в закусочной универмага «Фортнум». – Еще немного, и я удалюсь на покой,

переберусь в небольшую квартиру, заведу несколько кошек, а потом завещаю им все свои деньги. Люди будут вздыхать и говорить: «Бедная мисс Литтон. Как ужасно, что никто не обратил на нее внимания».

– Чушь! – решительно возразил Седрик. – Адель, на вас постоянно обращают внимание. Другое дело, что вас эти люди не интересуют. Что это вы надумали? «Удалюсь на покой»! Выбросьте это из головы, поскольку мне чертовски необходима ваша помощь. Кстати, терпеть не могу кошек. Так вот: завтра мне нужен чайный сервиз типа того, что у нашей милой Кларис. А еще столик на колесиках. Как всегда, стекло и хром. Все это необходимо привезти к десяти часам утра. Так что сегодня у вас не будет времени искать себе квартиру и загонять туда кошек. А сейчас поехали в «Риц». Ваше состояние лечится только шампанским. И выше нос. Плечи расправьте. Знаете, стоит только один раз понурить плечи, как это войдет в привычку, и тогда уже действительно на вас никто не посмотрит.

* * *

– Абби, ты ведь завтра свободна? Помнишь, мы договаривались сходить в «Пром»? Там будут исполнять «Пасторальную». Я взяла два билета. Ты просила взять и на тебя, если удастся.

– Барти, дико извиняюсь, но я не смогу. У меня неотложные дела. Я совсем забыла про этот концерт.

– Очень жаль, Абби. Ты говорила, что обязательно освободишь вечер для концерта. Что за дела, если не секрет?

– Я должна побыть с родителями. Они на несколько дней приезжают в Лондон. Ты же знаешь их способность появляться внезапно.

– Да... Но разве ты не можешь поехать к ним после концерта?

– Нет, конечно... Барти, дорогая, не сердись.

Барти вздохнула. С недавних пор поведение Абби странным образом изменилось. Она постоянно отменяла встречи, отговариваясь туманными фразами вроде «занята» или «попросили задержаться на работе». Но не пойти на концерт, на который она давно хотела пойти? Тем более когда уже и билеты куплены...

– Я не сержусь. Просто досадно, – призналась Барти. – Но раз твои родители... Какие у тебя красивые часы. Абби, они что, новые?

– Да. – Абби бросила взгляд на золотые часы, украшавшие ее худенькую руку. – Правда красивые?

– Подарок?

– Да. От моего дяди Дэвида.

Абби замолчала. Пожалуй, Барти даже не заметила бы этой затянувшейся паузы, если бы не сильное раздражение, охватившее ее.

– Я и не знала, что у тебя есть дядя. Явно не из богатых.

– Барти, ну не будь такой занудой. Ты что, ревнивый муж?

– Прости. Желаю приятного общения с родителями.

– Спасибо. А тебе – насладиться музыкой.

* * *

Барти собиралась пойти на концерт прямо с работы, но заляпала свитер кофе и потому решила заехать домой и переодеться. Пока она рылась в гардеробе, зазвонил телефон.

– Это мисс Миллер? Мисс Миллер, вы меня не знаете, но я знаю, что вы близкая подруга моей дочери. Мою дочь зовут Абигейл Кларенс.

- Да. Здравствуйте, миссис Кларенс.
- Надеюсь, вы не против того, что я вам звоню. Однажды, когда мне нездоровилось, Абби дала мне ваш номер.
- Разумеется. Но...
- Мы несколько раз пытались дозвониться до Абби. Мы завтра приезжаем в Лондон и хотели бы с ней повидаться. Но она почему-то не берет трубку. Мы подумали: возможно, она у вас.
- Нет, – медленно ответила Барти. – У меня ее нет.
- В таком случае, если вы вечером ее увидите, передайте, пожалуйста, чтобы она нам позвонила. Хорошо?
- Да, конечно. Только...
- Благодарю вас. До свидания, мисс Миллер. Очень надеюсь вскоре с вами увидеться. Барти опустила трубку и сказала вслух:
- Абби, что же ты затеяла?

* * *

Поздним вечером Барти сидела у окна и смотрела на темные окна квартиры Абби – не вспыхнет ли там свет. Эта ситуация одновременно вызывала у нее любопытство и чувство стыда. В одиннадцать Барти легла, но заснуть не могла. Ее удивляла собственная реакция на ложь Абби. А она-то думала, что они с Абби близкие подруги.

Была почти полночь, когда Барти услышала шум подъезжающей машины. Она встала и подошла к окну, но опоздала. Мигнув задними сигнальными огнями, машина скрылась за углом. Где-то через минуту в окнах квартиры Абби вспыхнул свет.

Единственное, в чем Барти была уверена, – это в размерах машины. Машина была большая. Очень большая.

* * *

– Селия, доброе утро, – сказал Бой, войдя в свою галерею на Корк-стрит и увидев шагнувшую ему навстречу Селию. – Идемте, выпьем по чашке кофе. У меня для вас есть подарок. Он вам очень понравится.

– Сомневаюсь, Бой, что мне захочется брать от тебя подарок, – холодно ответила Селия.

– Черт возьми, а почему бы нет? В чем я провинился? И наконец, что вас занесло в эту часть города? Уж не собрались ли вы навестить старину Банни? Ведь его логово где-то здесь, если не ошибаюсь?

– Представь себе, нет, – раздраженно отозвалась Селия. – А теперь, Бой, сделай паузу в своих инсинуациях и ответь: с кем это ты недавно был в опере? Кто эта женщина?

– Она работает в одной из благотворительных организаций моего отца. Он просил меня взять ее на «Гибель богов». Билет предназначался для Венеции, но она не ахти какая любительница оперы. К тому же она еще не оправилась после рождения Элспет. А мне не хотелось, чтобы билет пропал. Едва ли в этом моя вина?

– Формально нет. Но ты мог бы остаться дома, с Венецией.

– Что я и сделал. Я уехал после первого действия, вручив мою подопечную заботам одного из моих знакомых. Странно, что вы этого не заметили.

– Заметила, – сказала Селия, чувствуя себя довольно глупо.

– Ну вот, видите. Кстати, а вам понравилась опера?

– Очень понравилась.

– А много ли вам рассказал лорд Арден про свою новую забавную партию?

– Едва ли это его партия, – возразила Селия, благодарная за перемену темы. – А фактически он рассказал мне довольно много. Обещал познакомить меня с Томом Мосли²⁶. Их идеи показались мне достаточно интересными.

– Селия, даже не думайте об этом. Эти люди очень опасны. Когда им выгодно, они верят в силу. Они расисты до мозга костей. Адольфа Гитлера они считают славным малым, хотя, по-моему, он просто психопат.

– Абсолютная чепуха. Гитлер – провидец, а умение прозревать будущее сейчас очень необходимо. Нам бы оно тоже не помешало. Сколько людей влачат жалкое существование, не находя себе работы? А «голодные марши»? Шахтеры вот-вот начнут есть уголь, но правительство способно предложить всего лишь жалкое, урезанное пособие по безработице. Никакого воображения.

– А что предлагает им сэр Освальд?

– Твердую власть, которая все поставит под контроль. Полное реформирование экономики и общества.

– Насколько я понимаю, в случае необходимости он готов применить силу?

– Силу убеждения. Думаю, ты знаешь, что с ним встречались представители двух основных партий и признали яркость и оригинальность его идей. Но он отказался от чьей-либо поддержки и мужественно решил идти собственным путем. Хочет действовать по-своему. Ты не поверишь, насколько его идеи способны волновать.

– Не поверю, это точно, – сухо ответил Бой. – И результатом ваших изысканий, леди Селия, будет новая книга?

– В общем... возможно, что и так, – сказала она. – Я считаю, что с этими идеями нужно познакомить самые широкие слои населения.

– А что об этом думает Оливер?

– Мы с ним пока это не обсуждали... Может, поговорим о чем-нибудь другом?

– Давайте. Откройте ваш подарок. Смелее.

Селия развернула бумагу и засмеялась:

– Бой, это просто чудо. Спасибо тебе огромное.

– Я же знал, что вам понравится.

Это была бумажная кукла с лицом Ноэля Кауарда, одетая в майку и длинные трусы. К кукле прилагался целый гардероб бумажных нарядов.

– Я просто влюбилась в эту игрушку. Поселю ее у себя в спальне.

– Очень подходящее место. У меня он живет в кабинете. Бумажный Ноэль вдохновляет и подбадривает меня.

– Бой, неужели тебя нужно подбадривать? – удивилась Селия.

Она говорила непринужденным тоном, однако глаза оставались жесткими.

– Иногда нужно.

* * *

Джайлз решил поговорить с нею. Раз и навсегда узнать о ее чувствах к нему. Наверное, она и не догадывалась о его чувствах к ней. Возможно, их чувства взаимны. И тогда... Что ж, тогда все будет хорошо. Даже более чем хорошо. Удивительно...

²⁶ Речь идет об Освальде Мосли – лидере английских фашистов. Томом его называли родные и близкие друзья.

* * *

- Барти, привет! Как насчет ужина со мною сегодня?
 - Я бы с удовольствием. Но мне нужно отвезти Себастьяну гранки и узнать его комментарии по поводу исправлений. Мы можем встретиться чуть позже?
 - Конечно. Почему бы нам не встретиться... ну, скажем, в половине девятого? Куда ты хочешь пойти?
 - Даже не знаю. Может, опять в «Лайонс-Корнер-хаус»?
- Ответ шокировал Джайлза.
- Барти, я имел в виду не закусочную, а более уютное место. Мне хотелось бы с тобой кое о чем поговорить. Мы могли бы съездить в «Риц».
- Барти с некоторым беспокойством посмотрела на него:
- Нет, Джайлз. Только не в «Риц». В таких местах я чувствую себя неуютно. А как насчет ресторанчика на Уолтон-стрит, где мы были несколько месяцев назад? Мне там очень понравилось.
 - Договорились. Жду тебя там.

* * *

- Она опоздала на четверть часа. Вид у нее был расстроенный.
- Джайлз, прости за опоздание. Мне всегда так грустно там бывать. Иззи – милейшее создание. Вылитая Пандора. С каждым днем это проявляется все сильнее. Везде лазает, болтает без умолку. Как только видит Себастьяна, спешит к нему, тянет ручонки, просит, чтобы он взял ее на руки. А Себастьян ее просто игнорирует. Проходит мимо, словно она мебель. Иззи смотрит ему вслед, и ее личико грустнеет. Джайлз, это так ужасно. Не знаю, чем мы можем помочь малышке.
 - Возможно, она могла бы пожить некоторое время у Венеции, – сказал Джайлз. – Одним малышом больше – для них это не станет обузой.
 - А ты знаешь, что она это уже предлагала? Я говорю о Венеции.
 - Она предлагала? Себастьяну?
 - Еще несколько дней назад. Он и слышать не захотел. Стал кричать на Венецию. Сказал, что Иззи – это его ответственность и останется с ним. Я удивлена, что Венеция тебе ничего не рассказала.
 - Вот тебе еще один пример того, что моя семья не принимает всерьез ни меня, ни мои мнения, – горестно произнес Джайлз. Потом, увидев ее лицо, испугался и торопливо пробормотал: – Прости, Барти.
 - Ты, случайно, не с Боем ходил на ланч? – спросила Барти, пытаясь переменить тему.
 - Он хотел соблазнить меня партией в гольф и убеждал отпроситься с работы.
 - Джайлз, это уму непостижимо! Он жуткий человек. Его жизнь совершенно бессмысленна. Когда мы встречаемся у вас дома, за столом, и он говорит со мной, я понимаю, почему он так всем нравится. Обаяния у него не отнимешь. Кажется, он всегда с таким интересом слушает то, что ему говорят. Это подкупает.
 - Бой не твой тип мужчины, да?
- Барти ошеломленно поглядела на него:
- Джайлз, я вообще не знаю, какой тип мужчины мой.
 - Наверное, ты пока просто не встретила такого мужчину.
 - Как видишь, – со смехом ответила она.

Джайлз не знал, считать ли ее слова ободряющими или наоборот. Боже, как все это ужасно.

- Давай что-нибудь закажем. Почему бы нам не выпить шампанского?
- По какому поводу, Джайлз?
- Мы не так уж часто куда-то ходим с тобой.
- В общем-то, да. Не так уж часто.

* * *

– Бой, что это?

– Новый столик. Нравится? Лакированное папье-маше. Крышка наклоняется, и тогда лучше виден ее рисунок. Вот так... Такие столики были популярны в середине девятнадцатого века.

– Неужели? – спросила Венеция. Голос у нее был довольно отрешенный.

– Я так обрадовался, когда сегодня увидел его на аукционе в Челси. Я хочу купить еще несколько таких столиков. Японский стиль сейчас в моде.

– Да?

– Очень. На следующей неделе я собираюсь съездить на большую ярмарку. Интересно, что я сумею там выловить. Хочешь поехать со мной?

– Нет, – быстро ответила Венеция. – Я все равно ничего не пойму в этих стилях и направлениях.

– Ты могла бы попытаться, что-нибудь почитать на эту тему.

– Нет, Бой, не буду. Меня подобные вещи совсем не интересуют.

– Да, – пробормотал он. – Похоже, что так... Послушай, Венеция...

– Что, Бой?

Его глаза были задумчивыми.

– Тогда назови мне, что могло бы тебя заинтересовать. Глядишь, у нас появились бы общие интересы.

– Если честно, сама не знаю, – беззаботно ответила Венеция. – Я хотела сказать, у нас всегда было мало общего. Согласен? С самого начала. И общих интересов у нас нет. Наши вкусы не совпадают ни в музыке, ни в фильмах, ни в пьесах. Практически ни в чем, кроме детей и наших друзей... Вот, сказала и вспомнила, что в конце лета хотела бы устроить большое торжество на открытом воздухе. Хочу отпраздновать рождение Элспет и мое возвращение к нормальной комплекции. Что ты думаешь?

– Думаю, если ты хочешь устроить это торжество, так устраивай, – соглашательским тоном ответил Бой. – Назови дату, чтобы я не занял этот день другими делами. А сейчас, с твоего позволения, я отправлюсь работать. К обеду вернусь.

Бой вышел из комнаты. Венеция смотрела ему вслед. Слезы были совсем близко, готовые брызнуть в любую секунду. Каким жестоким он стал в последнее время. Похоже, он ее совсем разлюбил. Но если быть честной с собой, Венеция не могла припомнить такого момента в их отношениях, когда бы Бой выходил за рамки вежливой внимательности к ней. Разумеется, не в постели. Там у них все было здорово. Но теперь это происходило все реже и реже. Невозможно вечно оставаться влюбленным до безумия. Эту фразу Венеция не раз слышала от матери. У них с Боем – трое детей, прекрасный дом, насыщенная светская жизнь. Все постоянно твердят, как ей повезло с замужеством. Счастье, вполне достаточное для каждой женщины. Для каждой...

* * *

Их вечер в кафе явно удался. И шампанское оказалось кстати. Она смеялась и болтала, рассказывая про Абби и про то, как они обе записались в велосипедный клуб и по выходным колесили по холмам Суррея.

– Велосипед доставляет столько удовольствия. А еще мы с нею очень часто ходим в театр, на галерку. И в кино тоже ходим постоянно. Я люблю кино. А ты? Мне нравится погружаться в фильм. Тебе бы тоже не мешало иногда ходить с нами.

– Я бы с удовольствием, – сказал Джайлз.

– И Хелену возьми с собой. Мне очень нравится Хелена. Она...

– Барти, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

– О Хелене, что ли?

– Не совсем.

– Тогда о чем?

– Хм...

– Похоже, разговор у тебя намечается серьезный, – с улыбкой сказала Барти. – Возможно, слишком серьезный для этого заведения. Может, мы устроим его у меня, за чашкой кофе?

– Что?.. Да. Отличная идея. Я на машине.

– Тогда поехали. – Барти встала. – Надо же, голова кружится. Наверное, от шампанского. Мы здесь замечательно посидели. Спасибо тебе, Джайлз. Это было здорово.

Джайлз посмотрел на нее. Она была такая симпатичная. Нет, «симпатичная» – не то слово. Она была почти красивой. Огромные глаза, золотисто-каштановые волосы. От шампанского и, наверное, от избытка смеха у нее слегка покраснелись щеки. На ней были темно-синий джемпер с V-образным вырезом, довольно короткая юбка, а ее невероятно длинные ноги облегали блестящие белые чулки. Да, у Барти были потрясающие ноги. Даже близняшки ей завидовали. Боже, если бы он не был девственником! Если бы он знал, как подойти к женщине и что с нею делать. Он ведь даже по-настоящему ни с кем и не целовался. Как это ужасно. А если разговор у них получится и Барти скажет: да, он ей тоже нравится? Джайлз не представлял, как вести себя с нею дальше. Конечно, вряд ли она захочет сразу лечь с ним. Но ему и не надо сразу. Ему было бы достаточно целовать ее, обнимать и гладить. Прежде чем жениться, он должен приобрести опыт. Это просто необходимо.

* * *

До дома, где жила Барти, они добрались весьма скоро. По дороге Джайлз полностью протрезвел, и это его ужасало. Вместе с опьянением исчезла и значительная часть его смелости.

– Ну, так о чем ты хотел со мной поговорить? – Барти продолжала улыбаться.

– Я... Боже мой, Барти, я не знаю, с чего начать.

– Может, с начала, в лучших традициях всех повествований?

Она откинула волосы назад и опять улыбнулась. Джайлз подался вперед.

– Хорошо, Барти. С самого начала. Я всегда... Словом, я всегда...

– Что, Джайлз? Что всегда?

Джайлз надолго умолк, затем выдавил:

– Любил тебя.

Его сердце забилося так гулко, что она должна была это слышать.

– Так и я всегда тебя любила, – быстро ответила Барти. – Да и что бы мы делали все эти годы друг без друга? Прежде всего, что бы делала я?

Джайлзу стало не по себе: она ничего не поняла. Или сделала вид, что не поняла. Надо действовать быстро, пока у него еще остались крупинцы смелости.

– Барти, я имел в виду совсем не это. Я говорю не о такой любви. О настоящей. Я люблю тебя, Барти. Очень люблю. Я считаю тебя очень красивой, очень умной и такой хорошей... В общем, я сейчас хочу сказать, что не могу представить, что мог бы полюбить другую девушку с такой же силой. Я... Боже мой... Дорогая Барти, могла бы ты... словом...

Джайлз потянулся к ней, взял ее за руку. Она не воспротивилась, не отдернула руку. Он наклонился к ней, уверяя себя, что все идет как надо. Пожалуй, он сейчас мог бы ее поцеловать. По крайней мере, поцеловать. «Я уже знаю, как это делается. И она, похоже, хочет...»

– Джайлз, нет! Нет, прошу тебя. Не разрушай, не порти то, что есть между нами.

– Разрушать? – оторопело повторил он. – Что разрушать? Что портить? Барти, ты о чем?

– Я хотела сказать, не разрушай и не порти нашу дружбу. – Она глубоко вдохнула. – Потому что она у нас есть. Такая удивительная дружба. Джайлз, я очень тебя люблю, но только... как друга. Я не могу представить своей жизни без тебя. Ты значишь для меня больше, чем кто-либо. Но... но... – Она замолчала.

– Но ты не хочешь... не можешь...

– Нет, Джайлз, не могу. Я считаю тебя умным, замечательным собеседником, я обожаю говорить с тобой, но я не...

– Но ты не находишь меня привлекательным? – спросил он, вдруг рассердившись на нее и на себя. – Ты не хочешь целоваться со мной. Ты не могла бы лечь со мной. Тебе этого даже не представить.

Какой ужас! Он не должен был произносить эти слова. Однако Барти они совсем не шокировали.

– Нет, Джайлз, не могла бы. Прости. Я просто не думала о тебе в этом плане. Я выросла вместе с тобой. Ты всегда был рядом. Как брат. Как Билли.

– А ты уже была в постели с кем-нибудь? – резко спросил он.

Он не знал, зачем спрашивает, но ему почему-то было важно услышать ее ответ.

Барти спокойно выдержала его взгляд:

– Нет. Не была. Пока еще не была.

Джайлз не знал, хорошо это или плохо. Наверное, хорошо. Значит, она не уверена, хочется ли ей этого или нет.

– Но мне хотелось, – добавила она. – Были мужчины, с которыми мне хотелось лечь. Это уже хуже. Явно хуже.

– Джайлз, я действительно тебя люблю. Честное слово.

– Нет, – возразил он, продолжая сердиться. – Сейчас ты пытаешься поддержать меня. Я тебе просто нравлюсь. Ты думаешь обо мне как о брате. Бедняга Джайлз: ни ума, ни обаяния, совсем не Литтон. Жалкий болван, которым никто не восхищается и которого никто не принимает всерьез. Думаю, я должен быть благодарен тебе хотя бы за то, что я тебе нравлюсь. Если ты сказала правду. Возможно, говоря так, ты решила проявить доброту, и только.

– Джайлз, не считай это проявлением доброты. Если это и доброта, то не та, какую ты имел в виду. Если бы я решила быть к тебе «добренькой», я бы лгала и притворялась. Я бы позволила тебе меня поцеловать. Но это вовсе не было бы настоящей добротой. Это был бы простой и легкий выход. Притворство. Делать одно, а чувствовать другое. Позволять себе быть с тобой нечестной. А ведь ты заслуживаешь совсем не этого.

– Заслуживаю! Какое громкое слово.

– Я говорю на полном серьезе. Да, заслуживаешь. Ты заслуживаешь милую, привлекательную девушку... теплую, которой по-настоящему хочется выйти замуж, родить детей, иметь семью. Я не такая, Джайлз. Какими бы ни были мои чувства, я еще очень, очень долго не захочу выходить замуж и уж точно не захочу детей. Я хочу сделать карьеру. Хочу крепко, по-настоящему утвердиться в жизни.

– Моя мать достаточно крепко утвердилась в жизни, но это не помешало ей выйти замуж и родить детей, – с горечью возразил Джайлз.

– Да, и ты никогда не видел своей матери, поскольку у нее вечно были дела. Тебе не хочется такой жизни, Джайлз. А мне хочется. Когда я выйду замуж, я все равно не брошу работу. И даже если у меня появятся дети. Да, в чем-то я хочу пойти по стопам твоей матери.

– Я бы не возражал. Если ты этого хочешь, если это приносит тебе счастье, ты могла бы заниматься тем, что тебе интересно... Боже, как же это смешно! – вдруг воскликнул он. – Ты даже не захотела, чтобы я тебя поцеловал, и тут же говоришь, что, даже имея детей, не оставишь работу. Это звучит абсурдно. Смешно. Я лучше уйду. Я... Прости, если огорчил тебя. Если поставил тебя в неловкое положение. Этого больше не повторится.

Джайлз встал, добрал до двери. Там он оглянулся. Барти смотрела на него. В ее огромных глазах была грусть и растерянность, а руки висели словно плети.

– Мне очень жаль, – хрипло сказала она. Голос был совсем тихий, почти шепот. – Джайлз, мне очень жаль.

– Спокойной ночи, – пробормотал Джайлз.

Он выскочил за дверь, сбежал по ступенькам, вышел на улицу, открыл дверь машины. Оказавшись внутри, Джайлз уронил голову на руль и заплакал. Он рыдал совсем тихо. Он не плакал очень давно, с детства, с тех самых пор, когда восьмилетним мальчишкой он вот так же всхлипывал на жесткой школьной кровати, с головой накрывшись одеялом. Одинокий мальчишка, забытый родителями, потому что теперь все их внимание было отдано его сестрам. И в целом мире только один человек помнил о нем, проявляя внимание и заботу. Барти.

Потом он завел мотор и очень медленно поехал домой.

Глава 12

– Дорогая, я хочу взять вас с собой в Париж.

– Париж! Как романтично. Мы остановимся в «Рице»? И вы будете покупать мне горы откровенного нижнего белья?

– Я не шучу, – без тени улыбки сказал Седрик. – «Стайл» командирует меня в Париж. Там появилась удивительная модель, которую зовут...

– Мюрт. Я знаю, – заявила Адель. – Ее впервые заметили в приемной французской редакции «Вога». Она сидела и кормила грудью своего ребенка. А редактор, увидевшая ее, заявила: «Я только что проходила мимо Девы Марии, кормившей младенца. Пойдите и приведите ее ко мне». За точность слов не ручаюсь, но смысл такой.

– Именно так и было сказано. Адель, вы просто звезда сплетен. Главное, что журнал договорился и Мюрт будет позировать для нас. Так как, дорогая, вы едете?

– Обязательно, – ответила Адель. – Только попробуйте меня не взять.

* * *

– Я еду в Париж, – тем же вечером объявила родителям Адель, когда семья собралась за обедом. – Правда здорово?

– Со своим приятелем-фотографом? – спросила Селия.

– Да, конечно. Мы едем работать.

– Вот как, – усмехнулась Селия.

Адель шумно вздохнула:

– Да, мамочка. Так.

– В следующем месяце я тоже должен быть в Париже, – сказал Оливер. – Осенью у нас выходит много новых книг. Рынок детективной литературы растет лавинообразно. У французов Жорж Сименон пишет за год более десятка романов. Фантастическая скорость. Мы пытаемся найти английского автора, способного тягаться с ним. Конечно, не по количеству книг.

– А Люк Либерман работает на прежнем месте? – поинтересовалась Адель, намеренно придав своему голосу оттенок беззаботности.

– Да. Он все там же. Я ведь и забыл: он тебе когда-то нравился. Верно?

– А я его помню, – встрял в разговор Кит. – Я с ним встречался, когда он приезжал сюда с каким-то французским писателем. Он мне очень понравился. Он тогда сказал: когда я подрасту, то смогу приехать к нему в гости. Обещал сводить меня на танцевальное выступление Жозефины Бейкер²⁷. Она...

– Крайне неприемлемое предложение, – заявила Селия. – Сколько тебе тогда было, Кит?

– Точно не помню. Лет восемь или около того.

– Я уверен, что мсье Либерман просто пошутил, – мягко заметил Оливер.

– Шутил он или нет, глупо говорить подобные вещи мальчишке, – отчеканила Селия.

– Но сейчас-то я гораздо старше. – Кит посмотрел на мать, и в глазах мелькнула злость. – Сейчас бы я заставил его отвечать за свои слова.

– Я ему обязательно об этом напому, – пообещала Адель. – Кстати, Кит, когда ты возвращаешься в школу?

– Адель! – прикрикнула Селия.

²⁷ Жозефина Бейкер (1906–1975) – американо-французская танцовщица, певица и актриса.

«Похоже, настали времена, когда мое чувство юмора напрочь разучились понимать», – подумала Адель.

– Занятия возобновляются двадцатого, – ответил Кит на вопрос сестры. – Времени еще предостаточно. Апрель в Париже – удивительное время. Прошу меня извинить, мне надо заниматься делом.

Кит покинул столовую. Адель улыбнулась ему вслед. Вот уже более года ее младший брат учился в Итоне, и ему там нравилось. Впрочем, Киту нравилось все. Он обладал жизнерадостным характером, не знал скуки, не позволял себе мальчишеских выходок и был очень общительным. Настоящий юный джентльмен из породы Литтонов; такой, каким хотел быть в его годы каждый мужчина. Кит был на редкость умен, прекрасно учился, не прибегая к зубрежке. Казалось, учится он больше для собственного удовольствия, а не мечтая о грядущей славе ученого. Однако, как бы то ни было, учеба давалась ему с потрясающей легкостью.

Его даже миновали ужасы отроческой поры. Он едва ли не мгновенно превратился из красивого ребенка в обаятельного молодого человека. Кит был высоким, но не долговязым. Даже золотистые локоны, из-за которых его иногда дразнили в прежней школе, благодатным образом преобразились в золотистые вьющиеся волосы. Селия беспокоилась о том, как бы «ангельская» внешность сына не привлекла к нему внимания гомосексуалистов. Сама она не решалась говорить с Китом на эту тему. Ей помог Бой Уорвик, который провел с мальчиком спокойную и обстоятельную беседу, объяснив, как вести себя в случае подобных домогательств.

– Конечно, это не дает полной гарантии, – говорил потом Бой Селии. – Но как известно, предупрежден – значит вооружен. Я ведь тоже в его возрасте был ангелочком, и одно время мне эта публика проходу не давала. Тогда я начал заниматься боксом, и от меня более или менее отстали. Я бы посоветовал Киту то же самое.

– Бой, я тебе так благодарна за разговор с Китом. И моя благодарность больше, чем способны передать слова, – призналась зятю Селия. – Оливер и Джайлз говорить на такие темы не умеют. Ничего по существу. Только запутывают мальчишку и еще больше сбивают с толку.

* * *

Чем дальше, тем сильнее беспокоили Селию отношения Боя и Венеции. Бой был очень умен, обладал блестящим интеллектом и слишком широким кругом интересов, чтобы довольствоваться милой глупостью Венеции и ее интеллектуальной наивностью. Селия и сейчас ожидала, что их брак распадется. Она лишь надеялась, что прежде Венеция сумеет найти себе занятие по душе, способное поглотить неумную энергию дочери.

Но Селия ничего не могла с собой поделать: Бой ей очень нравился. Он был неистребимо доброжелателен, он был на редкость нежным и любящим отцом. Щедрость его доходила до расточительности, а верность друзьям поражала. Ходили бесчисленные легенды о том, как Бой Уорвик одалживал друзьям, попавшим в беду, крупные суммы денег и потом отмахивался, когда друзья заикались о возврате долга в обозримом будущем. На самом деле он называл это займами лишь для того, чтобы не уязвить гордость друзей и облегчить их страдания.

* * *

В один на редкость погожий весенний день он без приглашения приехал в издательский дом «Литтонс» и спросил, может ли видеть леди Селию. Свой визит он объяснил тем, что

нашел картину художника, которым восхищалась леди Селия, и привез полотно с собой, чтобы показать ей и спросить, не захочет ли она купить эту картину.

– А пока вы думаете, я готов пригласить вас на ланч. Как вам такое предложение?

Степень ее восхищения Боем была настолько высока, что она согласилась. Обычно, когда леди Селию Литтон приглашали на ланч, это делалось заблаговременно, не менее чем за три недели.

– Я предпочитаю есть за своим рабочим столом. Между делом, – сказала она, надевая шляпу и перчатки. – Но сегодня у меня выдалось немного свободного времени. И куда, по-вашему, мы могли бы отправиться?

– В «Савой». Это совсем неподалеку...

* * *

– А Венеция у нас опять с начинкой, – сказал он, когда они отмечали шампанским покупку Селией картины. – Надеюсь, она вам уже сказала.

– Сказала, хотя и не в столь вульгарной форме. Что ж, прими мои поздравления, Бой. Правда, лично я думаю, что в нынешние времена четверо детей – это уже чересчур.

– Но у вас, Селия, их четверо.

– Да. Однако беременностей у меня было только три.

– Значит, вы думаете, что все это выглядит... Какое бы слово подобрать... Бесконтрольно? Тоже вульгарный термин?

– Я думаю, что новая беременность сильно измотает Венецию. Других мыслей у меня нет.

– Кстати, я ведь забыл, что вы еще и Барти воспитывали. Получается, у вас пятеро детей. Хотя появление Кита можно назвать «запоздалой радостью». Согласны? Представляю, какая радость была для вас с Оливером.

Его черные глаза так и плясали. Взгляд Селии был спокоен.

– Да, большая радость. И до сих пор он остается для нас большой радостью. А про тебя, Бой, я должна сказать, что ты очень хороший отец.

– Мне нравится быть отцом, – неожиданно признался он. – Я люблю детей. Нахожу их забавными и удивительными, а вовсе не скучными, как считает великое множество моих сверстников.

– Жаль, нельзя передать Себастьяну частичку твоих отцовских качеств, – со вздохом сказала Селия.

– Да, вы правы. Бедная малышка Иззи. Она больше уже не тянется к отцу. Поняла, что это бесполезно. Мы стараемся как можно чаще приглашать ее к нам на Беркли-сквер. Она любит у нас бывать. Но в конце дня ее все равно приходится возвращать отцу.

– Боже мой, неужели мы ничего не можем с этим сделать?

– Этого, Селия, я не знаю. Уж если вы не можете повлиять на Себастьяна, то другим нечего и пытаться. А ведь вы с ним такие давние друзья. – Бой улыбнулся ей своей в высшей степени безыскусной улыбкой. – Кстати, как поживает Банни Арден? Слышал, на прошлой неделе он и Синтия обедали с вами и Оливером. Когда в следующий раз они придут, пожалуйста, пригласите и нас. Мне не терпится расспросить Банни, как делишки у Тома и его шайки громил.

– Я бы не рискнула тебя приглашать, – нахмурилась Селия. – Не знаю, почему ты так враждебно настроен к Тому Мосли. Могу тебе сказать, что дела у него идут на редкость хорошо. Его партия растет. Сейчас в ней почти сорок тысяч членов. Люди вступают туда не от скуки и не из праздного любопытства. Лично я хотела бы видеть его в правительстве.

– Полагаю, что на следующей неделе вы пойдете на его отвратный митинг.

– Да, пойду. Почему бы и тебе не сходить? Возможно, это изменило бы твои взгляды.

– Ни в коем случае, Селия. Эти люди – безумцы. Баба́ Меткаф²⁸ крутит роман с Гранди²⁹.

– А мне нравится Гранди. И итальянское посольство мне нравится. Тебя бы изумила коллекция его картин. У него есть несколько полотен Тициана, а также восхитительные шпалеры и зеркала из дворца Медичи.

– Неудивительно. Кстати, а вы никогда не задумывались, каким образом он приобрел все эти шедевры? Точнее, как их заполучил Муссолини? Понимаю, с вами об этом говорить бесполезно. Вы, Селия, влюблены.

– Влюблена? Не говори глупостей.

– Это вовсе не глупость. Я имею в виду новое дело. Новую идеологию... А теперь, боюсь, мне пора идти. Заказать вам еще кофе?

– Нет, спасибо. И благодарю за ланч. Но относительно Британского союза фашистов ты не прав. И куда ты отправишься сейчас? Домой?

– Куда же еще? Я и так целый день отсутствовал. Жена и дети соскучились.

– Передай Венеции мою любовь и скажи, пусть не забывает отдыхать.

* * *

Садясь в машину, Селия оглянулась и увидела, что Бой остановил такси. После достаточно продолжительного разговора с шофером он уселся в машину. Такси тронулось, но поехало не по Странду, в направлении Беркли-сквер, а в противоположную сторону, свернув направо, к мосту Ватерлоо. Конечно, это еще ничего не значило. Совсем ничего. Если бы Бой не сказал, что собирается домой, она бы и внимания не обратила.

В издательство Селия вернулась, испытывая беспокойство. Дурочка Венеция – ну зачем она снова позволила себе забеременеть? Как это глупо.

* * *

– Я переезжаю, – объявила Абби, стараясь не встречаться с Барти глазами.

– Переезжаешь? Куда?

– В общем... Это как-то неожиданно. Я буду жить в доме.

– В доме? Абби, в чем дело?

– Видишь ли... Помнишь, я говорила тебе о моем дяде Дэвиде?

– Это тот, кто подарил тебе часы?

– Да... он. Словом, он... умер и оставил мне некоторую сумму денег. Вот я и подумала: куплю себе дом. А так – деньги разлетятся, не заметишь как. Я хочу сказать, это потрясающе хорошее вложение и...

– Должно быть, дом стоит кучу денег.

– Ну, не кучу, но достаточно много. И потом, дом не из дорогих. Не такой, как у Литтонов, – сказала Абби и улыбнулась.

У Барти вяло шевельнулась мысль: а не врет ли ей Абби? После истории с концертом она уже не могла доверять подруге, как прежде.

Естественно, Барти рассказала ей о звонке, зная, что миссис Кларенс все равно скажет об этом дочери. Абби опять произносила какие-то туманные фразы. Говорила, что ее

²⁸ Баба́ Меткаф – так называли леди Александру Налдеру Керзон (1904–1995), супругу майора Эдварда Меткафа. Слово «баба» своим происхождением обязано индийской няньке, которая так произносила слово «беби» (ребенок).

²⁹ Дино Гранди – итальянский политик и дипломат времен правления Муссолини.

родители безбожно опоздали и она несколько часов ждала их в ресторане. Но даже по этим туманным фразам можно было понять, что Абби, возможно, и сидела в ресторане, однако не с родителями.

Барти не стала говорить подруге, что видела ее возвращение, видела большую черную машину. Какой в этом смысл?

Но Барти это задевало. И дело не в том, что она волновалась за Абби или ее интересовал мужчина, с которым та могла оказаться или не оказаться в постели. И все-таки почему Абби с самого начала не сказала ей правду? Должно быть, не считала Барти близкой подругой – вопреки надеждам самой Барти. Однако Абби живо интересовалась ее историей с Джайлзом, внимательно слушала рассказ Барти, задавала только самые уместные вопросы, утешала ее и говорила, что Барти поступила самым правильным образом, проявив смелость и честность.

– Огромное большинство девушек поступили бы иначе. Постарались бы убедить себя, что им действительно нравится этот мужчина, а потом с легкостью бросили бы его, найдя кого-нибудь получше.

Абби очень ценила честность... в других.

* * *

– И где же ты теперь будешь жить? – с грустью спросила Барти. – Я буду по тебе скучать.

– В Клэпхеме. Это недалеко от новой школы и всего остального. Я ведь тоже буду по тебе скучать. Но ты обязательно должна меня навещать. В любое время. В доме достаточно места. Ты всегда сможешь остаться на ночь.

– Да, – сказала Барти. – Да. С удовольствием. Спасибо.

Позже, лежа в кровати, она чувствовала непонятное беспокойство. Причина была не только в переезде Абби. С ней самой творилось что-то непонятное. И ощущения были какими-то иными. Что же это такое? Что?

Возможно, на нее подействовала скрытность Абби. Похоже, все слова подруги имели лишь одну цель: запутать Барти, отвлечь от мыслей об истинных причинах переезда. И о том, как на самом деле куплен дом в Клэпхеме. Но зачем? Почему бы просто не сказать ей правду?

Барти вздохнула. Скверно ей было сейчас. И не потому, что все шло плохо. Но все шло как-то неправильно. Совсем неправильно.

* * *

На следующий же день после объяснения Джайлза в любви Барти спросила, не может ли она некоторое время поработать в Париже или Нью-Йорке. Ей это казалось хорошей идеей и разумным решением. Однако получила отказ. В обоих городах работы для нее не было. Литтоны не могли и не собирались навязывать Барти ни французам, ни американцам. Ведь это ее желание не более чем каприз и не имеет под собой никаких оснований. Оливер ей так и сказал, и голос его звучал почти сурово. Барти была в смятении. Ей по-прежнему приходилось видеть Джайлза, ежедневно, а то и ежечасно обсуждать с ним какие-то текущие дела. Они встречались и за столом в доме Литтонов. Разве она могла отказаться и не прийти? Когда-то Джайлз был для нее единственной отдушиной на этих скучных сборищах. Но теперь... Барти просто шокировало это его внезапное признание, этот выплеск откровенности. Она неоднократно спрашивала себя: может, она сама во всем виновата? Может, она сама побуждала его к этому признанию? Барти часами напролет анализировала свое поведение. Похоже, ее подтрунивания, поддразнивания, чисто сестринские поцелуи он восприни-

мал совсем по-другому. Похоже, приглашение к ней домой он тоже расценивал не просто как возможность посидеть и поболтать. Добавить к этому приглашения на ланч и на ужин, которые она охотно принимала. Наконец, даже ее привычка брать его за руку, когда они гуляли. Все это могло истолковываться Джайлзом совсем не так. Наверное, он утвердился в мысли, что она испытывает к нему более сильные чувства, чем на самом деле.

Если догадки верны, получается, теперь она платит чудовищную цену за свое легкомыслие. Джайлз на нее почти не смотрел. Он практически не разговаривал с нею, а если и говорил, то сугубо официальным тоном. Джайлз настолько стремился везде и всюду избегать ее, что персонал издательства явно это видел и недоумевал о причинах.

В этой истории только Селия и Оливер не замечали очевидного и ошибочно предполагали, что Барти и Джайлз, должно быть, просто поссорились.

* * *

Барти была потрясена скоростью, с какой Джайлз объявил о своей помолвке с Хеленой. Вскоре он заявил, что любит эту девушку и намерен на ней жениться. Новое известие уже не столько потрясло, сколько опечалило Барти: Джайлз торопился жениться на той, которую вряд ли по-настоящему любил. Хелена служила ему болеутоляющим средством для него самого и плеткой, чтобы отхлестать Барти. Это было глупо и неправильно.

Но Барти была бессильна что-либо сделать. Ей приходилось улыбаться и притворяться, целовать Хелену во время помолвки, говорить, что она с радостью станет подружкой невесты. И ни словом, ни жестом не показывать своего согласия с мнением близняшек об ужасной ошибке, совершаемой Джайлзом.

Поведение самой Хелены не вызывало у Барти нареканий. Хелена была серьезной, целеустремленной девушкой и вполне искренне любила Джайлза. Но в то же время она отличалась невероятным эгоцентризмом и качеством, которое иначе как обидчивостью не назовешь. Возможно, самой заметной чертой ее характера была необычайная преданность семье, куда ей предстояло войти невесткой. Однако Хелена совершенно не обладала чувством юмора, и разговор с нею особого удовольствия не доставлял.

Барти она поначалу даже понравилась. Более того, Барти была склонна принять сторону Хелены, но достаточно скоро поняла, что это невозможно. Причина крылась не только в том, что Хелена изменила свое отношение к ней, хотя и в этом тоже. После недолгих чрезмерных восторгов в адрес Барти Хелена начала относиться к ней почти что снисходительно.

Частые приглашения домой к будущим супругам прекратились. Наверняка Джайлз почувствовал такое же облегчение, как и сама Барти. Прекратилось и энергичное стремление Хелены сделать Барти своей подругой. Хелена уже не восхищалась ни Барти, ни ее успехами и больше не пыталась привлечь ее на свою сторону, сделав членом «антилиттоновской» коалиции. Да и Джайлз вовсе не выглядел счастливым женихом. Вид у него был мрачным и угрюмым, особенно по утрам. На собраниях Джайлз держался настороженно, готовый защищаться. Он словно перестал воспринимать идеи и предложения и все враждебнее относился к малейшей критике в свой адрес, причем не только со стороны Селии, но и Оливера тоже.

Все это немало осложняло Барти жизнь. Радоваться тут было нечему.

* * *

Хелена с нетерпением ждала возвращения Джайлза. Ей хотелось, чтобы сегодня он поскорее вернулся с работы в их уютный домик на Уолтон-стрит. У нее есть для него такая удивительная новость. Такая исключительно удивительная, потрясающая новость. Она была необычайно счастлива. Наконец...

В самом начале она даже боялась поверить в свое счастье. Конечно, она обрадовалась предложению Джайлза, обрадовалась, что он любит ее не меньше, чем она его. Она радовалась всем последующим ритуалам: церемонии помолвки, выбору колец, объявлению ее и его родителям о намерении пожениться, сообщениям в газете, поздравительным письмам. И все же это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Обед в семье Литтон стоил Хелене некоторого нервного напряжения. Леди Селию она нашла устрашающей, а близняшек – утомительными. Хелену особенно раздражало, что Джайлз, будто маленький, до сих пор благоговееет перед матерью. А вот Оливер ей очень понравился: такой добрый, мягкий. К ее удивлению, ей понравился и Бой Уорвик, хотя она не одобряла мужчин такого типа. А какой милый и умный мальчик этот Кит. Барти была просто очаровательна. Хелена чувствовала во всем этом некую странность. Прежде всего, относительно Барти. А тут еще слова ее матери, похожие на иссушающий ветер:

– Насколько я понимаю, эта Барти происходит из очень бедной семьи. Почти что из трущоб. Конечно, по ее виду не скажешь. Все тип-топ, все как надо. Вполне себе НХН. Но поневоле начинаешь думать...

– Мама, что такое НХН?

– Не хуже нас, дорогая.

Материнский снобизм удивил и шокировал Хелену. Ей захотелось напомнить матери, что ее дед родом из той части Лондона, которая мало чем отличается от трущоб. Поскольку эта правда колола глаза, миссис Даффилд-Браун приложила немало усилий, чтобы скрыть сей факт и даже забыть о нем. Не распространялась ее мамочка и о том, что вышла замуж за простолюдина Лесли Брауна и добавила к его фамилии свою девичью фамилию. Тут у дочери с матерью произошел разговор на повышенных тонах, после чего Хелена заявила, что подобный снобизм, по ее мнению, начисто вымер после войны. Естественно, рассказать об этом Джайлзу Хелена не могла – его бы это только расстроило. Но она решила быть особо любезной с Барти, а матери при каждом удобном случае напоминала, что Барти с отличием окончила Оксфорд и теперь считается в издательстве «Литтонс» одним из самых перспективных редакторов.

Что касается упомянутого обеда, там миссис Даффилд-Браун почти не раскрывала рта. Во-первых, она весьма неловко чувствовала себя среди такого обилия Литтонов, а во-вторых – боялась, как бы Лесли не выпил лишнего и его не потянуло бы вспомнить свой прежний говор или, что еще хуже, удариться в воспоминания о своей юности. Миссис Даффилд-Браун с трудом выдерживала это эмоциональное напряжение. Она сидела между Джайлзом и Оливером, говорила, только когда к ней обращались, и то короткими фразами. Нервное напряжение лишило ее аппетита. Леди Селия это заметила и учтиво осведомилась о состоянии ее здоровья.

– Нет, все превосходно. Благодарю вас, Селия, – ответила мать Хелены.

Дальше называть будущую свекровь ее дочери леди Селией ей казалось проявлением раболепия.

– Ты обратила внимание на лицо нашей мамочки? – спрашивала потом Адель у Венеции. – Бедная старая миссис ДБ. Она явно не знала, чем рискует, самовольно убрав титул перед мамочкиным именем.

– И как она решилась? – спросила Венеция. – Ситуация из страшеньких, хотя я...

– Я тоже. Ты не...

– Нет, он марионетка. И...

– Хм. Пока не уверена. С тех пор она немного изменилась.

– Изменилась ли? Не настолько, чтобы...

– Не обращай внимания. Похоже, Джайлз...

– Я надеюсь, что да. Я очень надеюсь, что да.

* * *

Местом проведения свадебного торжества был выбран отель «Дорчестер». Селия объявила об этом как о чем-то само собой разумеющемся. О том, что она считает Доркинг неподходящим местом для свадьбы сына, вслух не было сказано ни слова.

– В маминых устах слово «Доркинг» звучит как «Содом и Гоморра», – хихикая, говорила потом Адель.

Дом Даффилдов-Браунов в Кенсингтоне был слишком мал для такого количества гостей.

В белом атласном платье с довольно короткой вуалью Хелена была очаровательна. В руках она держала красивый букет лилий. Все подружки невесты нарядились в платья бледно-розового цвета. Подружек было двенадцать: шесть взрослых, включая Барти и Адель, и шесть маленьких девочек, в число которых входили Иззи Брук и совсем маленькая Элспет Уорвик. Обе – точные копии своих матерей, о чем гости говорили на протяжении всего торжества. Барти шепнула Киту, что Себастьян был бы очень этим рассержен. Однако Себастьян на свадьбу не приехал. Некогда общительный, теперь он отклонял почти все приглашения. Пользуясь правом приглашать своих гостей, Барти позвала Абигейл Кларенс. Та выразила крайнюю разочарованность отсутствием Себастьяна.

Семья Даффилд-Браун не поскупилась, и празднество получилось чрезмерно щедрым. Настоящим сюрпризом бала стал дедушка Перси – отец Лесли.

– Ну кто бы мог подумать! – воскликнула Венеция, с хохотом сбрасывая шляпу и плюхаясь на диван. – Наша рафинированная бабуля и рядом с ней – этот простак из лондонских низов. А она ему комплименты расточала. Говорила, что такие, как он, – становой хребет Британии. Но знаешь, он интересно рассказывал про свою жизнь, про работу на сталелитейном заводе. Я все думала, что миссис ДБ хватит удар. Она явно надеялась, что ее тестя там не будет.

– По-моему, наша бабуля делала это специально, чтобы ее позлить, – сказала Адель. – Для того они с нашей мамочкой деда и позвали.

– Очень может быть, – согласилась Венеция.

* * *

Медовый месяц несколько разочаровал Хелену. Она была вполне уверена, что Джайлз ее разочарования не заметит. Она изо всех сил старалась быть благодарной. Говорила мужу, как у них все замечательно, особенно *это*. Однако себе она продолжала твердить, что могло бы быть и лучше. Конечно, Хелене было не с чем сравнивать, но из всего того, о чем она читала и слышала, следовал неутешительный вывод: *это* должно происходить лучше, чем у них. Значительно лучше. По крайней мере, ей не было больно... или не настолько больно, как бывает, если верить некоторым книгам. Уже на том спасибо. И конечно же, как приятно было целоваться совсем голыми. Хелене это очень понравилось. И Джайлз вел себя вполне пристойно. Не разложил ее сразу и не приступил к «мужскому делу». Нет, он ласкал ей грудь и говорил, как он ее любит. Но потом... да, потом. *Это* кончилось так быстро. Ужасно быстро. Несколько движений, напоминающих толчки, потом Джайлз застонал. Хелена почувствовала, как он вздрогнул всем телом. И... все. Естественно, она притворялась как сумасшедшая; говорила, до чего же ей понравилось, и так далее. Не стань у нее между ног мокро и не почувствуя она легкую боль, она бы вообще не поняла, что *это* произошло.

Но стоило ли удивляться? Они оба не имели никакого опыта. Она – точно, Джайлз говорил, что почти не имел. Хелена очень ценила его искренность, да и неискушенность

в сексуальных вопросах тоже. И все-таки лучше бы он был чуточку опытнее. Наверное, сказалось и то, что они оба очень устали после свадебного торжества.

Возможно, так оно и было. Хелена думала об этом в их первую брачную ночь, прислушиваясь к храпу мужа. Она и не подозревала, что он храпит, и отнюдь не находила это романтичным. Наверное, со временем, когда они оба успокоятся, привыкнут друг к другу, не будут такими нервными и напряженными, у них *это* станет получаться лучше. Времени у них предостаточно, а за ближайшие несколько недель можно вдоволь поупражняться. И они достигнут успеха. Ей и сейчас хотелось, чтобы *это* приносило ей хоть чуточку удовольствия.

На следующее утро Хелена едва сдерживалась, изнемогая от нескончаемых вопросов Джайлза.

– Дорогая, правда это было здорово?

Сначала она терпеливо отвечала «да», надеясь, что Джайлз этим удовлетворится. Но он стал терзать ее новыми вопросами:

– Дорогая, а для тебя это было так, как надо? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, хорошо, – отвечала она. – Очень хорошо, честное слово.

Джайлз пошел по второму кругу пыток вопросом: «Правда это было здорово?» Стискивая зубы, она твердила: «Да, да, да». Она не могла себя заставить сказать: «Удивительно». Не могла. Вот когда *это* будет удивительно, тогда она и скажет. А ведь будет. Обязательно будет.

* * *

Первая часть их медового месяца, проведенная вдали от Лондона, была просто замечательной. Молодожены отправились на юг Франции и поселились на снятой вилле. Погода только радовала. Хелена много читала. Они вкусно ели, совершали долгие прогулки. Джайлз говорил, как сильно он ее любит и как счастлив. Они без конца обсуждали свое будущее: большую семью, которой обзаведутся, и успех Джайлза в издательстве. Хелена не сомневалась в успехе мужа. Все знали, насколько он умен и усердно работает.

– Когда твой отец отойдет от дел, ты станешь мистером Литтоном Третьим, – говорила она. – Ты возглавишь самый лучший издательский дом Лондона.

На это Джайлз отвечал, что сомневается в желании отца когда-либо отойти от дел, а уж мать точно не уйдет на покой. Хелена называла это чепухой.

– Цепляться за свои места неправильно и эгоистично. Получается, твои родители лишают тебя шанса сделать карьеру. Мы им этого не позволим.

Джайлз не разделял излишне позитивных взглядов жены.

* * *

Возвращение в их уютный лондонский домик тоже было приятным. Хелене понравилось встречаться со своими подругами в новом статусе замужней женщины. Правда, ее разговоры остались прежними, и сплетни все так же занимали в них изрядное место. Она училась вести хозяйство и иногда готовила для Джайлза. Он сказал, что постоянный повар им не по карману. Только приходящий.

Поначалу Хелена не возражала, но после нескольких месяцев совместной жизни такое положение вещей начало ее раздражать. Джайлзу явно платили недостаточно. Стоило ей о чем-то заикнуться, как он отвечал: «Мы не можем себе этого позволить». Ну и скупердяи эти Литтоны! Сами явно загребают кучу денег, а прибавить зарплату сыну не хотят. Если бы не финансовая поддержка ее отца, она бы даже не смогла покупать себе понравившуюся

одежду. Хелена очень внимательно относилась к своей роли жены и хозяйки дома, а для этого любой женщине нужно красиво и модно одеваться.

Ей хотелось постоянно устраивать праздники и вечеринки, но вплоть до их первого совместного Рождества об этом не могло быть и речи. Хелена знала, какие слова услышит от мужа: «Мы не можем себе этого позволить». Ненавистные слова! Они стали причиной их первой крупной ссоры... затем второй и третьей. Вскоре Хелена сказала Джайлзу, что ему нужно просить о повышении зарплаты. Он ответил, что ему и так повысили зарплату, когда они поженились, и он не смеет просить о новом повышении.

– А как мы будем жить, когда у нас появятся дети? – спросила она.

Джайлз, вероятно, сам не очень это представлял, но сказал, что тогда их финансовое положение, очевидно, изменится. В свою очередь, он заявил, что ему не нравится материальная поддержка, оказываемая Хелене ее отцом. Хелена ответила, что эти деньги ей нужны, а если он хочет, чтобы она отказалась от отцовской помощи, пусть изыскивает способы увеличить их семейный бюджет.

Она и не подозревала, в какой рабской зависимости от родителей находится ее муж, причем не только на работе, что было естественно, но и дома. Если Селия говорила, что хочет их видеть, никакие отговорки не принимались. Если она устраивала прием, Джайлз и Хелена, как и остальные члены семьи, были обязаны ей помогать. Исключение составляла Барти, которая, похоже, вытребовала себе свободу.

Мало-помалу Хелена перестала восхищаться Барти и начала ее ненавидеть. Оливер явно обожал эту девчонку. У нее была своя машина – наверняка подарок его и Селии, когда она завоевала какое-то там высокое место в Оксфорде. Конечно, это было целиком их личное дело, и все же... В издательстве эта Барти, видите ли, занималась очень важной работой. У нее даже был свой круг авторов, с которыми она поддерживала контакты. «Разумеется, никого из крупных писателей там нет», – поспешно добавил Джайлз, рассказывая жене об этом. А сам он становился все раздраженнее и все чаще занимал оборонительную позицию. Иногда в течение всего ужина он сидел, не вымолвив ни слова, потому что у него было дурное настроение. Очень часто Хелена заставляла его глядящим в окно. Лицо у него было угрюмым, а на ее вопрос, не случилось ли чего, он поспешно отвечал, что ей показалось. Такое поведение мужа всерьез обижало и задевало Хелену. Люди не для того вступают в брак, чтобы носить неприятности в себе и отмалчиваться.

Хелене не понадобилось много времени, чтобы понять: Селия относится к Джайлзу совсем не так, как должна бы относиться. С ней самой Селия обращалась так, словно Хелена была дурочкой. Это особенно злило Хелену. Пусть она не училась в университете и не получила степень – Хелена боялась, что при очередном упоминании об успехах Барти не выдержит и накричит на свекровь, – но была исключительно хорошо начитана и следила за новинками современной литературы. Однако стоило Хелене попытаться заговорить с Селией о какой-нибудь книге, как та бросала на нее взгляд, полный холодного изумления. Взгляд, красноречиво говоривший, что мнения и воззрения Хелены не обладают ни малейшей ценностью.

К моменту первой годовщины их свадьбы Хелена была не то чтобы несчастной, но далеко не счастливой. Она не могла способствовать успеху Джайлза, и это ее угнетало. Его позиция вызывала у нее постоянное недовольство и возмущение. Из всех Литтонов, пожалуй, только Кит был с ней искренен и дружелюбен. Но Кит учился в закрытой школе и дома бывал нечасто. А тут еще ребенок. Точнее, его отсутствие. Разумеется, Хелена не хотела забеременеть вскоре после свадьбы. Это было бы глупо, и она очень тщательно применяла противозачаточные средства. Однако после Рождества она решила, что, пожалуй, пора обзаводиться первенцем. Хелена перестала предохраняться, но ничего не происходило. Месяц за месяцем. Она продолжала свои усилия забеременеть, но месячные приходили регулярно.

Когда у них с Джайлзом бывало *это*, она чувствовала себя более подавленной и напряженной. Наверное, она потому и не беременеет, что *это* у них по-прежнему далеко от идеала. Хелене было не с кем поделиться своими бедами. Однажды, будучи в гостях у подруги, она не выдержала и расплакалась. Подруга посоветовала ей сходить к женщине-гинекологу, у которой наблюдалась сама.

– Во-первых, это женщина. Во-вторых – очень откровенная, современных взглядов. С ней можно говорить о чем угодно и не бояться, что это ее шокирует, – сказала Хелене подруга.

Гинеколог оказалась довольно веселой женщиной средних лет. Без всяких иносказаний она объяснила Хелене, что быстро забеременеть удастся не всем и не всегда. Затем врач предположила, что интимная жизнь Хелены и ее мужа не такая, какой должна быть, но посоветовала ей не особо волноваться ни о беременности, ни о получении удовольствия в постели.

– Конечно, прискорбно, что это не доставляет вам удовольствия, но пока у вашего мужа происходит выброс семени, у вас остается шанс забеременеть. Не опускайте руки. Большинство женщин, которым не удается забеременеть, уделяют недостаточно внимания сексу.

Хелена, наполовину шокированная откровенностью гинеколога и наполовину успокоенная, вернулась домой с твердым намерением этой же ночью уделить достаточное внимание сексу. Целых два месяца она ждала задержки месячных, но те являлись с прежней регулярностью. И вдруг, когда Хелена уже впадала в отчаяние, месячные не нанесли ей своего обычного визита, и почти сразу же ее начало тошнить...

* * *

– Мадемуазель Адель?

Адель едва не уронила аппарат.

– Да, это я. – Она села на кровать, ощутив внезапную слабость в ногах.

– Люк Либерман. Вы меня помните?

– Да, конечно.

– Я услышал, что вы в Париже. Почему вы мне не сообщили? Я чувствую себя весьма *desolé*.

– Мне не было необходимости ставить вас в известность. Совершенно никакой необходимости.

– Но я бы с удовольствием пригласил вас на ланч.

– Мсье Либерман...

– Пожалуйста, просто Люк.

– Люк, я сюда не развлекаться приехала. И даже не за покупками. Я работаю. У меня каждая минута расписана. Времени на ланчи или на что-то еще просто не остается.

– Крайне печально это слышать. Вы говорите вполне серьезно?

– Вполне, – твердо ответила Адель.

– И в чем же заключается эта столь важная работа? Я могу об этом спросить?

– Да, конечно. Я стилист. Работаю у одного очень известного английского фотографа.

– Понимаю.

В телефонной трубке стало тихо. Адели не понравился ее разговор с Люком. Возможно, ей стоило говорить с ним более дружелюбным тоном. Его звонок взбудоражил ее. Ей захотелось произвести на него впечатление, выставить себя гораздо более занятой и более важной, чем она была на самом деле.

– А вы надолго в Париже?

– Всего на четыре дня.

– Вам нравится ваш отель?

– Да, очень. Прекрасное место.

Седрик забронировал им номера в небольшом, очень приятном отеле на рю де Сен. Окна выходили в ухоженный внутренний дворик. Поблизости было полно художественных галерей и ресторанчиков. А еще, совсем рядом, находился потрясающий рынок под открытым небом. Адель почувствовала, что живет сейчас в самом сердце Парижа.

Люк снова помолчал.

– Что ж, – наконец сказал он, – раз у вас нет времени для встречи, значит... его у вас нет.

Его голос тоже приобрел твердость. Адель с сожалением подумала, что ей нужно было говорить с ним полубезнее. Он просто хотел сводить ее куда-нибудь, развлечь.

– Может, мы могли бы встретиться завтра за чашкой кофе? – предложила Адель.

– Кофе? Это слишком... быстро. Я подумал, может, вы захотите прийти на petit déjeuner?³⁰

– Я бы с удовольствием, – ответила Адель.

Она снова уловила перемену в его голосе. Люк явно был не из тех, кто легко отказывался от задуманного.

– Отлично. Вам знакомо кафе «Флор»? Оно совсем рядом с вашим отелем.

– Нет.

– Напрасно. Это серьезный пробел в вашем знании Парижа. Оно находится на бульваре Сен-Жермен. Нужно совсем немного пройти по вашей улице. Я буду ждать вас там завтра утром, в половине девятого.

– Извините, но завтра в семь утра у меня начинается работа, – сказала Адель и подумала, что этим ответом опять расстроит Люка, но ошиблась.

– В семь утра? Это впечатляет! А послезавтра?

– Послезавтра? – повторила Адель. – Да, послезавтра в это время я буду свободна.

– Ну вот и отлично. Значит, у вас все-таки есть свободное время. Жду вас послезавтра, в половине девятого. Кафе «Флор». Au revoir, мадемуазель Адель.

* * *

Адель положила трубку. И чего она так разволновалась? Он женат. Он считает ее глупенькой. Он значительно старше ее и, ко всему прочему, ужасно одевается. Вот это и впрямь серьезное препятствие. Нужно отменить их встречу. Позвонить ему и сказать, что возникли непредвиденные обстоятельства. Это было бы куда разумнее, чем соглашаться идти с ним завтракать.

* * *

Они с Седриком обедали в одном из близлежащих ресторанчиков.

– Меня пригласили на завтрак. Надеюсь, это не внесет помех в ваши планы.

– Вас пригласили на завтрак? И кто же, дорогая?

– Один мужчина.

– Мужчина? Не желаете ли, чтобы я взял на себя роль вашей компаньонки?

– Ни в коем случае. Он работает в издательстве – парижском партнере «Литтонс». Намного старше меня и вдобавок женат.

– Женат! Дорогая, не думайте, будто для француза это что-то значит. Французы помешаны на свободной любви. И до женитьбы, и после нее. Кстати, он симпатичный?

³⁰ Завтрак (фр.).

- Вам бы он не понравился, – решительным тоном заявила Адель.
- Откуда вы знаете? Сдается мне, что симпатичный. Я уже ревную. И где же вы встречаетесь?
- В кафе «Флор».
- В кафе «Флор»? Тогда я еще сильнее ревную. Кстати, там и официанты очень симпатичные. Они знают все тайны Парижа. Думаю, мне следовало бы пойти с вами.
- Вы не пойдете, – отрезала Адель. – Я хочу встретиться с ним без нянек и компаньонов.
- Как эгоистично! – воскликнул Седрик.

* * *

День у них выдался тяжелый, в основном из-за капризов модели. Им пришлось фотографировать не легендарную Мюрт, которая в это время была больна, а весьма утонченную особу по имени Виллет. Адель призналась, что эта француженка могла бы преподавать ее матери целый курс по упрямству и несговорчивости. Виллет отказалась надевать добытую Аделью пелерину с блестками, отвергла палантин из белой лисы и даже золотистую ткань, которую редактор отдела красоты назвала почти идеальной. Два часа Виллет демонстрировала типично галльское пожимание плечами и оживленно переругивалась с парикмахером. Знаменитое терпение Седрика было готово вот-вот лопнуть. И тогда Адель пошла на ближайший уличный рынок и купила несколько отрезков бархата изумительных цветов: темно-красного, темно-синего и темно-зеленого. Поначалу Виллет презрительно сморщилась, но потом взяла темно-синий отрез и намотала его на свою светловолосую голову.

– Пожалуй, это то, что нам надо, – сказал Седрик. – Будем снимать.

Но сразу снимать не получилось. Виллет повредила прическу, и с парикмахером случился приступ ярости. Наконец, к четырем часам дня, когда Виллет стала больше похожа на Диану Купер в немом фильме «Чудо», они сделали несколько снимков в ателье. Затем, по предложению модели, вышли на улицы, блестящие после дождя, и буквально перед самым наступлением сумерек сфотографировали ее у фонтанов на площади Сен-Сюльпис. Виллет вдруг сделалась общительной и изобретательной. Она, босая, воздев руки к небу, стояла на краю фонтана и смеялась.

– Боюсь, журналу это не подойдет, – сказал Седрик, – но снимок очень красивый. Если его никто не купит, я увеличу его и повешу на стене в своем ателье.

* * *

На следующее утро Адель сидела на террасе знаменитого кафе «Флор» и с интересом разглядывала идущих мимо парижан. В это время откуда-то вынырнул маленький юркий автомобиль и остановился у самого тротуара. Из машины выскочил Люк Либерман:

– Доброе утро, мадемуазель Адель! Прошу великодушно простить меня за опоздание. Этот поток машин просто terrible. Я так рад снова вас увидеть. Вы изменились, стали совсем другой, взрослой и élégante. Я даже испытываю некоторую робость.

А вот Люк почти не изменился. Быть может, похудел, черты лица стали еще острее. Зато одежда на нем значительно изменилась к лучшему. Сейчас на нем была кремовая рубашка, серый костюм и серая шляпа из мягкого фетра. У них за спиной появился официант в длинном белом фартуке и черной короткой тужурке. В руках он держал серебряный кофейник. Сцена была типично парижской. Седрику это понравилось бы. Напрасно она отказалась взять фотографа с собой.

– Ах, Люк, если бы вы говорили правду, – улыбнулась Адель.

– Насчет того, что я испытываю робость? Говорю вам чистую правду.

– Вряд ли, – торопливо возразила Адель. – Но я имела в виду не это, а ваши слова насчет моей элегантности. Знаете, стоило мне провести в Париже два дня, и я почувствовала себя дремучей провинциалкой.

– Какие глупости, – сказал Люк, усаживаясь рядом с Аделью и не сводя с нее глаз. – Почему?

– Здесь все такие шикарные, не то что англичанки. Наверное, у французов это врожденное, как умение петь не фальшивя.

– Но в Лондоне так много настоящих красавиц, которые, выражаясь вашими словами, умеют петь не фальшивя. Дейзи Феллоуз, Диана Гиннес, Ия Абди.

– И посмотрите, кто они. Дейзи – француженка, Ия – русская, и только Диана – англичанка. Однако вы хорошо знаете красивых дам из лондонского высшего общества, – заметила Адель.

– Да, не стану отрицать. Что желаете заказать?

– Только чашку кофе. И пару круассанов. По-моему, у французов так принято завтракать?

– Нет, – с улыбкой возразил Люк. – Совсем не так. Позвольте сделать вам небольшой экскурс в настоящий континентальный завтрак. – Он повернулся к официанту. – Deux jus d'oranges, deux brioches, de la confiture, deux cafés au lait, et pour moi, deux oeufs³¹. Мадемуазель Адель, хотите яйцо? Они уже готовы и смотрят на вас. Вот они.

И в самом деле, на столе на круглой деревянной подставке уже лежали шесть яиц совершенно одинакового размера и формы. Адель покачала головой:

– Нет, благодарю вас. Я не ахти какая любительница завтракать.

– Наверное, это из-за ваших ужасных английских завтраков.

– Нет, не из-за них, – довольно резко ответила Адель, почувствовав обиду и желание защищать родную страну и ее кухню. – Просто я не ощущаю голода по утрам. Это у меня от мамы.

– От прекрасной леди Селии. Живая реклама, призывающая отказываться от завтраков. Кстати, как она?

– Превосходно.

– А ваша сестра?

– Не настолько. Enceinte. Кажется, по-французски это так?

– Совершенно верно. По-моему, несколько лет назад вы не говорили по-французски.

– Я и сейчас нельзя сказать, что говорю. Знаю чуть-чуть.

– Что ж, этого «чуть-чуть» вам вполне хватает. У вашей сестры ведь есть и другие дети?

– Да. Трое. Этот будет четвертым.

– Отлично. Мы во Франции верим в большие семьи.

Это было сказано с явным удовлетворением, словно Венеция производила детей на свет ради единственной цели – потрафить французам.

– Вы что, католик? – с любопытством спросила Адель.

– Нет, мадемуазель. Моя мама – еврейка, но моя бабушка – католичка. Они обе скорбят, что я не стал ни тем ни другим. В смысле религии.

– А в других смыслах?

– Как приятно, что мы заговорили на эту тему. – Люк улыбнулся ей. Его большие темные глаза так и буравили Адель, и она вдруг почувствовала глубоко внутри себя давно забытое ощущение беспокойства, почти тревоги. Адель отвернулась. – Отвечая на ваш вопрос, могу сказать: я испытываю некоторое влияние обеих религий. Временами мне от этого

³¹ Два апельсиновых сока, две бриоши, с конфитюром, два кофе с молоком и для меня – два яйца (фр.).

бывает неуютно. Если бы мне пришлось всерьез задуматься, то я бы сказал, что еврейские корни во мне сильнее. Их влияние оказывает на меня более сильное воздействие. – Он снова улынулся. – Но моя жена не еврейка. Я совершил самый ужасный для еврея поступок: женился на женщине не своей веры.

– Вы действительно так считаете?

– Да, конечно. Когда у нас будет больше времени, я попытаюсь вам это объяснить.

– Вы думаете, что у нас будет больше времени? – спросила Адель и тут же пожалела о своих словах.

– Мне бы очень хотелось, чтобы так было, – медленно ответил Люк.

Адель опустила глаза, вертя в руках бриошь, которую взяла из корзинки. Как этому человеку удастся настолько выбивать ее из колеи и одновременно делать такой беззаботно счастливой?

– Итак, – прежним тоном продолжал Люк, – какие у вас планы на этот день?

– Днем мы идем в редакцию журнала «Стайл». Потом Седрик – так зовут фотографа, с которым я работаю... я вам говорила – собирался несколько часов побродить по Парижу, выискивая места для будущих съемок. Он это называет «делать путевые зарисовки».

– Седрик. Какое очаровательное имя. Совсем как у маленького лорда Фаунтлероя³². Я не ошибаюсь?

– Нет. Надо же, как вы хорошо знаете английскую литературу. Думаю, Седрик чем-то похож на маленького лорда Фаунтлероя. Такой же невероятно красивый.

– Понимаю, – засмеялся Люк. – Что ж, это отвечает на один из моих вопросов. Мне не стоит ревновать, правда?

– Нет, вам не стоит ревновать, – сказала Адель. – Во всяком случае, не к Седрику.

– Хорошо. А к кому-то еще?

– Возможно, – холодно ответила Адель.

– Так нечестно. Вы должны мне сказать «да» или «нет».

– Мсье...

– Люк.

– Люк, вы женатый человек. Глупо говорить о ревности.

– К сожалению... а может, к счастью, человеческие чувства не подвержены влиянию брака. Я возжелал вас с первых минут, как увидел. Тогда я был холост. Теперь я женат, но продолжаю вас желать.

– Но ведь это смешно.

– Почему?

– Ну... вы едва меня знаете.

– Типично английское замечание.

– Ничего удивительного. Я же англичанка. – Адель смущал этот разговор, равно как и присутствие Люка. – Мне свойственно делать типично английские замечания.

– В вашем голосе появились сердитые нотки. Не надо сердиться.

– Я и не сержусь.

– Немного сердитесь. Но вам идет. Я замечал это и раньше. Ваши глаза становятся еще больше, а кожа приобретает замечательный цвет. А сейчас перестаньте метать в меня молнии и съешьте кусочек яйца.

– Не хочу никаких яиц. Я их терпеть не могу.

– Это яйцо вам понравится, – сказал Люк.

³² «Маленький лорд Фаунтлерой» – нравоучительный детский роман английской писательницы Фрэнсис Элизы Ходжсон (1849–1924).

Он взял ложку, очень аккуратно зачерпнул из сваренного всмятку яйца часть содержимого и съел. Потом снова зачерпнул и поднес ложку к губам Адели, не сводя с нее пристального взгляда. Она противилась не больше секунды, потом открыла рот и позволила Люку себя накормить. Яйцо действительно оказалось превосходным: очень мягким и в меру приправленным специями. Адель медленно, с наслаждением проглотила французский деликатес и улыбнулась:

— И вправду вкусно.

Этот момент был необычайно интимным. Официант с интересом на них смотрел. Опытный наблюдатель, он мгновенно понял, что это было. Рождение любовного романа.

Глава 13

– Скажи, у тебя с кем-то роман?

Ответ последовал не сразу.

– Да. И что в этом плохого?

– Ничего. Разумеется, ничего плохого.

– Почему же ты смотришь на меня, словно помесь моей матери с престарелой монахиней? Что дает тебе право меня осуждать?

– Абби. Я не собираюсь тебя осуждать. Честное слово, – сказала Барти.

Они сидели в кафе на Странде. Совместный ужин, дважды откладывавшийся – и опять из-за Абби, – превратился в чай после работы.

– Не собиралась, а в твоём голосе полно осуждения, – заявила Абби, сердито помешивая чай.

– Ты ошибаешься. Просто меня немного задело, что ты ничего мне об этом не рассказала.

– Барти, с какой стати я должна тебе рассказывать о подобных вещах? К тебе это не имеет абсолютно никакого отношения.

Слова Абби отчасти застали Барти врасплох. До сих пор она думала, что они с Абби достаточно близки и та не станет утаивать столь важное событие.

– Конечно, меня это не касается. Извини, Абби. Я... я вовсе не хотела вторгаться в твою жизнь. Меня только поразила твоя скрытность. На тебя это непохоже.

– С чего ты взяла? Мы с тобой знакомы не так уж давно. И начало нашего знакомства пришлось на тот момент, когда у меня никаких романов не было. На самом деле меня даже удивляет твоя уверенность, будто я стану тебе рассказывать. Признаюсь, в этом есть что-то трогательное. Может, тебе нужно привнести в свою жизнь немного любовного интереса?

Зеленые глаза Абби холодно и даже враждебно смотрели на Барти. Нерешительность и готовность извиняться вдруг сменились у Барти нахлынувшей волной злости.

– Возможно, мне и не помешал бы любовный интерес, но сейчас, Абби, речь не об этом. Просто я не люблю, когда мне врут. Когда твои родители мне позвонили, я чувствовала себя абсолютной дурой. Особенно после того, как ты сообщила, что встречаешься с ними и потому не сможешь пойти со мной на концерт. Ты могла тогда сказать мне правду. Я же не заставляла тебя обязательно идти вместе со мной. Но зачем же было ставить меня в дурацкое положение?

– Не сказала, поскольку не хотела, чтобы ты устраивала мне допрос с пристрастием. И вообще, Барти, оставь меня в покое. Не мешай мне жить так, как я хочу.

– Конечно. Я не стану тебе докучать. Приношу свои глубочайшие извинения, что затронула эту тему. Теперь я, кажется, понимаю, почему ты переезжаешь в Клэпхем. Тебе больше не хочется меня видеть. И в Клэпхеме ты можешь не бояться, что случайно встретишь меня на улице.

Как бы глупо это ни было, но глаза Барти наполнились слезами. Сердито смахнув их, она встала, бросила на стол монету в полкроны и пошла к выходу. Где-то через полминуты ее взяли за руку.

– Барти, прости. Надо же, какая дрянь из меня полезла. Не уходи. Давай еще посидим. Я совсем не хотела тебя обидеть.

Абби всегда была такой: скорой на извинения, искренне готовой заводить друзей. Барти вспомнила, как впервые услышала от нее об этом, и улыбнулась.

– Наверное, ты права, – согласилась Барти. – Что-то я нюни распустила.

– С кем не бывает? Пойдем сядем. Ты доешь свою булочку. – Она смотрела на Барти совсем по-другому. Спокойно. Дружелюбно. – Ты совершенно права. Я скрытничала. И все потому, что он... – Она замолчала.

– Женат? – подсказала Барти.

– Да.

– Ох, – вздохнула Барти, стараясь на этот раз не допустить оплошности. – Понимаю. Так это, наверное, хорошо. Согласна? Ты даешь ему... бесплатное питание? Твои слова, помнишь. Наверное, даже улучшаешь его брак?

– Вот именно. Рада, что ты прислушивалась к словам тетушки Абби. – Она улыбнулась Барти своей широкой, заразительной улыбкой.

Барти подумала, что в воззрениях Абби на секс есть нечто привлекательное. С какими-то из них Барти целиком соглашалась. Например, с правом спать с любимым человеком вне зависимости от того, замужем ты или нет. С этим Барти не спорила. Но с легкостью уложить в постель чужого мужа и совсем не испытывать угрызений совести... это уже было чем-то иным.

– Должна тебе сказать, это действительно улучшает его брак, – заявила Абби. – Он говорит, что теперь его жена гораздо счастливее, чем в прежние годы. Сам он стал менее требовательным к ней. Причем во всем, а не только в сексе.

– Понимаю, – вздохнула Барти.

– Как бы то ни было, не думаю, что у нас с ним это продлится долго, – призналась Абби. – Но пока мы вместе, мы получаем немало удовольствия. Он покупает мне изумительные подарки. Например, этот браслет. Тебе нравится?

Браслет был золотым и, сразу видно, очень дорогим.

– Да. Очень красивый.

– К тому же этот человек потрясающе умен. Мы с ним ведь не только сексом занимаемся. Мы ведем удивительно интересные разговоры.

«Это уже побольше, чем бесплатное питание», – подумала Барти.

Потом она спросила, отнюдь не ожидая, что Абби ответит:

– А кто этот мужчина?

Барти не ошиблась. Абби ей ничего не сказала. Вскоре Барти ушла, чувствуя одновременно облегчение и какую-то неясную тревогу. То, что Абби ей поведала, было лишь вершиной айсберга. В этом Барти не сомневалась.

* * *

В издательстве стало легче дышать. Беременность Хелены значительно разрядила напряженность. Джайлз сделался спокойнее и мягче. Натянутые отношения между ним и Барти вновь стали дружескими. Казалось, Джайлз наконец обрел то, что в полной мере создал сам, и это достижение, в реальности которого никто не сомневался, упрочило его статус во всех остальных частях его мира. «Надо же, как усердно потрудились этот еще не родившийся ребенок», – думала Барти, улыбаясь какой-то глупой шутке Джайлза, которой тот развлекал ее перед собранием. Кто знает, как изменится жизнь Джайлза, когда ребенок родится. Возможно, Джайлз даже сумеет изменить мнение Селии о своем старшем сыне.

* * *

Иззи далеко не сразу сообразила, что не все отцы похожи на ее собственного. Друзей у нее было не много. В основном она бывала в двух семьях. Но у Литтонов Уол почти всегда

работал в своем кабинете, как и ее отец, а ее визиты к Уорвикам почти целиком ограничивались просторной детской.

Жизнь в доме Уорвиков сильно отличалась от жизни в ее доме. Наверное, потому, что там было много детей. Когда дядя Бой – так ей велели называть этого человека – заходил в детскую, дети гурьбой бежали к нему, вскарабкивались на колени и требовали, чтобы он почитал им книжку. Дядя Бой даже вставал на четвереньки, изображая лошадь, и катал их на спине. Детский ум Иззи искал ответ на вопрос: почему там так шумно и весело? Наверное, тоже потому, что там много детей. Будь у дяди Боя один ребенок, тогда бы и он вел себя как ее отец, говоривший, что ему некогда с нею возиться.

А потом Иззи подросла, пошла в школу, стала бывать в семьях своих сверстниц и обнаружила, что многие отцы, вне зависимости от числа детей, ведут себя так же, как дядя Бой. Они читали книжки вслух, играли в разные игры, обнимали и целовали своих маленьких дочерей. Возвращаясь из гостей, Иззи видела отца, который либо работал, либо что-то читал.

– Добрый день, папа, – говорила она, надеясь на чудесную перемену в его характере.

Но чудесной перемены не наступало. Отец даже не всегда отрывался от своего занятия.

– Изабелла, ты же видишь, я занят. Пожалуйста, ступай в детскую.

И она послушно поднималась в детскую, где ее ждала няня. Иззи продолжала сравнивать своего отца с чужими и задаваться все тем же вопросом, не дававшим ей покоя. И каждый раз вывод, сделанный ею, был неутешительным: должно быть, она сама виновата. Видимо, она вела себя не так, как надо. Возможно, даже совершила какой-то некрасивый поступок, и теперь отец не хочет ни говорить с нею, ни тем более играть. Потом она начала думать, каким должно быть ее поведение, чтобы оно понравилось отцу.

* * *

– Адель? Это Люк Либерман. Я хочу, чтобы ты снова приехала в Париж.

– Я... Боюсь, я не смогу, – ответила Адель.

Голос ее звучал непринужденно, но от нахлынувших на нее чувств в теле вдруг появилась слабость. Адель даже прислонилась к стене.

– Почему не сможешь?

– Слишком занята.

– Тогда я приеду в Лондон.

– Зачем?

– Я снова хочу тебя видеть.

– Но, Люк, это же смешно.

– Я так не думаю.

– Напрасно. Между прочим, ты женат.

– Женат, но не вполне счастлив.

– Ну нет. – Адель слегка улыбнулась. – На это я не куплюсь. Так говорят все женатые мужчины. Жалуются, что несчастны в браке, что жены их не понимают.

– Все женатые мужчины? Смелое заявление. Я даже не предполагал, что ты знакома с таким ужасающим количеством женатых мужчин.

– Думаю, ты понял смысл моих слов. И я не...

– Что – «не»?

– Не заинтересована.

– Ошибаешься. – Его голос звучал почти самоуверенно. Чувствовалось, Люк был изумлен, хотя и старался это скрыть. – Ты очень заинтересована. Я почувствовал это, когда увидел тебя, и чувствую это сейчас, даже через телефонные провода.

– В таком случае провода тебя обманывают, – после секундной паузы сказала Адель. – Словом, это не то, что я имею в виду.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Адель. И это вполне естественно. Но... могу повторить еще раз: я хочу тебя видеть. Мне необходимо тебя видеть. И если ты не приедешь в Париж, я приеду в Лондон. Так где мы встретимся?

– Я в Париж не приеду. И мое решение абсолютно окончательное.

* * *

– Слушай, я тут... опять еду в Париж, – на другой день сказала она Венеции.

– В... Делл, зачем?

– Он позвонил. Сказал, хочет меня видеть. Я ответила, что не приеду. А теперь... собираюсь. Ничего не могу с собой поделать. Меня словно какая-то сила тянет туда. Все мысли из головы вылетели. Только и думаю о том, как снова его увижу, как снова буду с ним, как мне будет хорошо... И как скверно будет потом. Венеция, может, я сошла с ума?

– Нет, – возразила Венеция, глядя сестру по руке. – Ты просто влюбилась.

* * *

– Папа, у нас девочка. – В голосе Джайлза ощущались ликование и слезы. – Довольно большая. Семь с половиной фунтов.

– Ты отлично потрудился, сынок. Вы оба отлично потрудились. Как Хелена?

– Хорошо. Она держалась с невероятным мужеством.

– В этой ситуации все женщины так себя ведут, – сказал Оливер, вспоминая стоицизм Селии, проявляемый ею во время родов. – Могу лишь благодарить Бога, что мужчины от этого избавлены. Что ж, замечательная новость. И как вы ее назовете?

– Мэри. Мэри Александра.

– Звучит по-королевски.

– В самом деле? Полагаю, так оно и есть. Мне пора к Хелене. Она все еще немного взвинчена. Глаза на мокром месте.

– Не удивляюсь. И когда же мы сможем увидеть нашу новую внучку?

– Скорее всего, завтра. Пожалуйста, сообщи маме и девчонкам.

– Обязательно. Передай Хелене нашу любовь.

* * *

Джайлз сидел у постели Хелены, держал ее за руку, а другой рукой гладил по волосам. Он улыбался, глядя жене в глаза. Хелена лежала бледная, изможденная, но очень счастливая.

– Я так рада, что у нашей малышки все в порядке, – сказала Хелена. – Честно говоря, я боялась, вдруг что не так.

– А я боялся, что с тобой может быть что-то не так, – признался Джайлз. – Это было очень плохо?

– Хуже, чем я ожидала. Но теперь какое это имеет значение? Я себе постоянно твердила, что мои мучения обязательно закончатся и если я не умру, тогда все усилия были напрасны.

Джайлз кивнул. Пока жена рожала, он сидел в коридоре родильного отделения, отказываясь уйти в комнату ожидания или последовать примеру большинства мужей и отпра-

виться в клуб. Если бы ему разрешили, он бы все это время находился рядом с Хеленой. Джайлз пытался убедить персонал, чтобы ему позволили присутствовать при родах.

– Ишь чего выдумали – быть рядом с женой! – воскликнула изумленная акушерка. – Что за дурацкая мысль? Ей и так хватит волнений, чтобы еще вас успокаивать.

Врач тоже был против:

– Ни в коем случае. Это зрелище, знаете ли, не из приятных. Чего доброго, в обморок упадете. Поезжайте-ка лучше куда-нибудь, выпейте пару порций джина покрепче, а к тому времени, когда вернетесь, ваша жена уже благополучно родит.

Предсказание врача не сбылось. Роды растянулись на долгие часы. Из-за дверей родильного отделения доносились стоны и крики Хелены. Джайлза охватило чувство вины вперемешку со страхом. Он ощущал себя виновником ее страданий.

Только теперь, видя жену живой и относительно здоровой, видя дочку, лежавшую рядом в колыбельке, Джайлз постепенно начал прощать себя и позволять себе вновь быть счастливым. Очень счастливым. Наконец он, Джайлз, создал что-то свое, чем мог искренне гордиться.

– Я люблю тебя, – сказал он Хелене, и впервые он говорил это искренне.

Искренне и с верой в свою любовь.

* * *

– Я поведу тебя обедать в «Липп». Это типично французское кафе. Ты там бывала?

Адель покачала головой. Вполне вероятно, что она там бывала, причем неоднократно. Однако в эти минуты, сидя рядом с Люком Либерманом, ощущая у себя на колене его руку и чувствуя на себе сверлящий взгляд его глаз, она забыла и то, где они находятся – это был бар ее отеля, – и, вполне вероятно, забыла даже, как ее зовут. С нею творилось что-то непонятное. Изменились все чувства, куда-то провалилось все, что она знала. Мир сделался незнакомым. Только одно она знала наверняка: она сейчас с Люком. Этого было достаточно.

– Что ж, думаю, тебе там понравится, – торопливо произнес Люк.

– Что?

Он улыбнулся, понимая широту и глубину ее смятения. Понимая в опасном для Адели смысле.

– *Ma chère Mam'selle*³³. – Люк взял ее руку, провел по ней пальцами, а затем поднес к губам.

Адель почувствовала этот поцелуй, причем не только на своих пальцах, которых коснулись его губы. Поцелуй Люка опасно, вероломно проник в другие части ее тела, еще не исследованные ею, и вызвал там незнакомые ощущения. Проник в нежные, потаенные уголки и пробудил к жизни непонятное бурление. Она сделала короткий, почти пугливый вдох. Люк это услышал, почувствовал и улыбнулся:

– О Адель. До чего ты... красива.

Она силилась восстановить свое привычное состояние, стать прежней, быстрой на реакции и острой на язык Аделью, рассмеяться ему в лицо и даже высмеять всю эту чепуху, которой она придала излишнее значение.

– Едва ли, – только и сказала она.

Адель высвободила руку и полезла в сумочку за портсигаром. Она достала сигарету, надеясь, что он не заметит, как та дрожит в ее пальцах. Дрожали не только ее пальцы. Адель дрожала вся. Это была нервная дрожь, близкая к шоку.

³³ Моя дорогая мадемуазель (фр.).

– Ты вся дрожишь, – сказал Люк, и его голос стал совсем нежным. – Давай я помогу тебе закурить.

– Я... я не хочу курить, – возразила Адель. – На самом деле...

– На самом деле ты испытываешь легкое смущение, – улыбнулся Люк.

– Совсем нет. С чего ты взял?

Да что с ней такое? Она вдруг превратилась в спотыкающееся, дрожащее, запинающееся существо. Беспомощное, безнадежно сломанное, словно кукла. Адель вздохнула, почти испугалась, а потом улыбнулась:

– Прости.

– Не надо извиняться. – Люк оторвал взгляд от ее глаз, посмотрел на ее губы, потом на волосы и очень осторожно погладил ее по щеке. – Мне нравится видеть тебя такой. Люблю, когда ты находишься в смятении. Тогда ты кажешься мне несравненной.

– Боже мой, – как-то глупо пролепетала Адель, потом улыбнулась, снова попытавшись вернуть самообладание. Попытка была нервной. – Я, наверное, должна пойти и подготовиться?

– По-моему, ты вполне готова. Вряд ли ты что-то добавишь к своему облику или к своей красоте, – сказал Люк. – Но если тебе так надо, иди. Если ты можешь выдержать расставание со мной, смогу и я.

Теперь Адель широко улыбнулась и почти засмеялась. Она бросилась в свой номер. Там она переделалась в платье, купленное в прошлый раз: длинное, узкое платье из блестящего черного шелка, до щиколоток, со скромным вырезом спереди. Волосы она заколола шпильками со стразами, подвела веки темно-коричневыми тенями и выбрала для губ темно-красную помаду.

– Ты выглядишь так, словно знаешь, что делаешь, – сказала Адель самой себе.

* * *

Но она ничего не знала. Ни капельки. Все, что она делала, происходило словно само собой, без ее участия. Она сидела в зале кафе «Липп», декорированного в стиле ар-нуво, и пила шампанское. Деликатесы не лезли ей в рот. Она едва проглотила крохотный кусочек рыбы, такой же кусочек жареного мяса и совсем немного блинчиков с фруктами. Она словно не замечала блистательного общества, собравшегося в зале, – *le tout Paris*³⁴, как сказал изумленный Люк.

– Смотри. Вон там сидит знаменитая Мюрт. А это Мопс со своей новой любовницей. Должно быть, ты слышала про Мопс. Она немка, но знает в Париже всех. У нее двое верных мужей и еще несколько любовников и любовниц. А вон там в пальто из шкуры леопарда – Нэнси Кунард... Адель, смотри, здесь и Мишель де Брюноф – редактор французского «Вога». Уж его-то ты должна знать.

– Я его знаю, – сказала она, глядя Люку прямо в глаза, – но сейчас мне не хочется с ним разговаривать. Я хочу быть только с тобой... Боже мой! – заерзала она на стуле, мгновенно пробуждаясь от своей дремы. – Никак собака?

– Да, собака. Ты истинная англичанка. Собака сразу пробудила в тебе интерес, но никак не люди. Собаки здесь частые гости, разумеется, при условии, что их хозяева получили разрешение у владельца кафе приводить своих любимцев. И конечно же, собаки здесь тоже шикарные.

– Да, я истинная англичанка, – согласилась Адель. – И не устаю твердить тебе об этом.

³⁴ Весь Париж (фр.).

– А я стараюсь это понять. – Улыбка Люка была широкой и насмешливой. – Наверное, твоей матери здесь понравилось бы. Как ты думаешь?

– Уверена, что понравилось бы. Но хвала небесам, что ее здесь нет... Слушай, там никак Генри Миллер³⁵ сидит?

– Весьма вероятно. Где? Да, это он. Хоть кто-то пробудил у тебя интерес.

– Почему кто-то? Ты, – сказала Адель, наклонилась к нему и осторожно поцеловала в щеку.

На нее вновь накатило странное ощущение, будто она совершенно не представляет, что сейчас делает.

Адель и вправду почти не представляла, что делает. Вопреки ее протестам, словесно пылким, но слабым, вопреки ее заявлениям, что она никогда, никогда этого не сделает, никогда не позволит себе такого и не ляжет в постель с женатым мужчиной, поскольку она всегда осуждала подобные отношения... Вопреки ее протестам уже в одиннадцать часов вечера – по парижским меркам до неприличного рано – она вошла в свой номер вместе с Люком Либерманом, женатым мужчиной, и не выпроводила его, пожелав спокойной ночи, а позволила себя соблазнить: мягко, нежно и на редкость красиво. Тут же Люк узнал о ее девственности. Адель бросало то в слезы, то в смех, то в глубокое отчаяние.

– Думаю, я удостоился редкой чести, – сказал Люк, целуя ей плечо. – На меня возложена прекрасная миссия произвести *dépuselage*³⁶. Я сделаю все, чтобы у тебя об этом остались только приятные воспоминания.

* * *

Они легли, и он вошел в ее нежную, голодную, испуганную плоть, сумев причинить ей минимальную боль. Потом начались ощущения, совершенно новые для нее. Люк не торопился. Поначалу ее ощущения были мягкими и спокойными, затем начали обретать силу и наконец сделались неистовыми. Она стремительно взлетела вверх и упала в резкий и сладостный голод своего первого оргазма. Потом был еще один: пронзительный и яростный. Адель слышала, как она что-то выкрикивает. Ее руки цеплялись за него. Потом все страсти улеглись, и наступил блаженный покой, тихий и чистый. Сама не понимая почему, Адель заплакала. Она всхлипывала, сознавая, что любит этого человека и что на всю жизнь связана с ним узами любви.

– И что же мы будем теперь делать? – спросила она.

³⁵ Генри Миллер (1891–1980) – скандально знаменитый американский романист и художник.

³⁶ Лишение невинности (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.